

Квалификация преступлений против жизни.

Бородин С. В.

1977

Бородин С. В.

Квалификация преступлений против жизни. М., «Юрид. лит.», 1977. 240 с.

В монографии исследуются различные аспекты действия уголовного законодательства в целях охраны жизни человека. Основное внимание уделено квалификации преступлений против жизни: предпринята попытка предложить общий подход к этой проблеме, проанализировать признаки, характеризующие различные виды убийства и доведение до самоубийства, рассмотреть многообразие ситуаций, возникающих при совершении этих преступлений, раскрыть их значение для правильной юридической оценки.

Работа рассчитана на научных работников, преподавателей, аспирантов, юристов и студентов юридических вузов. Она может быть полезной также для судей, прокуроров, следователей и работников милиции.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
1 Развитие законодательства о преступлениях против жизни. Их понятие и классификация	7
2 Индивидуализация ответственности за преступления против жизни	17
2.1 Общие условия правильной квалификации преступлений против жизни	17
2.2 Признаки состава преступления и их значение для квалификации преступлений против жизни	21
2.3 Квалификация преступлений против жизни при изменении обвинения	31
3 Умышленное убийство без отягчающих обстоятельств	39
3.1 Место умышленного убийства среди других видов убийства	39
3.2 Убийство из ревности	40
3.3 Убийство из мести, возникшей на почве личных отношений	41
3.4 Убийство в драке или ссоре	43
3.5 Убийство матерью своего новорожденного ребенка	44
3.6 Другие виды умышленного убийства без отягчающих обстоятельств	47
4 Умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах	49
4.1 Общая характеристика обстоятельств, отягчающих умышленное убийство	49
4.2 Отягчающие обстоятельства, характеризующие субъективные свойства убийства и личность виновного	52
Убийство из корыстных побуждений	52
Убийство из хулиганских побуждений (п. «б» ст. 102 УК).	57
Убийство, совершенное в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга (п. «в» ст. 102 УК).	62
Убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием (п. «е» ст. 102 УК).	65
Убийство, совершенное лицом, ранее совершившим умышленное убийство, за исключением убийства, предусмотренного ст.ст. 104 и 105 УК (п. «и» ст. 102 УК).	68
Убийство, совершенное на почве кровной мести (п. «к» ст. 102 УК).	72
Убийство, совершенное особо опасным рецидивистом (п. «л» ст. 102 УК).	74
4.3 Отягчающие обстоятельства, характеризующие объективные свойства убийства	76
Убийство, совершенное с особой жестокостью (п. «г» ст. 102 УК).	76
Убийство, совершенное способом, опасным для жизни многих людей (п. «д» ст. 102 УК).	80
Убийство женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности (п. «ж» ст. 102 УК).	84
Убийство двух или более лиц (п. «з» ст. 102 УК).	86

5	Умышленное убийство при смягчающих обстоятельствах	89
5.1	Убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения	89
5.2	Убийство при превышении пределов необходимой обороны	96
6	Неосторожное убийство	115
7	Доведение до самоубийства	122
8	Отграничение преступлений против жизни от других преступлений, связанных с причинением смерти	127

ПРЕДИСЛОВИЕ

Полная и окончательная победа социализма в нашей стране является величайшей гарантией расцвета личности. «**Переход к коммунизму**, — говорится в Программе КПСС, — **означает всемерное развитие свободы личности и прав советских граждан**»¹. Отношения между людьми при социализме строятся на взаимном уважении и доверии. Эти отношения создают все условия для свободы и развития личности. Свобода личности советских граждан гарантируется советским государственным и общественным строем, закрепленным Конституцией СССР, конституциями союзных и автономных республик. В ст. 127 Конституции СССР подчеркнуто, что гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Советский Союз ратифицировал Международный пакт о гражданских и политических правах², в котором сформулированы основные права личности и гарантии ее уважения. Если проанализировать текст ст. ст. 6—12 этого Пакта, то легко убедиться, что основные его положения, относящиеся к гарантиям прав личности, содержатся в советском законодательстве. Охране личности служит все советское законодательство. Эта задача ставится непосредственно перед административным, гражданским, семейным, трудовым законодательством, законодательством о здравоохранении, об уголовном и гражданском судопроизводстве и др. Определенное место в охране личности занимает советское уголовное законодательство, призванное бороться и с преступлениями против личности.

Среди преступлений, посягающих на личность, наиболее тяжкими являются *преступления против жизни*. Они посягают на жизнь человека — благо, которое дается ему только один раз. Преступления против жизни относятся к числу тех преступлений, при квалификации которых встречаются значительные трудности. Они являются следствием многообразия различных ситуаций совершения этих посягательств и сложности признаков, которые приходится учитывать. Данное обстоятельство обусловило содержание работы, в которой на основе всестороннего изучения практики и использования достижений советской науки уголовного права предпринята попытка исследования квалификации убийства и доведения до самоубийства, индивидуализации ответственности за эти преступления. В работе показано развитие законодательства о преступлениях против жизни, условия правильной их квалификации по действующему законодательству, значение для этого признаков состава преступления, зависимость квалификации убийства и доведения до самоубийства от обвинения, отражающего содержание фактических данных, подлежащих квалификации. На этой основе анализируются особенности квалификации каждого вида убийства и доведения до самоубийства, формулируются конкретные рекомендации по совершенствованию практики применения уголовного законодательства (ст. ст. 102—107 УК РСФСР) и предложения по его дальнейшему улучшению. Значительное внимание в работе уделено отграничению одного убийства от другого и убийства от доведения до самоубийства, а также разграничению преступлений против жизни и других преступлений, связанных с причинением смерти.

Ряд из перечисленных вопросов уже рассматривался в монографии «Квалификация убийства по действующему законодательству», вышедшей в 1966 году. Однако в данной

¹Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1974, с. 106.

²См.: «Ведомости Верховного Совета СССР», 1973, № 40, ст. 564.

работе значительно расширен круг исследования, существенно изменен план работы, многое написано заново, главы, которые сохранены, подверглись переработке с учетом литературы, следственной и судебной практики последних лет. По некоторым проблемам автор уточнил свою позицию, усилил аргументацию по вопросам, по-разному решаемым в теории и на практике.

ГЛАВА 1. РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЖИЗНИ. ИХ ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

1. Советская власть с первых дней своего существования приняла решительные меры к тому, чтобы создать прочные основы для свободы личности и охраны жизни человека.

Великая Октябрьская социалистическая революция впервые в истории создала материальные, духовные и правовые гарантии равенства всех граждан независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости и социального происхождения.

Исходя из этих положений, советское законодательство установило *равную* уголовно-правовую охрану жизни любого человека.

Первый Уголовный кодекс РСФСР, принятый в 1922 году, широко дифференцировал ответственность за посягательства на жизнь человека. Прежде всего преступления против жизни были разграничены по объекту посягательства. Если объектом преступления выступала только жизнь человека, то это преступление признавалось убийством. В тех же случаях, когда наряду с жизнью преступление посягало и на другой объект, оно было отнесено в Уголовном кодексе к соответствующим главам. Например, ст. 64 УК (отнесенная к гл. 1 «Государственные преступления») предусматривала ответственность за «участие в выполнении в контрреволюционных целях террористических актов, направленных против представителей Советской власти и деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций»; ст. 65 УК — за диверсию (взрывы, поджоги, связанные с человеческими жертвами); ст. 76 УК — за бандитизм, состав которого охватывал и лишение жизни¹.

Такой подход к отграничению убийства от других преступлений, посягающих наряду с жизнью и на иные общественные отношения, выдержал проверку временем, он сохранен и в действующем уголовном законодательстве.

Дифференцированно устанавливалась ответственность за преступления против жизни и в рамках гл. V УК «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности». В разд. I «Убийство» предусматривалась ответственность: за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах (ст. 142); за умышленное убийство без отягчающих обстоятельств (ст. 143); за умышленное убийство при смягчающих обстоятельствах (ст. 144 и 145); за неосторожное убийство (ст. 147). В этом же разделе УК предусматривалась ответственность за содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать свойства или значение им совершаемого или руководить своими поступками, если самоубийство или покушение на него последовали (ст. 148). В таком решении вопроса об ответственности за содействие самоубийству нельзя не видеть определенной непоследовательности. С одной стороны, исходя из непроступности самоубийства, не предусматривалась ответственность за содействие этому деянию, а с другой — устанавливалась ответственность за содействие самоубийству несовершеннолетнего или невменяемого с пониженной санкцией (до 3 лет лишения свободы) (по сравнению

¹Принятые вслед за Уголовным кодексом РСФСР Уголовные кодексы Украинской, Грузинской, Азербайджанской и Белорусской союзных республик не содержали принципиальных различий в регулировании ответственности за преступления против жизни.

с санкциями статей, предусматривавших ответственность за убийство. Этим самым фактически создавался самостоятельный состав убийства при смягчающих обстоятельствах.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года относил к преступлениям против жизни производство аборта лицом, не имеющим медицинской подготовки, либо в ненадлежащих условиях (ст. 146).

В числе обстоятельств, отягчающих умышленное убийство, в ст. 142 УК предусматривались: а) корысть, ревность (при отсутствии сильного душевного волнения) и другие низменные побуждения; б) убийство лицом, уже отбывшим наказание за умышленное убийство или весьма тяжкое телесное повреждение; в) убийство способом, опасным для жизни многих людей или особо мучительным для убитого; г) убийство с целью облегчить или скрыть другое тяжкое преступление; д) убийство лицом, на обязанности которого лежала особая забота об убитом; е) убийство с использованием беспомощного положения убитого¹. За умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок не ниже 8 лет² со строгой изоляцией.

Умышленное убийство без отягчающих обстоятельств наказывалось по ст. 143 УК лишением свободы на срок не ниже 3 лет со строгой изоляцией. Эта статья содержала примечание, в котором говорилось, что убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сострадания, не наказывается. Однако судебная практика показала, что безнаказанность лишения жизни по просьбе потерпевшего из сострадания является неправильной, и примечание буквально через несколько месяцев после введения в действие кодекса было отменено³.

К убийству при смягчающих обстоятельствах было отнесено: умышленное убийство, совершенное под влиянием сильного душевного волнения, вызванного противозаконным насилием со стороны потерпевшего (наказывалось по ст. 144 УК лишением свободы до 3 лет); превышение пределов необходимой обороны, повлекшее за собой смерть нападающего, а также убийство застигнутого на месте преступления преступника с превышением необходимых для его задержания мер (наказание по ст. 145 УК — лишение свободы на срок до 1 года).

Уголовный кодекс 1922 года предусматривал два вида неосторожного убийства: по ч. 1 ст. 147 наказывалось неосторожное убийство лишением свободы или исправительными работами на срок до 1 года; в ч. 2 ст. 147 предусматривалось неосторожное убийство, которое явилось результатом сознательного несоблюдения правил предосторожности. Оно наказывалось лишением свободы на срок до 3 лет. Кроме того, суд мог запретить осужденному навсегда или на определенный срок ту деятельность, при выполнении которой он причинил смерть. Сопоставление ч. 1 и ч. 2 этой статьи показывает, что в ч. 1 была предусмотрена ответственность за неосторожное убийство по небрежности, когда лицо не предвидело возможности причинения смерти потерпевшему, хотя должно было и могло ее предвидеть, а в ч. 2 — за неосторожное убийство в результате преступной самонадеянности, когда лицо предвидело возможность наступления смерти потерпевшего в результате своего действия или бездействия, но легкомысленно рассчитывало на ее предотвращение.

С 1 января 1927 г. был введен в действие утвержденный 22 ноября 1926 г. новый Уголовный кодекс РСФСР⁴. Этот кодекс оставил без существенного изменения ответственность

¹В Уголовном кодексе Грузинской ССР в качестве отягчающего обстоятельства умышленного убийства предусматривалось совершение его «из засады»; в Уголовном кодексе Азербайджанской ССР — «из кровной вражды» и «женщины в связи с раскрепощением».

²Статья 34 УК РСФСР установила высший предел наказания в виде лишения свободы — 10 лет. По УК Азербайджанской ССР за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах допускалось применение высшей меры наказания — расстрела (ст. 142).

³СУ РСФСР, 1922, № 72—73, ст. 906.

⁴СУ РСФСР, 1926, № 80, ст. 600.

за умышленное убийство¹. Были изменены лишь санкции — устанавливался высший предел наказания, а не низший, как это было в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года. За умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах (ст. 136 УК) было предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет; за умышленное убийство без отягчающих обстоятельств (ст. 137 УК) — до 8 лет; за умышленное убийство в состоянии сильного душевного волнения (ст. 138 УК) — до 5 лет лишения свободы или исправительно-трудовые работы на срок до 1 года. Было увеличено наказание до 3 лет лишения свободы за убийство при превышении пределов необходимой обороны, а за убийство по неосторожности (как по небрежности, так и в результате преступной самонадеянности) установлено наказание до 3 лет лишения свободы. Оба эти убийства были предусмотрены одной ст. 139 УК, которая допускала также применение наказания до 1 года исправительно-трудовых работ.

Уголовный кодекс РСФСР не устанавливал специально ответственность за убийство преступника, застигнутого на месте совершения преступления. Практика показала, что эти действия в зависимости от конкретных обстоятельств дела могут быть квалифицированы не только как убийство с превышением мер, необходимых для задержания, но и как убийство в состоянии сильного душевного волнения или как убийство без отягчающих обстоятельств.

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 года был введен новый состав, где объектом посягательства была жизнь человека, — это «доведение лица, находящегося в материальной или иной зависимости от другого, жестоким обращением последнего или иным подобным путем до самоубийства или покушения на него». В ч. 1 ст. 141 за это преступление устанавливалось наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет. Вместе с тем в качестве ч. 2 ст. 141 этого кодекса сохранялись положения ст. 148 УК РСФСР 1922 года, которая предусматривала ответственность за содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или невменяемого лица.

В 1934 году ст. 136 УК РСФСР была дополнена ч. 2, которая предусматривала ответственность за убийство, совершенное военнослужащим при особо отягчающих обстоятельствах. За это преступление предусматривалось применение высшей меры наказания — расстрела². Других изменений в уголовное законодательство об ответственности за преступления против жизни не вносилось до 1954 года.

За годы действия Уголовного кодекса РСФСР 1926 года, особенно в послевоенные годы, после принятия Указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан», санкции которых предусматривали наказание до 20—25 лет лишения свободы, выявилось несоответствие наказания за эти преступления наказанию за преступления против жизни, прежде всего за убийство, максимальная санкция за которое предусматривала 10 лет лишения свободы. Это несоответствие пытался в судебной практике поправить Верховный Суд СССР. Так, была дана рекомендация при рассмотрении дел об убийстве, соединенном с разбоем, квалифицировать эти преступления только по ч. 2 ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г.³. В некоторых случаях,

¹В других союзных республиках в течение 1926—1928 гг. также были приняты и введены в действие новые Уголовные кодексы, которые не содержали существенных различий в ответственности за преступления против жизни. Лишь в Уголовном кодексе Белорусской ССР не было выделено убийство при отягчающих обстоятельствах. В ст. 214 этого кодекса предусматривалась ответственность за умышленное убийство. Кроме того, в этом кодексе не было статьи об ответственности за доведение до самоубийства. Имелись некоторые различия в санкциях отдельных статей Уголовных кодексов других союзных республик, предусматривавших ответственность за преступления против жизни.

²СУ РСФСР, 1934, № 34, ст. 206. Это соответствовало общесоюзному закону (см. постановление ЦИК СССР от 7 июля 1934 г. — СЗ СССР, 1934, № 37, ст. 295).

³См.: «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1948, вып. 3, с. 3.

с тем чтобы увеличить меру наказания, суды квалифицировали убийство по аналогии как бандитизм по ст. ст. 16, 59³ УК РСФСР¹.

Президиум Верховного Совета СССР 30 апреля 1954 г. принял Указ «Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах»². Применение этого Указа позволило значительно усилить борьбу с умышленными убийствами при отягчающих обстоятельствах, повысить предупредительное воздействие уголовного закона.

Вместе с тем практика ставила вопросы дальнейшего совершенствования законодательства об убийствах. В частности, возникал вопрос о недостатках ч. 1 ст. 136 УК РСФСР, которой устанавливались отягчающие обстоятельства умышленного убийства. Правильное разрешение его очень важно, так как отнесение тех или иных обстоятельств, при наличии которых совершаются убийства, к отягчающим и оказывающим влияние на их квалификацию определяет направленность борьбы с этими преступлениями. За 30 лет действия Уголовного кодекса накопился значительный опыт борьбы с убийствами, который давал возможность улучшить действовавший тогда закон, обеспечить наиболее эффективную охрану жизни граждан в соответствии с требованиями социалистического гуманизма.

Эту задачу разрешил Уголовный кодекс РСФСР 1960 года³, который, сохранив прежнюю классификацию преступлений против жизни, внес серьезные изменения в характеристику обстоятельств, отягчающих умышленное убийство.

В соответствии со ст. 102 УК РСФСР⁴ совершенным при отягчающих обстоятельствах признается убийство:

- а) из корыстных побуждений;
- б) из хулиганских побуждений;
- в) в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга;
- г) с особой жестокостью;
- д) способом, опасным для жизни многих людей⁵;
- е) с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием;
- ж) женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности;
- з) двух или более лиц;

¹В последующем Верховный Суд СССР исправлял свои ошибки (см., например, «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1955, № 3, с. 7—8).

²«Ведомости Верховного Совета СССР», 1954, № 11, ст. 221.

³После принятия Верховным Советом СССР 25 декабря 1958 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик во всех союзных республиках в течение 1959—1961 гг. были приняты и введены в действие новые Уголовные кодексы.

⁴В данном случае и далее имеется в виду Уголовный кодекс РСФСР 1960 года и соответствующие статьи Уголовных кодексов других союзных республик, если иное не оговорено.

⁵В Уголовных кодексах Азербайджанской (п. 6 ст. 94), Армянской (п. 6 ст. 99), Белорусской (п. «е» ст. 100), Грузинской (п. 6 ст. 104), Киргизской (п. 6 ст. 94), Латвийской (п. 6 ст. 99), Литовской (п. 6 ст. 105), Узбекской (п. 6 ст. 80), Украинской (п. «е» ст. 93) и Эстонской (п. 7 ст. 101) союзных республик объединены два отягчающих обстоятельства умышленного убийства: совершение с особой жестокостью или способом, опасным для жизни многих людей.

- и) лицом, ранее совершившим умышленное убийство, за исключением убийства при превышении пределов необходимой обороны и в состоянии сильного душевного волнения;
- к) на почве кровной мести¹;
- л) особо опасным рецидивистом².

Сравнивая ст. 102 УК с ранее действовавшим законодательством, следует отметить, что она содержит исчерпывающий перечень отягчающих обстоятельств. В ней нет неопределенной формулировки отягчающего обстоятельства умышленного убийства «из иных низменных побуждений», позволявшей в прошлом необоснованно расширять перечень отягчающих обстоятельств при квалификации умышленных убийств.

Уголовным кодексом 1960 года не отнесены к отягчающим обстоятельствам умышленного убийства ревность, месть на почве личных взаимоотношений, совершение убийства военнослужащим³, а также лицом, на обязанности которого лежала особая забота об убитом (чаще всего к этому обстоятельству относилось детоубийство), с использованием беспомощного положения потерпевшего. Опыт показал, что отнесение умышленных убийств при наличии указанных признаков всегда к отягчающим не оправдало себя. Наоборот, некоторые из них, так же как и детоубийство, нередко признаются совершенными при смягчающих обстоятельствах.

В число обстоятельств, отягчающих умышленное убийство, в Уголовный кодекс 1960 года включены такие обстоятельства, как совершение умышленного убийства женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности, умышленное убийство двух или более лиц либо совершенное особо опасным рецидивистом.

Наконец, некоторые обстоятельства, отягчающие умышленное убийство, в кодексе 1960 года изложены в иной, более точной редакции. Это относится к обстоятельствам, характеризующим умышленное убийство: из хулиганских побуждений; в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга; с особой жестокостью; с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием; лицом, ранее совершившим умышленное убийство, за исключением убийства, предусмотренного ст. ст. 104 или 105 УК, на почве кровной мести.

Изучение практики, а также сравнительный анализ обстоятельств, отягчающих умышленное убийство, предусмотренных Уголовными кодексами РСФСР 1926 и 1960 гг., позволяет сделать вывод о значительных преимуществах нового законодательства по сравнению с ранее действовавшим.

¹Кровная месть как обстоятельство, отягчающее умышленное убийство, предусмотрена в Уголовных кодексах Грузинской (п. 8 ст. 104), Казахской (п. «к» ст. 88) и Туркменской (п. 10 ст. 106) союзных республик. В п. 7 ст. 80 УК Узбекской ССР, в п. 8 ст. 94 УК Киргизской ССР, а также в п. 7 ст. 106 УК Туркменской ССР предусмотрена повышенная ответственность за умышленное убийство, совершенное на почве пережитков родового (прошлого) быта по отношению к женщине, а в п. «к» ст. 108 УК Таджикской ССР — за умышленное убийство, совершенное на почве прошлого старого быта.

²В Уголовных кодексах Азербайджанской (п. 8 ст. 94), Армянской (п. 8 ст. 94), Белорусской (п. «з» ст. 100), Грузинской (п. 9 ст. 104), Киргизской (п. 9 ст. 94), Литовской (п. 8 ст. 104), Молдавской (п. «з» ст. 88), Украинской (п. «з» ст. 93) и Узбекской (п. 9 ст. 80) союзных республик объединены два отягчающих обстоятельства: совершение умышленного убийства особо опасным рецидивистом либо лицом, ранее совершившим умышленное убийство, за исключением убийства при превышении пределов необходимой обороны или в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения. При этом следует отметить, что Уголовные кодексы Молдавской, Украинской, Узбекской и Эстонской союзных республик исключают признание умышленного убийства повторным, если ранее совершено убийство матерью новорожденного ребенка.

³В п. «в» ст. 240 УК предусмотрена ответственность военнослужащего за сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению служебных обязанностей, сопряженное с умышленным убийством.

В ст. 104 УК 1960 года полно раскрыты признаки убийства в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения.

В Уголовном кодексе 1960 года убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, и убийство по неосторожности, в отличие от Уголовного кодекса 1926 года, сформулированы в разных статьях, что позволило устранить имевшую ранее место путаницу¹. Кроме того, дана более четкая формулировка каждого из этих преступлений. В ст. 105 УК предусмотрена ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны, а в ст. 106 — за убийство, совершенное по неосторожности².

Уголовные кодексы Азербайджанской (ст. 96), Киргизской (ст. 97), Латвийской (ст. 100), Литовской (ст. 106), Молдавской (ст. 92), Узбекской (ст. 83), Таджикской (ст. 106), Туркменской (ст. 110), Украинской (ст. 96) и Эстонской (ст. 102) союзных республик предусматривают ответственность за умышленное убийство матерью своего новорожденного ребенка³.

Более точно сформулирована диспозиция ст. 107 УК, предусматривающая ответственность за доведение до самоубийства лица, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного⁴: не только воспроизведено указание на жестокость обращения виновного с потерпевшим, но и вместо слов «иным подобным путем» введен признак систематического унижения личного достоинства потерпевшего.

В Уголовном кодексе 1960 года не предусмотрена ответственность за содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или невменяемого лица (ч. 2 ст. 141 УК 1926 года). Это не означает, что кодекс 1960 года исключил уголовную ответственность за это преступление. Судебная практика пошла по пути признания убийством содействия или подговора к самоубийству несовершеннолетнего или невменяемого лица.

Характеризуя действующее законодательство об ответственности за преступления против жизни, необходимо подчеркнуть, что по сравнению с прежним оно полнее регламентирует ответственность за эти преступления и предусматривает более строгие санкции, особенно за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах.

Все это увеличивает предупредительное значение законодательства и позволяет эффективнее обеспечивать гарантии охраны жизни советских граждан.

Однако как бы ни было удовлетворительно действующее законодательство (в том числе и о преступлениях против жизни), оно впредь должно совершенствоваться в направлении усиления борьбы с преступностью.

Внесение дополнений и изменений в Уголовный кодекс — вполне закономерное явление, так как действенность и эффективность законодательства проверяется на практике,

¹В связи с тем, что оба преступления были предусмотрены в одной статье, некоторые допускали по этим чисто формальным соображениям возможность совершения убийства при превышении пределов необходимой обороны по неосторожности.

²В УК Латвийской ССР (ст. 103) предусмотрена ответственность за причинение смерти по неосторожности. В Уголовных кодексах Киргизской (ч. 2 ст. 99), Литовской (ч. 2 ст. 109), Молдавской (ч. 2 ст. 93) и Таджикской (ч. 2 ст. 109) союзных республик предусмотрена ответственность за неосторожное убийство в результате сознательного несоблюдения правил предосторожности, а равно за неосторожное убийство двух или более лиц. В ч. 2 ст. 104 УК БССР содержится только один признак: «неосторожное убийство двух или более лиц».

³В тех союзных республиках, кодексы которых не содержат аналогичной статьи, такие убийства расцениваются как убийства без отягчающих и без смягчающих обстоятельств и квалифицируются, например, в РСФСР по ст. 103 УК, в Белорусской ССР по ст. 101 УК.

⁴Уголовные кодексы Азербайджанской (ст. 100), Армянской (ст. 104), Белорусской (ст. 105), Киргизской (ст. 100), Латвийской (ст. 104), Молдавской (ст. 94), Туркменской (ст. 112), Узбекской (ст. 87) и Украинской (ст. 99) союзных республик предусматривают в самостоятельной части статьи ответственность за доведение до самоубийства и в тех случаях, когда какая-либо зависимость отсутствовала. В ст. 106 УК Эстонской ССР установлен один состав доведения до самоубийства и не указана материальная или иная зависимость потерпевшего от виновного.

в ходе его применения. В ст. 103 УК, предусматривающей ответственность за умышленное убийство без отягчающих обстоятельств, например, уже вносилось изменение — был установлен низший предел санкции (от 3 лет), который в первоначальной редакции не был указан¹.

Важность своевременного дополнения и изменения законодательства подчеркивал В. И. Ленин. Выступая на IV сессии ВЦИК в 1922 году, он говорил: «И если тот закон, который теперь вами принят, тоже окажется в тех или иных отношениях заслуживающим поправок, мы без всякого затруднения эти дальнейшие поправки, дальнейшие улучшения будем принимать так же, как вы вот сию минуту принимали поправки и улучшения к нашему Уголовному кодексу»².

Таким, образом, действующий Уголовный кодекс дает необходимые предпосылки для успешной борьбы с преступлениями против жизни. Однако даже самый хороший закон сам по себе не достигает тех целей, для которых он был принят. Необходимо обеспечить правильное применение закона в соответствии с его назначением и точным смыслом. Это обеспечивается путем *индивидуализации* ответственности лиц, виновных в совершении преступлений против жизни, *правильной квалификации их действий и назначения справедливого наказания*.

2. Анализ уголовного законодательства дает основания для выделения двух видов преступлений против жизни: а) убийство умышленное и неосторожное, б) доведение до самоубийства.

К числу преступлений против жизни теперь не относится незаконное производство аборта, которое по Уголовному кодексу РСФСР 1922 года признавалось преступлением против жизни.

Действующее законодательство и наука советского уголовного права считают его преступлением, ставящим в опасность жизнь и здоровье женщин.

Советское уголовное законодательство, не отказываясь в принципе от определения понятия некоторых преступлений (например, кражи, спекуляции), не раскрывает понятия убийства. На первый взгляд может показаться, что в этом вообще нет необходимости, так как понятие убийства само по себе достаточно ясно. Между тем это понятие в житейском смысле не раскрывает и не может раскрыть юридической характеристики данного преступления. Тем более что вне сферы действия уголовного законодательства под убийством иногда понимается не только преступное лишение жизни, но и причинение побоев, ушибов и т. п.

В уголовно-правовом смысле понятие убийства более узкое, так как для наступления уголовной ответственности за убийство необходимо наличие определенных признаков, которые бы свидетельствовали о совершении данного преступления.

Понятие «убийство» неразрывно связано с жизнью и смертью человека, поэтому без выяснения содержания понятия жизни и смерти нельзя говорить об определении убийства.

«Жизнь, — писал Ф. Энгельс, — есть способ существования белковых тел, и этот способ существования заключается по своему существу в постоянном обновлении их химических составных частей путем питания и выделения»³.

Это высказывание Ф. Энгельса имеет принципиальное значение для определения понятия жизни человека, которая, с биологической точки зрения, состоит в непрерывном обмене веществ, питании и выделении. С прекращением этих функций прекращается и жизнь человека. Человеческая жизнь в биологическом смысле этого слова имеет значение для определения границ жизни человека.

¹См.: «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1962, № 29, ст. 449.

²Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 247—248.

³Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 635.

Возникновение жизни связано с началом процесса родов. Естественным и неизбежным завершением жизни является физиологическая смерть человека вследствие старения организма¹. Однако некоторая часть людей умирает в результате патологической, преждевременной смерти, вызванной болезнью или насильственными действиями. К патологической смерти относится и убийство, которое является родом насильственной смерти.

Следовательно, насильственный характер смерти — один из признаков убийства. Но насильственная смерть может носить и правомерный характер (например, приведение в исполнение приговора к смертной казни). Кроме того, насильственная смерть может свидетельствовать не только об убийстве, но и о несчастном случае и самоубийстве. В связи с этим возникает вопрос об их разграничении.

В отличие от правомерного лишения жизни, несчастного случая и самоубийства убийство преследуется как противоправное деяние, предусмотренное Особенной частью Уголовного кодекса. Чтобы исключить отнесение к убийству правомерного лишения жизни и случайного причинения смерти, совершаемых при отсутствии вины, необходимо указать на виновное лишение жизни при определении убийства. Наконец, для отграничения от самоубийства должно быть указано, что речь идет о лишении жизни другого человека.

Исходя из указанных признаков, в советской юридической литературе с теми или иными небольшими различиями убийство определяется как противоправное умышленное или неосторожное лишение жизни другого человека. На первый взгляд это определение охватывает элементы, необходимые для выяснения понятия убийства. Но если учесть, что уголовное законодательство предусматривает ответственность за ряд других преступлений, которые также сопровождаются умышленным или неосторожным лишением жизни другого человека, то необходимо признать, что приведенное определение убийства не вполне совершенно. На это обстоятельство обратил внимание Н. И. Загородников, который к приведенному выше определению понятия убийства добавляет: «... когда причинение смерти является основанием уголовной ответственности»². Он справедливо подчеркивает, что основанием уголовной ответственности может быть только совершение общественно опасного деяния, предусмотренного законом.

Но поскольку убийство является одним из тех общественно опасных деяний, которые предусмотрены законом, постольку основанием уголовной ответственности при убийстве является не что иное, как убийство. Поэтому вряд ли можно внести существенное уточнение в определение понятия убийства, указав, что при убийстве основанием уголовной ответственности является убийство.

По нашему мнению, с учетом требований о необходимости в определении отграничивать убийство не только от правомерного лишения жизни, случая и самоубийства, но и от других преступлений, включающих в свой состав умышленное или неосторожное причинение смерти, в соответствии со ст. ст. 3 и 7 УК определение понятия убийства можно было бы сформулировать следующим образом

Убийство — это предусмотренное Особенной частью Уголовного кодекса виновное деяние, посягающее на жизнь другого человека и причиняющее ему смерть³.

¹Вопрос о моменте наступления смерти человека в медицинской литературе является дискуссионным. Одни авторы полагают, что смерть человека наступает с момента прекращения дыхания и сердцебиения. Другие считают сердцебиение не абсолютным доказательством жизни. Но признается бесспорным наступление смерти с момента органических изменений в головном мозге и центральной нервной системе. До наступления этих изменений смерть человека называют клинической. Встречаются случаи, когда после наступления клинической смерти удается восстановить дыхание и сердцебиение и вернуть человека к жизни (см.: *Райский М. И.* Судебная медицина. М., «Медгиз», 1953, с. 33—37; *Авдеев М. И.* Курс судебной медицины. М., Госюриздат, 1959, с. 522—523; *Громов А. П.* Курс лекций по судебной медицине. М., «Медицина», 1970, с. 145).

²*Загородников Н. И.* Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М., Госюриздат, 1961, с. 24.

³Против этого определения выступил М. Д. Шаргородский, который полагал, что «убийство — это

3. Уголовный закон не определяет и понятия доведения до самоубийства (ст. 107 УК). Нет в нем также определения понятия самоубийства, без которого нельзя в полной мере уяснить понятие доведения до самоубийства.

Самоубийство как род насильственной смерти должно быть отграничено от убийства и от несчастного случая.

Общим при убийстве и самоубийстве является объект посягательства — жизнь человека, но при самоубийстве потерпевший и субъект деяния совпадают. Здесь нет, как при убийстве, лишения жизни другого человека. Поэтому самоубийство не признается противоправным деянием. По советскому уголовному праву оно не влечет каких-либо отрицательных последствий для лица, которое в результате неудавшегося покушения осталось в живых.

По своему характеру самоубийство может быть совершено только умышленно, причем самоубийца желает (имеет цель) лишить себя жизни. Представляется, что конструкция косвенного умысла, когда лицо предвидит результат своих действий и безразлично относится к возможным последствиям, неприемлема для самоубийства¹.

Это объясняется особенностью отношения к собственной жизни лица, которое идет на риск. Оно характеризуется, с нашей точки зрения, самонадеянностью, так как лицо всегда сохраняет надежду остаться в живых. Если же лицо сознает неизбежность наступления собственной смерти в результате своих действий, имеются достаточные основания считать, что оно намеренно лишает себя жизни, т. е. совершает самоубийство.

Вполне понятно, что не является самоубийством и причинение себе смерти по небрежности.

Субъектом самоубийства может быть только вменяемое лицо. Если кончает собой лицо, неспособное понимать значение своих действий и руководить ими, то такая смерть должна относиться не к самоубийству, а к несчастному случаю. С этой точки зрения не выдерживают критики признававшиеся ранее доведением до самоубийства подговор невменяемого или содействие ему в лишении себя жизни (ч. 2 ст. 141 УК РСФСР 1926 года).

Таким образом, к самоубийству не могут быть отнесены причинение себе смерти по неосторожности и лишение себя жизни невменяемым лицом. В связи с изложенным возникает вопрос о моральной оценке самоубийства, без которой нельзя дать определения понятия этого деяния.

Известно, что в истории человечества самоубийство оценивалось различными обществами по-разному: от резкого осуждения до признания «естественным и достойным способом «хорошо умереть». Оценивая самоубийство с позиций коммунистической морали, следует признать такой способ ухода из жизни не отвечающим в принципе идеалам совершенной человеческой личности. Однако это вовсе не исключает дифференцированного подхода к оценке лишения себя жизни человеком. Нельзя относить к самоубийству самопожертвования, например, в состоянии крайней необходимости, когда лицо, жертвуя

неправомерное лишение жизни другого человека». Все другие элементы, включаемые нами в определение понятия убийства, он считал излишними (см.: Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 3. Л., изд-во ЛГУ, 1973, с. 476). С этим нельзя согласиться. Определение М. Д. Шаргородского явно неполно. Оно не позволяет отграничить убийство от других преступлений, при совершении которых потерпевший лишается жизни. Кроме того, «неправомерность» не дает четкого представления об отличии убийства от самоубийства и несчастного случая. Их нельзя считать правомерными, они относятся к деяниям невиновным, не предусмотренным в качестве преступлений Особенной частью Уголовного кодекса, но это не одно и то же.

¹При рассмотрении дела по обвинению Р. в доведении до самоубийства Пленум Верховного Суда СССР подчеркнул, что для признания лишения себя жизни самоубийством необходимо установить факт «совершения потерпевшим действий, специально направленных на лишение себя жизни». — «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1969, № 6, с. 9.

своей жизнью, спасает других людей или предупреждает причинение крупного ущерба обществу и государству. Заслуженно расцениваются как геройские поступки самопожертвования во время военных действий в целях достижения успеха операции. Таких примеров было немало во время Великой Отечественной войны.

Дифференцированный подход к оценке лишения себя жизни человеком с учетом обстоятельств, обстановки и мотивов дает основания выделить самоубийство в собственном смысле слова, которое можно было бы, например, назвать самоубийством по личным мотивам.

Сказанное позволяет заключить, что **самоубийство** — это осуждаемое социалистическим обществом и моралью деяние, которое состоит в умышленном (намеренном) лишении себя жизни.

При определении понятия доведения до самоубийства необходимо исходить из диспозиции ст. 107 УК, которая формулирует его как преступление особого рода. В нем последствия наступают в результате действий виновного, вынуждающего потерпевшего совершить самоубийство.

Следовательно, **доведение до самоубийства** состоит в жестоком обращении или систематическом унижении личного достоинства находящегося от виновного в материальной или иной зависимости потерпевшего, который вынужден в результате этого лишить себя жизни¹.

¹См. гл. гл. 2 и 7.

ГЛАВА 2. ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ

2.1 Общие условия правильной квалификации преступлений против жизни

1. В регулировании социалистических общественных отношений важная роль отводится исполнению законодательства. Как указывал Л. И. Брежнев, «закон живет, действует лишь тогда, когда он исполняется»¹. Уголовный закон исполняется во всех тех случаях, когда он, во-первых, не нарушается и исполнение его решает задачу общего предупреждения и, во-вторых, когда он применяется в связи с конкретным преступлением и исполнение его решает задачу частного предупреждения.

Одним из видов исполнения уголовного закона при решении задачи частного предупреждения является квалификация преступления. При квалификации преступления происходит применение нормы Особенной части Уголовного кодекса. Для осуществления правосудия и укрепления социалистической законности важна только правильная квалификация, когда преступление получило оценку в соответствии с точным смыслом уголовно-правовой нормы и установленными фактическими обстоятельствами его совершения. Известно ленинское положение о том, что «закон есть мера политическая, есть политика»². Поэтому правильная квалификация преступления включает не только его правовую, но и общественно-политическую оценку. Правильная квалификация преступления является важной гарантией осуществления советского правосудия в точном соответствии с законом. Она необходима для привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности. Только при такой квалификации вынесенный судом приговор может быть признан законным и обоснованным, выражающим оценку Советским государством преступления и личности осужденного.

Прежде всего правильная квалификация служит обеспечению назначения справедливого наказания виновному, достижению целей наказания, указанных в ст. 20 УК. В самом деле, квалификация убийства или доведения до самоубийства по закону, предусматривающему менее строгую ответственность, чем это необходимо, ведет к ослаблению борьбы с ними. Применение более сурового закона может привести к несправедливости и даже к роковой ошибке, если виновный при отсутствии признаков ст. 102 УК будет осужден к смертной казни. Квалификация преступлений против жизни имеет значение и для избрания вида режима содержания в местах лишения свободы, для условно-досрочного освобождения и снятия судимости. Однако было бы упрощением требование правильной квалификации преступлений против жизни (как и других преступлений) сводить лишь к вопросам назначения наказания виновному. Пленум Верховного Суда, СССР, рассмотрев по протесту Генерального Прокурора СССР дело в отношении Г., обвиняемого в убийстве, специально подчеркнул, что независимо от того, какая мера наказания будет назначена осужденному, вопрос о правильности квалификации убийства имеет принципиальное значение для юридической оценки действий виновного и установления степени их общественной опасности. Ошибочная квалификация преступлений против жизни может привести

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 3. М., Политиздат, 1972, с. 49.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 99.

и к неправильному решению вопроса о применении отдельных положений Общей части Уголовного кодекса (например, давности привлечения к уголовной ответственности). В случае совершения лицом, осужденным за убийство (при неправильной квалификации), нового преступления оно может быть именно в связи с этим, в свою очередь, неправильно квалифицировано, когда речь идет о повторности или о совершении преступления особо опасным рецидивистом как о квалифицирующих признаках нового преступления. Нельзя не отметить и то, что от правильной квалификации зависит и определение подсудности дела об убийстве.

2. Исследуя вопросы квалификации преступлений против жизни, мы исходим из того, что их верная квалификация обеспечивается не только правильным применением уголовно-правовых норм, но и строжайшим соблюдением требований уголовно-процессуального закона.

Для правильной квалификации преступлений против жизни необходимо соблюдение ряда условий общего характера, которые, разумеется, не являются специфическими только для них. К числу таких условий, по нашему мнению, относятся следующие.

Установление всех обстоятельств совершенного преступления и данных о личности виновного обеспечивается прежде всего выполнением требований ст. ст. 20 и 68 УПК РСФСР о всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию. Нарушение этого условия по делам об убийстве нередко приводит к неправильной квалификации. Изучение дел этой категории из числа возвращенных на дополнительное расследование в связи с неполнотой следствия показало, что по многим из них не были установлены мотивы, не выявленыотягчающие и иные обстоятельства убийства, имеющие значение для квалификации. Ошибки такого рода объясняются тем, что органы предварительного следствия, а иногда и суды, установив какое-нибудь одно или несколько обстоятельств совершения убийства, оставляют без внимания другие существенные обстоятельства, на основе которых можно было бы сделать правильный вывод о признаках этого преступления, влияющих на его квалификацию.

Оценка каждого обстоятельства совершенного преступления в отдельности и всех их в совокупности дает возможность при квалификации учесть все признаки, имеющие для этого значение. Соблюдение данного условия должно способствовать сокращению случаев односторонней оценки признаков преступления при его квалификации. Ошибки по делам о преступлениях против жизни чаще всего являются результатом переоценки значения для квалификации какого-то одного обстоятельства при оставлении без внимания других существенных обстоятельств. Это относится прежде всего к убийствам при смягчающих обстоятельствах. В этих случаях при квалификации учитывается иногда лишь сам факт умышленного причинения смерти потерпевшему, а другие действия, чаще всего действия потерпевшего, не получают соответствующей оценки. В таких случаях вопрос о степени значимости неправомерного или иного безнравственного поведения потерпевшего для возникновения намерения у субъекта преступления, его уголовной ответственности и квалификации содеянного должен решаться органом расследования и судом в конечном счете на основе оценки всей совокупности обстоятельств.

Применение уголовно-правовой нормы в соответствии с ее точным смыслом — необходимое условие правильной квалификации преступления. Соблюдение этого условия обеспечивает процесс квалификации преступления, суть которого состоит в уяснении точного смысла закона и фактических обстоятельств преступления и в их сопоставлении. Процесс квалификации преступления хотя и протекает в рамках уголовно-процессуальной деятельности, но имеет самостоятельное значение и находится с ней в диалектическом единстве. Этот процесс является результатом сложной деятельности органов расследования, прокурора и судей, он протекает по общим законам марксистско-ленинской теории познания.

В. И. Ленин писал: «Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное*. . . от истины, а подходит к ней. Абстракция *материи, закона* приро-

ды, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*. От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины, познания объективной реальности*¹.

Закон «должен *абстрагироваться* от индивидуальности»². Норма закона не может быть индивидуальной, она всегда абстрактна и содержит лишь типические признаки. Наоборот, деяние не может не быть индивидуальным. При квалификации преступления происходит выяснение наличия типических признаков абстрактной нормы закона в конкретном деянии, которому дается юридическая оценка. В результате сопоставления абстрактного и конкретного, конкретного и абстрактного создаются условия для уяснения точного смысла закона, для всестороннего анализа и установления состава преступления и всех его признаков.

Процесс квалификации преступлений против жизни не ограничивается только сопоставлением признаков нормы и конкретного деяния. В ряде случаев необходимо оперировать оценочными понятиями, которые, обладая относительной определенностью, вместе с тем являются обязательными квалифицирующими признаками. Относительная определенность таких, например, признаков, как «особая жестокость», «способ, опасный для жизни многих людей» (пп. «г», «д» ст. 102 УК), «жестокое обращение» и «систематическое унижение личного достоинства» (ст. 107 УК), заставляет при квалификации выделять степень выраженности признака. В зависимости от этого принимается решение, предполагающее или исключающее указанную выше квалификацию.

3. Квалификация деяния неразрывно связана с разрешением вопроса о том, имело ли место преступление. Нельзя говорить, например, о совершении какого-то конкретного преступления против жизни, не избирая хотя бы ориентировочно уголовно-правовую норму.

Избрание и уяснение точного смысла уголовно-правовой нормы, всесторонний анализ и установление признаков состава преступления по делам об убийстве и доведении до самоубийства имеет значение прежде всего для разграничения этих преступлений между собой, а также для отграничения их от других преступлений и, главным образом, от преступлений, так или иначе сопряженных с посягательством на жизнь человека³.

Не менее важно значение уяснения точного смысла закона, установления и всестороннего анализа признаков состава преступления и для отграничения одного вида убийства от другого. Анализ норм, предусматривающих ответственность за убийство (ст.ст. 102—106 УК), показывает, что разграничение различных видов убийства находится в зависимости *от формы вины и от наличия или отсутствия смягчающих илиотягчающих обстоятельств*, определяющих в конечном счете квалификацию преступления.

Отграничение одного вида убийства от другого представляет известную сложность. Изучение практики показывает, что ошибки в квалификации убийства чаще всего допускаются в силу того, что один вид убийства в результате недостаточно тщательного анализа его признаков принимается за другой. На сложность разрешения вопроса об отнесении убийства к тому или иному виду обращал внимание В. И. Ленин. Он писал, что «бывают случаи убийства, когда очень нелегко решить, было ли это вполне справедливое и даже обязательное убийство (например, необходимая оборона), или непростительная небрежность, или даже тонко проведенный коварный план»⁴.

Исходя из сказанного, процесс квалификации убийства условно можно подразделить на два этапа.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 152—153.

² Там же, с. 36.

³ См. § 2.2 гл. 2 и гл. 8.

⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 41, с. 52.

На *первом* этапе уяснение точного смысла закона, установление и всесторонний анализ признаков состава преступления позволяют отграничить убийство от других преступлений и разрешить вопрос о характере субъективной стороны. В результате этого выясняется наличие или отсутствие так называемого *основного состава преступления*, т. е. такого состава, в характеристике которого отсутствуют и смягчающие и отягчающие обстоятельства, имеющие значение для квалификации. Речь идет об установлении либо умышленного убийства, предусмотренного ст. 103 УК¹, либо неосторожного убийства, предусмотренного ст. 106 УК.

По делам о неосторожном убийстве (ст. 106 УК) процесс квалификации на этом завершается, поскольку в Уголовном кодексе предусмотрен только один вид убийства по неосторожности².

Аналогично разрешается вопрос о квалификации доведения до самоубийства (ст. 107 УК)³.

При установлении основного состава умышленного убийства необходимо перейти к следующему этапу квалификации преступления.

На *втором* этапе решается вопрос о наличии или отсутствии квалифицирующих особенностей совершенного убийства и об отнесении его соответственно к тому или другому виду умышленного убийства. Каждый вид умышленного убийства выделяется квалифицирующими особенностями данного конкретного состава преступления. Наличие смягчающих обстоятельств убийства, указывающих на совершение его в состоянии аффекта или при превышении пределов необходимой обороны, влечет квалификацию соответственно по ст. ст. 104 или 105 УК.

При установлении отягчающих обстоятельств убийства подлежит применению ст. 102 УК. Как показало изучение практики, при квалификации по этой статье возникают затруднения в применении так называемых оценочных понятий и оценочных признаков состава преступления, поскольку в этих случаях квалификация основывается в значительной мере на субъективных моментах. Больше всего встречается недостатков из-за различного толкования оценочных признаков по делам об умышленном убийстве, совершенном с особой жестокостью, из хулиганских побуждений и способом, опасным для жизни многих людей. Например, в Свердловском областном суде половина всех изменений квалификации по делам об убийстве была связана с исключением из обвинения упомянутых отягчающих обстоятельств, что повлекло переквалификацию убийства со ст. 102 на ст. 103 УК⁴.

Сложность решения этих вопросов подчеркивает важность второго этапа квалификации. На этом этапе квалификации умышленного убийства по некоторым делам приходится

¹Трудно согласиться с утверждением Э. Ф. Побегайло о том, что ст. 103 УК является «резервной нормой» (см.: Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965, с. 127). Этот взгляд основывается на системе норм о преступлениях против жизни в Уголовном кодексе РСФСР (ст. ст. 102—107) и кодексах некоторых других союзных республик. По приведенным соображениям предпочтительней представляется система преступлений против жизни в Уголовных кодексах Латвийской (ст. 98—104), Литовской (ст. 104—110) и Эстонской (ст. 100—106) союзных республик, в которых умышленное убийство без отягчающих обстоятельств включено в качестве первой нормы среди преступлений против жизни, затем следует умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах.

²В тех союзных республиках, где Уголовные кодексы предусматривают совершение неосторожного убийства при отягчающих обстоятельствах, процесс квалификации на этом не завершается. Например, при применении ч. 2 ст. 109 УК Таджикской ССР, в которой говорится о совершении неосторожного убийства «в результате сознательного несоблюдения правил предосторожности», а равно неосторожного убийства «двух или более лиц», возникает необходимость проверки наличия или отсутствия этих отягчающих обстоятельств.

³См. гл. 7.

⁴См. Щелковкин Г. Правильная квалификация преступления на предварительном следствии — одна из гарантий социалистической законности. — «Сов. юстиция», 1974, № 3, с. 6.

сталкиваться с конкуренцией смягчающих и отягчающих обстоятельств, которые влияют на квалификацию умышленного убийства. При решении данного вопроса в принципе следует исходить из того, что закон не ставит в качестве условия применения ст. ст. 104 и 105 УК для таких случаев отсутствие отягчающих обстоятельств, указанных в ст. 102 УК.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» признал, что убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, а также убийство, совершенное с превышением пределов необходимой обороны, при обстоятельствах, предусмотренных в пп. «д», «ж», «з», «и», «л» ст. 102 УК, не должно квалифицироваться как убийство при отягчающих обстоятельствах¹. Аналогичное разъяснение содержится в постановлении Пленума от 4 декабря 1969 г. «О практике применения судами законодательства о необходимой обороне»².

Сложнее в подобных ситуациях правильно решить вопрос о применении п. «г» ст. 102 УК. В тех случаях, когда виновный, действуя в состоянии аффекта или при превышении пределов необходимой обороны, не сознает или сознательно не допускает, что он совершает убийство с особой жестокостью, преступление подлежит квалификации по ст. ст. 104 или 105 УК. По-разному этот вопрос должен решаться при применении ст. ст. 104 и 105 УК, когда виновный осознает, что он совершает убийство с особой жестокостью. В литературе правильно отмечалось, что сознание виновным особой жестокости, как правило, говорит о большой доли рассудительности при осуществлении умысла, что не свойственно действиям, совершенным в состоянии аффекта, когда у виновного ослаблена способность контролировать свои действия, а преступные действия внезапны и скоротечны. Трудно представить, чтобы виновный, находясь в состоянии аффекта, сознательно причинял, например, потерпевшему особые мучения или страдания. При таком положении не должно возникать сомнения, что не было состояния аффекта³, следовательно, и квалификация по ст. 104 УК исключается.

В тех случаях, когда виновный, совершая убийство при превышении пределов необходимой обороны, сознавал или сознательно допускал особую жестокость, по нашему мнению, его действия все же подпадают под признаки ст. 105 УК. Дело в том, что сознание особой жестокости не исключает (в отличие от состояния аффекта) самого факта совершения убийства при превышении пределов необходимой обороны.

Вопрос о конкуренции смягчающих обстоятельств, указанных в ст. ст. 104 и 105 УК, и отягчающих обстоятельств умышленного убийства, перечисленных в пп. «а», «б», «в», «е», «к» ст. 102 УК, в силу характера последних (нет повода для состояния аффекта и необходимой обороны) не возникает.

2.2 Признаки состава преступления и их значение для квалификации преступлений против жизни

1. *Общее учение о составе преступления является основой для выявления наличия или отсутствия в действиях лица конкретного состава преступления, т. е. теоретической базой правильной квалификации совершенного деяния.* Только на основе общего учения о составе преступления может быть получена исчерпывающая характеристика конкретного преступления, необходимая для его квалификации, исходя из содеянного, в соответствии с точным смыслом закона.

¹См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1975, № 4, с. 11.

²См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973. М., «Известия», 1974, с. 362.

³См.: *Портнов И.* Убийство в состоянии аффекта при отягчающих обстоятельствах. — «Соц. законность», 1974, № 7, с. 42.

Для обоснованного привлечения к уголовной ответственности и правильной квалификации необходим тщательный анализ каждого признака состава преступления (объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны) и их совокупности на базе диспозиции соответствующей нормы Особенной части Уголовного кодекса и исследуемого деяния. Поверхностный подход к такому анализу приводит к ошибочным решениям. Именно поэтому еще встречаются случаи признания в деянии того или иного состава преступления, когда в действительности он отсутствует, и лицо оказывается необоснованно привлеченным к уголовной ответственности. По этой же причине в действиях виновного иногда устанавливается не тот состав преступления, который имеет место в действительности, и преступление оказывается неправильно квалифицированным.

Привлечение к уголовной ответственности за деяния, посягающие на жизнь, и их квалификация неразрывно связаны между собой, так как уголовная ответственность наступает только при наличии состава преступления против жизни, предусмотренного одной из ст. ст. 102—107 УК. Решая вопрос об уголовной ответственности за убийство или доведение до самоубийства, нельзя одновременно не решать вопроса о квалификации преступления. Поэтому анализ признаков состава преступления против жизни имеет значение для индивидуализации ответственности, которая проявляется в квалификации совершенного преступления.

2. *Объект* преступлений против жизни — жизнь другого человека. Объект является тем *общим признаком, который объединяет убийство и доведение до самоубийства в одну группу преступлений*, посягающих на человеческую жизнь. Было бы неправильно сводить понятие жизни человека лишь к биологическому процессу, о котором уже говорилось, поскольку человек прежде всего член общества. Из этого следует, что жизнь человека носит общественный характер, а ее охрана определяется отношениями, господствующими в обществе. Прав Б. С. Никифоров, который считает, что «нельзя отделять интересы личности от нее самой и затем выводить личность за рамки общественных отношений»¹. Жизнь человека неотделима от общественных отношений, поэтому объектом преступного посягательства при убийстве и доведении до самоубийства является и жизнь человека и общественные отношения, в качестве субъекта которых он выступает.

Со смертью человека прекращается уголовно-правовая охрана его жизни, и, следовательно, нельзя говорить об убийстве, когда лицо производит выстрел в человека, уже умершего, с целью лишения его жизни. Убийство в данном случае совершить невозможно, но действия лица все же представляют общественную опасность, поскольку последствия не наступают по независящим от этого лица причинам. Оно должно нести ответственность за покушение на негодный объект.

Уголовно-правовой охране по советскому законодательству в равной мере подлежит жизнь любого человека независимо от его возраста, физических и моральных качеств.

Объект посягательства при убийстве и доведении до самоубийства указывает на особую общественную опасность этих преступлений. Она прежде всего состоит в том, что человек лишается жизни. Смерть потерпевшего исключает возможность загладить причиненный вред. Если при совершении некоторых преступлений причиненный ущерб может быть полностью или в значительной степени возмещен, то при лишении жизни человека последствия необратимы, их невозможно устранить. Вред в данном случае не ограничивается самим фактом лишения жизни потерпевшего. Этими преступлениями, как правило, наносится тяжкий моральный вред. Неожиданная насильственная смерть близкого человека, члена семьи, родственника, знакомого, товарища причиняет окружающим глубокую душевную травму. Вместе с тем не исключены такие случаи, когда лишение жизни какого-либо человека не причиняет никому морального вреда, но характер деяния от этого не

¹ Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., Госюриздат, 1960, с. 93.

меняется. Поэтому моральный вред нельзя считать обязательным признаком общественной опасности преступлений против жизни.

Выяснение объекта убийства и доведения до самоубийства в равной степени имеет значение как для определения общественной опасности, так и для квалификации этих преступлений. При их квалификации необходимо учитывать, что жизнь человека как объект преступного посягательства охраняется не только законом об ответственности за убийство и доведение до самоубийства, но и рядом других уголовно-правовых норм, направленных на защиту в числе иных общественных отношений и жизни человека (например, ст. ст. 64, 66–69, 98, 99 УК). Следовательно, в таких случаях для правильной квалификации важно разграничить посягательства по объекту. Установив, что объектом посягательства была жизнь человека, необходимо провести разграничение между убийством и доведением до самоубийства по объективной стороне состава преступления.

Уже подчеркивалось, что объектом преступлений против жизни является жизнь любого человека. Когда же выясняется объект преступления по конкретному делу, то речь идет обычно о потерпевшем, о конкретной человеческой личности. В судебной практике встречаются случаи, когда виновный, желая убить одного человека, по «ошибке» убивает другого. Такие случаи в литературе оцениваются как «ошибка в объекте». Это неверно, здесь жизнь «другого» человека также остается объектом убийства, ошибка происходит в личности потерпевшего, которая, по общему правилу, не оказывает влияния на квалификацию преступления.

В связи с анализом объекта преступлений против жизни необходимо указать на важность всестороннего исследования личности потерпевшего, особенно по делам об убийстве при смягчающих обстоятельствах, когда потерпевший сам совершает неправомерные действия, провоцируя виновного на совершение преступления.

Изучение дел об убийстве показывает, что потерпевшие допускают безнравственное поведение и в случаях совершения убийства без смягчающих обстоятельств и при отягчающих обстоятельствах.

Данные о личности потерпевшего должны быть обязательно выяснены и тогда, когда они указываются в законе в качестве обстоятельств, имеющих значение для квалификации (например, убийство женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности, убийство матерью своего новорожденного ребенка). Это позволит разграничить квалификацию по виду убийства.

При доведении до самоубийства данные о личности потерпевшего также подлежат обязательной проверке — необходимо установить, что потерпевший находился в материальной или иной зависимости от виновного. Без этого деяние не может быть квалифицировано по ст. 107 УК.

Наконец, выяснение объекта посягательства при убийстве или доведении до самоубийства имеет значение для анализа других признаков этих преступлений, необходимых для их правильной квалификации.

3. *Объективная сторона* убийства и доведения до самоубийства не может быть охарактеризована однозначно. Имеющиеся особенности обязывают рассмотреть ее признаки самостоятельно для каждого из этих преступлений.

Объективная сторона *убийства* состоит в лишении жизни другого человека. Убийство может быть совершено путем как *действия*, так и *бездействия*. Чаще всего убийство совершается путем действия, направленного на нарушение функций или анатомической целостности жизненно важных органов другого человека. Оно может быть совершено путем физических действий и психического воздействия, когда потерпевший лишается жизни либо непосредственно виновным либо при помощи других лиц, не сознающих действительный характер содеянного в силу создавшейся обстановки или вследствие психической неполноценности или малолетия. При этом необходимо учитывать, что психическая

травма сама по себе может вызвать смерть лица, страдающего заболеванием сердца и сосудистой системы. Причинение такому лицу психической травмы другим лицом, осведомленным о болезненном состоянии потерпевшего, при определенных обстоятельствах (во всяком случае при наличии цели лишения жизни) должно признаваться убийством. Представляется, что подговор к самоубийству лица, не сознающего значение этого акта, а также создание обстановки «безысходности» для другого лица с тем, чтобы оно покончило с собой, также должны рассматриваться как убийство.

Установление способа действия как признака объективной стороны убийства имеет серьезное значение для его квалификации. При совершении некоторых убийств способ является квалифицирующим обстоятельством. Установление особой жестокости при убийстве или совершение его способом, опасным для жизни многих людей, влечет квалификацию соответственно по пп. «г» и «д» ст. 102 УК и исключает применение другой статьи кодекса.

При анализе объективной стороны убийства необходимо учитывать, что действие или бездействие является лишь внешним признаком преступления. Это объясняется тем, что его общественная опасность, в конечном счете, заключается в причиненном вреде — *смерти потерпевшего*. Наступление ее как последствие преступных действий является обязательным признаком объективной стороны убийства. Ненаступление такого последствия в результате действия (бездействия) виновного исключает признание преступления окончанным и при наличии приготовления к убийству или покушению на него влечет квалификацию с применением ст. 15 УК.

Наконец, еще одним признаком объективной стороны при убийстве является *причинная связь между действием (бездействием) виновного и наступившей смертью потерпевшего*. При решении вопроса о наличии или отсутствии причинной связи между деянием и наступившим последствием необходимо исходить из того, что она является объективной, существующей вне зависимости от нашего сознания связью, в силу которой действие (бездействие) порождает и обуславливает возникновение последствия. Отсутствие причинной связи между деянием и наступившей смертью потерпевшего либо исключает полностью уголовную ответственность за лишение жизни, либо влечет иную квалификацию деяния.

Нас интересуют только те случаи, когда от разрешения вопроса о причинной связи между деянием виновного и смертью потерпевшего зависит квалификация преступления¹.

В отличие от других признаков объективной стороны убийства причинная связь не всегда очевидна. Нередко ее установление по делам об убийстве на практике встречает трудности, которые объясняются тем, что иногда не учитывается конкретная обстановка, в которой было совершено убийство.

Между тем вопрос о наличии или отсутствии причинной связи между причиной (действием или бездействием) и следствием (наступившей смертью потерпевшего) нельзя рассматривать вне конкретной обстановки, в которой совершено преступление. Ф. Энгельс писал: «... причина и следствие суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к данному отдельному случаю...»². В связи с этим по каждому делу об убийстве необходимо установить, что наступившая смерть потерпевшего является следствием определенных действий в конкретной обстановке их совершения.

Нельзя не учитывать и того, что не всякая связь между причиной и следствием свидетельствует о наступлении смерти потерпевшего в результате рассматриваемых действий. Признавая, что беспричинных явлений нет, диалектический материализм различает необходимость как проявление внутренней закономерности явлений и отличает ее от случайности, которая также представляет собой объективную категорию, но выражающую иного

¹ Исследование различных аспектов причинной связи в советском уголовном праве находится за пределами нашей темы.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 22.

рода связи между явлениями внешнего мира. Из этого следует, что, анализируя объективную сторону убийства, необходимо не только устанавливать наступление смерти потерпевшего в результате определенных действий, но и отграничивать необходимую причинную связь этих действий и наступивших последствий от случайной связи, при которой наступившие последствия для лица, совершившего эти действия, являются неожиданными.

К характеристике объективной стороны относится и *конкретная обстановка совершения убийства*. Она имеет значение не только для решения вопроса о наличии или отсутствии причинной связи, но и при определенных обстоятельствах для привлечения данного лица к уголовной ответственности и для квалификации этого преступления. Установление момента совершения убийства без отягчающих обстоятельств в случае истечения срока давности имеет значение для освобождения лица от уголовной ответственности. Время совершения данного преступления может отразиться и на применении уголовного закона. Место убийства также имеет значение для правильной квалификации: применению подлежит закон, действующий в данной местности, где оно было совершено.

Объективная сторона *доведения до самоубийства* осуществляется путем жестокого обращения виновного с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства. Чаще всего доведение до самоубийства совершается активными действиями виновного, состоящими в истязаниях, причинении телесных повреждений, нанесении побоев, распространении клеветнических измышлений, оскорблениях, издевательствах и т. п. По нашему мнению, доведение до самоубийства может быть совершено и бездействием, например непредоставление питания, одежды, жилья лицом, которое обязано по закону заботиться о потерпевшем.

При анализе объективной стороны доведения до самоубийства возникает вопрос о соотношении действия (бездействия) виновного и последствия этого преступления. Особенность объективной стороны доведения до самоубийства состоит в том, что она не может быть выполнена без «участия» самого потерпевшего, которое состоит в осуществлении вынужденного решения о самоубийстве. Он совершает определенные действия (равно как бездействие) с этой целью, которые заканчиваются самоубийством или покушением на него.

Таким образом, между действиями (бездействием) виновного, выразившимися в жестоким обращении с потерпевшим или систематическом унижении его личного достоинства, и самоубийством потерпевшего или покушением на него оказываются действия потерпевшего, направленные на осуществление этой решимости. По нашему мнению, такие действия потерпевшего относятся к последствию наряду с самоубийством как покушение на него. Потерпевший не может быть с виновным соучастником его преступления.

В связи с этим необходимо также подчеркнуть, что действия потерпевшего, не приведшие к самоубийству или к покушению на него, не имеют самостоятельного уголовно-правового значения. Одних действий потерпевшего, состоящих в приискании или в приспособлении средств для совершения самоубийства, недостаточно для наступления уголовной ответственности виновного, так как ст. 107 УК не включает приготовительные действия потерпевшего в число последствий данного преступления. В таких случаях лицо, виновное в истязаниях, телесных повреждениях, клевете и т. п., несет уголовную ответственность за содеянное, если в нем имеется самостоятельный состав преступления.

Действия потерпевшего приобретают уголовно-правовое значение прежде всего в том случае, когда совершается покушение на самоубийство. Именно анализ действий потерпевшего позволяет сделать вывод о том, покушался ли он на самоубийство. При оконченном самоубийстве действия потерпевшего позволяют судить о способе самоубийства и о том, была ли смерть потерпевшему причинена его собственной рукой.

Анализируемые действия потерпевшего при доведении до самоубийства позволяют также судить о наличии или отсутствии причинной связи между действиями виновного

и самоубийством. Они являются как бы связующим звеном в причинной связи такого преступления. При этом во всяком случае должна быть исключена ситуация, при которой самоубийство или покушение на него последовало не в результате действий, вменяемых в вину обвиняемому.

4. *Субъектом* преступления по советскому уголовному праву может быть только вменяемое лицо, достигшее при совершении *убийства* 14 лет, при *доведении до самоубийства* — 16 лет.

Однако возраст и вменяемость не относятся к числу признаков состава преступления, а являются лишь условиями наступления уголовной ответственности¹. Это объясняется тем, что любое деяние, в том числе и лишение жизни другого человека, совершенное малолетним или невменяемым, не исключает его общественную опасность, а устраняет лишь уголовную ответственность этих лиц. Если же возраст и вменяемость отнести к признакам состава преступления, то логически неизбежно лишение жизни другого человека, совершенное малолетним или невменяемым, признавать не представляющим опасности для общества за отсутствием состава преступления. Между тем производство по уголовному делу в отношении малолетнего исключается не за отсутствием состава преступления (п. 2 ст. 5 УПК РСФСР), а в связи с недостижением им возраста уголовной ответственности (п. 5 ст. 5 УПК РСФСР). В отношении невменяемого такое решение вопроса противоречило бы ст. 403 УПК РСФСР, в которой деяние, совершенное таким лицом, признается общественно опасным. Оно привело бы к тому, что лица, использующие малолетнего или невменяемого как орудие убийства, подлежали бы освобождению от уголовной ответственности. Вместе с тем это вовсе не означает, что субъект находится за рамками состава преступления. Без субъекта не может быть преступления. Наличие лица, вследствие виновных действий которого причинена смерть другому человеку, является необходимым условием признания данного причинения смерти убийством или доведением до самоубийства.

В отношении субъекта убийства закон не выдвигает никаких условий, кроме тех, на которые указано выше. В законе лишь названы отдельные признаки субъекта убийства, влияющие на квалификацию этого преступления. Так, совершение убийства лицом, ранее совершившим умышленное убийство, или особо опасным рецидивистом влечет квалификацию соответственно по пп. «и» и «л» ст. 102 УК, поскольку эти признаки субъекта прямо названы в законе в числе обстоятельств, отягчающих убийство. Субъектом убийства, предусмотренного п. «в» ст. 240 УК, может быть только военнослужащий. Субъектом убийства новорожденного ребенка может быть только мать, родившая этого ребенка.

Субъект доведения до самоубийства, как следует из закона, должен обладать определенными качествами, необходимыми для того, чтобы потерпевший мог находиться от него в материальной или иной зависимости. Этими качествами могут обладать, как правило, только лица, уже имеющие определенный жизненный опыт². Так, потерпевший может материально зависеть только от лица, у которого он находится на иждивении или от которого систематически получает материальную помощь. Что касается иной зависимости, то она может, например, возникнуть в результате служебных отношений (от начальника), семейных отношений (от главы семьи). Следовательно, в отличие от убийства субъектом доведения до самоубийства может быть сравнительно ограниченный круг лиц. Это дает основания для вывода о том, что для применения ст. 107 УК необходим специальный

¹А. Н. Трайнин правильно подчеркивал, что возраст и вменяемость являются лишь субъективными условиями уголовной ответственности; уголовный закон наказывает преступника не за то, что он достиг определенного возраста и вменяем, а за совершение преступления *при условии*, что он достиг определенного возраста и является вменяемым (см.: *Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления*. М., Госюриздат, 1957, с. 74—76).

²По данным Р. З. Авакяна, минимальный возраст субъекта доведения до самоубийства — 20 лет (см.: *Авакян Р. З. Доведение до самоубийства как уголовно наказуемое деяние*. Ереван, изд-во АН Армянской ССР, 1971, с. 60).

субъект преступления. При отсутствии признаков специального субъекта ответственность виновного наступает за истязание, причинение телесных повреждений, клевету и тому подобные действия, в результате которых последовало самоубийство потерпевшего или покушение на него, а квалификация по ст. 107 УК исключается.

5. *Субъективная сторона* убийства и доведения до самоубийства характеризуется психическим отношением субъекта к своим действиям и наступившей смерти потерпевшего. Имеющиеся особенности субъективной стороны дают основания рассматривать ее признаки отдельно для каждого из этих преступлений.

Субъективная сторона *убийства* характеризуется и умыслом, и неосторожностью. Убийство относится к числу тех немногих преступлений, которые могут быть совершены как с прямым, так и с косвенным умыслом, в результате как преступной небрежности, так и преступной самонадеянности.

В тех случаях, когда не установлено, что смерть потерпевшему была причинена с умыслом или по неосторожности, отсутствуют обязательные признаки, характеризующие субъективную сторону убийства, значит нет вины, а следовательно, нет состава преступления. Установление признаков субъективной стороны и вины прежде всего имеет важное значение и для квалификации убийства.

Изучение практики показывает, что анализ субъективной стороны при квалификации убийства представляет известную сложность. Неточности в выводах в результате такого анализа нередко еще влекут за собой ошибки: неправильно определяется направленность умысла, неосторожное убийство расценивается как умышленное, допускаются выводы о наличии умысла или неосторожности при случайном причинении смерти, наличие причинной связи принимается за доказательство виновности и т. п. Все это подчеркивает важность выявления всех признаков субъективной стороны убийства.

При квалификации умышленного убийства не только обязательно должно быть выявлено, что оно совершено умышленно, но и определена форма умысла¹. Только установление прямого или косвенного умысла дает основания для вывода о том, что убийство действительно было совершено, так как вне конкретной формы вины деяние по советскому уголовному праву не может быть признано преступлением.

Разграничение прямого и косвенного умысла имеет значение для индивидуализации ответственности, а в некоторых случаях и для отграничения убийства от других преступлений. Это относится, например, к квалификации покушения на убийство. Наличие косвенного умысла исключает такую квалификацию, преступление получает юридическую оценку по фактически наступившим последствиям. Пленум Верховного Суда СССР в п. 5 постановления от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» разъяснил, что покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом. Данное разъяснение имеет принципиальное значение не только для квалификации покушения на убийство, но и для выяснения содержания прямого и косвенного умысла, а также для их разграничения. В юридической литературе было высказано мнение о том, что при косвенном умисле виновный сознает не только *возможность*, но и *неизбежность* наступления тех или иных последствий². К прямому умыслу в соответствии с этим взглядом относятся только те ситуации, когда виновный прямо направлял свои действия на совершение данного преступления. При таком понимании содержания прямого и косвенного умысла неизбежен противоречащий закону вывод о том, что покушение на убийство возможно

¹Изучение дел об умышленных убийствах, совершенных в Москве, показало, что 88% убийств было совершено с прямым и 12% с косвенным умыслом (см.: Герцензон А. А. Уголовное право и социология. М., «Юридическая литература», 1970, с. 73).

²См.: *Исаев М. М.* Вопросы уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР. М., ВЮЗИ, 1948, с. 62–63; *Утевский Б. С.* Вина в советском уголовном праве. М., Госюр-издат, 1950, с. 255; *Тихонов К. Ф.* К вопросу о разграничении форм виновности в советском уголовном праве. — «Правоведение», 1963, № 3, с. 83.

и при косвенном умысле. Неубедительны соображения о том, что лицо, поджигающее дом, в котором находится ребенок, действует лишь с косвенным умыслом, хотя и признает неизбежность его смерти. Б. С. Утевский основное внимание уделил вопросу о том, является ли это убийство ребенка целью или побочным результатом действий виновного. «Характерным, — писал он, — для эвентуального умысла является, что для виновного эти последствия нежелательны, что они являются для него не самоцелью, а лишь вероятным или неизбежным побочным результатом его действий (гибель людей в подожженном доме)»¹.

Такая трактовка понятия косвенного умысла не вытекает из указаний закона. *Сознательно допускать* наступление смерти потерпевшего — это значит считать его смерть *вероятной*, если же наступление смерти *неизбежно* и виновный, несмотря на это, совершает свои преступные действия, то он *не только допускает, но и желает ее наступления*. Поэтому прав Н. И. Загородников, который считает, что в тех случаях, когда лицо умышленно ставится в условия, при которых оно неизбежно должно лишиться жизни, возможность косвенного умысла исключается². Например, при разбойном нападении на квартиру преступники запирают хозяина в ванную комнату, несмотря на его объяснения, что там из-за неисправности аппаратуры происходит большая утечка газа и пребывание в таком помещении вызовет смертельное отравление. Здесь направленность действий преступников на лишение жизни отсутствует, но смерть потерпевшего неизбежна. Сознывая это, они, очевидно, действуют с прямым умыслом на убийство. Если бы в результате подоспевшей помощи потерпевшего удалось спасти, то действия виновных, наряду с разбойным нападением, были бы признаны и покушением на убийство.

Сказанное дает основания для вывода о том, что *сознание неизбежности* смерти является *содержанием прямого умысла*, поэтому и покушение на убийство возможно только с *прямым умыслом*.

Косвенный умысел при убийстве подлежит также отграничению от неосторожной вины, а преступная небрежность и преступная самонадеянность в свою очередь от случайного причинения смерти³.

Рассматривая субъективную сторону убийства, нельзя не остановиться на понятии «*заведомость*» и его юридическом значении при выяснении субъективной стороны убийства. Дело в том, что в законе и в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР в некоторых случаях «*заведомостью*» характеризуется субъективное отношение виновного к обстоятельствам, отягчающим умышленное убийство. В п. «ж» ст. 102 УК речь идет об умышленном убийстве женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности. В связи с этим возникает вопрос: что же следует понимать под «*заведомостью*»?

В литературе было высказано мнение о том, что «*заведомость*» характеризует сознание лица о возможности наступления вследствие его действий общественно опасных последствий⁴. Иными словами, «*заведомость*» охватывает интеллектуальный момент косвенного умысла и преступной самонадеянности. При такой обрисовке «*заведомость*» в отношении обстоятельств, отягчающих умышленное убийство, следует рассматривать как несомненное знание (сознание) субъектом того, что он совершает это преступление при наличии данного отягчающего обстоятельства. С нашей точки зрения, было бы неверно несомненное знание (при заведомости) относить к наличию в действительности того

¹ Утевский Б. С. Указ соч., с. 252.

² См.: Загородников Н. Несколько возникших вопросов квалификации умышленных убийств. — «Сов. юстиция», 1962, № 3, с. 5.

³ Содержание умысла и неосторожности, их разграничение выясняются при рассмотрении отдельных видов убийства и других преступлений, связанных с посягательством на жизнь (см. гл. 3—8).

⁴ См.: Волков Б. С. Проблема воли и уголовная ответственность. Казань, 1965, с. 43.

или иного отягчающего обстоятельства, а не к несомненности знания о нем субъектом в момент совершения преступления.

Представляется, что приведенная юридическая характеристика «заведомости» дает основания и для следующего вывода: несомненность знания субъектом об отягчающем обстоятельстве при «заведомости» не изменяется тем, что он, будучи осведомлен о нем, не уверен в его фактическом наличии или существовании в действительности. Если встать на противоположную позицию, то это значит, что мы должны исключить совершение убийства женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности, и убийства с особой жестокостью при наличии косвенного умысла. Однако такой вывод противоречил бы закону¹.

В числе обстоятельств, имеющих значение для квалификации умышленного убийства, которые характеризуют субъективную сторону этого преступления, необходимо назвать мотив, цель, а также эмоциональное состояние лица в момент совершения убийства.

Мотив действия лица, виновного в убийстве, — это побудительная причина к совершению данного преступления. Поэтому при решении вопроса о квалификации убийства мотив не может не учитываться. Закон, правда, не во всех случаях прямо упоминает мотив как квалифицирующий признак убийства. В ст. 105 УК, например, ничего не говорится о мотиве преступления. Однако если не будет установлен мотив необходимости защиты при убийстве, то оно не может быть признано совершенным с превышением пределов необходимой обороны и квалифицировано по ст. 105 УК. В ст. 102 УК прямо называются мотивы: корысть, хулиганские побуждения, кровная месть. При иных мотивах убийство может быть квалифицировано по ст. 102 УК только при наличии других обстоятельств, указанных в этой статье. При отсутствии названных выше мотивов и других обстоятельств, отягчающих умышленное убийство, применяется ст. 103 УК. Для квалификации убийства по этой статье мотив его совершения по существу безразличен. Это вместе с тем не значит, что устанавливать его по следует.

При анализе субъективной: стороны убийства в связи с мотивом возникает вопрос о соотношении мотива и формы умысла. По общему правилу мотив убийства свидетельствует о прямом умысле. Лицо, руководствуясь, например, корыстными или хулиганскими побуждениями, добивается определенной цели. Однако исключать в этих случаях возможность совершения убийства с косвенным умыслом было бы неправильно². Мотив характеризует волю субъекта. Любое волевое действие совершается по определенному мотиву.

От мотива убийства необходимо отличать цель как признак субъективной стороны преступления. *Целью* является то последствие, к наступлению которого стремится виновный, совершая преступление. Мотив и цель, как правило, разграничиваются в законе и имеют самостоятельное значение для квалификации некоторых видов убийства. Установление цели сокрытия другого преступления влечет признание убийства совершенным при отягчающих обстоятельствах (п. «е» ст. 102 УК). Но мотив и цель при убийстве могут совпадать. Например, лицо, совершая убийство по корыстному мотиву, стремится к достижению корыстной цели.

В ст. 104 УК говорится о внезапно возникшем сильном душевном волнении — таком эмоциональном состоянии, которое характеризует субъективную сторону этого преступления. Установление его исключает квалификацию убийства по закону, предусматривающему более строгую ответственность. Вместе с тем установление эмоционального состояния при убийстве, совершенном с превышением пределов необходимой обороны, влечет квалификацию действий виновного по ст. 105 УК, а применение ст. 104 УК исключается.

Субъективная сторона *доведения до самоубийства* не определена в ст. 107 УК, поэтому на первый взгляд может показаться, что совершение этого преступления *возможно*

¹По данному вопросу см. также гл. 4.

²По этому вопросу см. § 4.2 гл. 4.

не только *по неосторожности и с косвенным умыслом*, но и с прямым умыслом. Такую позицию занял, например, Р. З. Авакян¹. Большинство авторов, рассматривавших субъективную сторону доведения до самоубийства, полагают, что прямой умысел при совершении этого преступления исключается, лишение жизни потерпевшего в таких случаях расценивается как умышленное убийство, которое характеризуется особым способом его совершения².

Р. З. Авакян в подтверждение своей позиции пытается анализировать известное в литературе дело К., который с целью избавления от беременной М. обманном путем уговорил ее вместе покончить жизнь самоубийством. Для этого он приготовил в сарае две петли, и когда потерпевшая повесилась, он сказал: «Так вашего брата учат», затем отбросил руку потерпевшей, которая просила о помощи. Приведенные обстоятельства преступления свидетельствуют о неправильности утверждения Р. З. Авакяна о том, что К., желая смерти М., не предвидел, как сможет ее осуществить. В действительности К. не только предвидел, но и совершил для этого приготовительные действия — изготовил и закрепил в сарае петли. При таком положении неправ Р. З. Авакян и в том, что К. должен был отвечать только за оставление в опасности, так как он отбросил руку потерпевшей, «уклонившись от помощи для спасения ее жизни». Из его позиции следует, что если бы К. не отбросил руку потерпевшей М., то должен был бы остаться безнаказанным. Совершенно очевидно, что при анализе данного преступления Р. З. Авакян оставляет без внимания все предшествующее поведение К., и тем самым нарушается одно из условий правильной квалификации преступлений — исследование и оценка всех обстоятельств содеянного в совокупности. Преступления, аналогичные совершенному К., и теперь расцениваются судебной практикой как умышленное убийство и квалифицируется по ст. 103 УК³.

Неубедительна ссылка Р. З. Авакяна и на постановление Президиума Верховного Суда РСФСР по делу С, в котором указано, что доведение до самоубийства в некоторых случаях может быть совершено и с прямым умыслом. Президиум не мотивировал свою позицию по этому конкретному делу. Кроме того, как видно из данного постановления, действия С. со ст. 103 на ст. 107 УК были перекалвалифицированы в связи с тем, что решение его жены покончить собой созрело раньше и не было обусловлено угрозами убийством со стороны осужденного в день самоубийства потерпевшей.

Не подтверждается мнение Р. З. Авакяна и тем, что в законе не исключено доведение до самоубийства с прямым умыслом. Форма вины не определена не только в диспозиции ст. 107, но и в ст. 105 и в ряде других статей Уголовного кодекса. Это не исключает различного решения о форме вины таких преступлений.

Представляется, что виновный, поставивший цель довести потерпевшего до самоубийства и создающий для ее достижения невыносимые условия жизни, при которых потерпевший вынужден покончить собой, совершает умышленное убийство. В таких случаях действия виновного, состоящие в истязаниях, побоях, телесных повреждениях, иных действиях, направленных на унижение личного достоинства потерпевшего, совершаются с единственной целью — лишить его жизни. То обстоятельство, что акт лишения жизни выполняется руками потерпевшего, а не самого субъекта, для юридической оценки преступления в данном случае не имеет значения.

В качестве *мотива* доведения до самоубийства может быть ревность, месть, хулиганские побуждения и др.

¹См.: Авакян Р. З. Указ. соч., с. 71—76. Такую же позицию занимают Ю. Ронжин и Б. Волков (см.: «Сов. юстиция», 1970, № 11, с. 9).

²См., например, Загородников Н. И. Преступления против жизни, с. 233; Аниязи М. К. Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик. М., «Юридическая литература», 1964, с. 175; Курс советского уголовного права, т. V. М., «Наука», 1971, с. 81; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М., «Юридическая литература», 1971, с. 268.

³См. гл. 3.

Что же касается *цели* этого преступления, то, как видно из изложенного, она не может состоять в лишении жизни потерпевшего. Целью может быть желание причинить потерпевшему физическую боль, морально травмировать его, добиться расторжения брака, беспрекословного подчинения виновному и т. д.

В заключение исследования признаков состава преступления и их значения для квалификации преступлений против жизни необходимо подчеркнуть, что юридический анализ каждого из признаков должен проводиться и в том случае, если в законе какой-либо из них прямо не упоминается. В ст. ст. 102—107 УК (за исключением пп. «и» и «л» ст. 102 УК) не содержится прямых указаний о субъекте убийства и доведения до самоубийства; в ст. ст. 103 и 106 УК отсутствуют какие-либо конкретные признаки, характеризующие объективную сторону преступления; в ст. ст. 105 и 107 УК не упоминается о форме вины лица, виновного в убийстве при превышении пределов необходимой обороны и в доведении до самоубийства, но это вовсе не значит, что для квалификации преступлений против жизни в каждом конкретном случае не имеет значения выяснение указанных признаков преступлений.

2.3 Квалификация преступлений против жизни при изменении обвинения

1. Впервые обвинение в совершении преступления формулируется в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого (ст. 144 УПК РСФСР). Формулировка обвинения неразрывно связана с индивидуализацией ответственности и квалификацией преступления. В ней определяются объем и пределы обвинения и тем самым индивидуализируется ответственность обвиняемого, появляется возможность дать полную юридическую оценку совершенному им преступлению.

Формулировка обвинения при совершении преступлений против жизни должна с максимальной точностью воспроизводить установленные уже фактические обстоятельства действия (бездействия) виновного и наступившие последствия.

По делам об *убийстве* фактическими обстоятельствами являются: событие убийства (кем, какое убийство совершено, кто потерпевший), время, место, способ, мотивы и цели его совершения, а также иные обстоятельства, имеющие значение для индивидуализации ответственности и квалификации.

При *доведении до самоубийства* фактические обстоятельства раскрывают (помимо данных о личности обвиняемого и потерпевшего) характер зависимости потерпевшего от виновного, конкретное проявление жестокости обращения или систематичности унижения личного достоинства потерпевшего, период времени, в течение которого оно продолжалось, время, место и способ самоубийства, а также другие обстоятельства, отражающие специфику этого преступления.

Для правильной квалификации убийства или доведения до самоубийства важное значение имеет характер изложения формулировки обвинения. Она должна быть объективной без эмоционального напряжения и сгущения красок независимо от тяжести преступления. В этой связи представляет интерес следующий эксперимент.

Для двух групп следователей было подготовлено два варианта одной задачи на разграничение умышленного убийства и тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть. Каждой группе был дан свой вариант этой задачи для решения. Второй вариант отличался от первого, изложенного объективно, только тем, что при помощи литературных приемов, безразличных в юридическом отношении, «нагнетались» отрицательные эмоции в отношении обвиняемого: в начале текста было сказано о сильном возмущении общественности поселка «злодейским» поступком субъекта. В результате среди следователей, решавших второй вариант задачи, число неправильных ответов (квалификация преступления как убийства) оказалось равным 31%, а у следователей, решавших первый вариант

задачи, неправильных ответов было только 15%¹. Вопрос о соответствии формулировки обвинения фактическим обстоятельствам совершенного преступления и данным о личности виновного возникает при составлении и утверждении обвинительного заключения, в стадии предания суду, при постановлении приговора и в вышестоящих судебных инстанциях, если приговор обжалуется или опротестовывается.

2. В тех случаях, когда в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства изменяются фактические обстоятельства совершенного преступления или данные о личности обвиняемого, возникает необходимость изменения формулировки обвинения. Такая необходимость возникает и в тех случаях, когда формулировка не соответствует тем обстоятельствам, которые уже установлены.

Придавая важное значение формулировке обвинения, закон исходит из того, что новое обвинение должно быть предъявлено во всех случаях, когда оно является более тяжким или существенно отличается по фактическим обстоятельствам от ранее предъявленного обвинения либо повлечет ухудшение положения и нарушение права обвиняемого (подсудимого) на защиту. Если при изменении обвинения эти последствия не наступают, то следователь, прокурор и суд вправе изменить его формулировку без предъявления лицу нового обвинения (ст. ст. 154, 215, 232, 254 УПК РСФСР).

Применение этих положений по делам об убийстве и доведении до самоубийства вызывает на практике определенные трудности, которые объясняются не только сложностью обстоятельств, характеризующих эти преступления, но и тем, что обстоятельства их совершения неоднородны и имеют различное правовое значение при решении вопроса об изменении обвинения. В связи с этим возникает необходимость классификации обстоятельств, составляющих структуру обвинения в убийстве или доведения до самоубийства. Критерием такой классификации должна быть юридическая однородность указанных обстоятельств для индивидуализации ответственности и квалификации убийства и доведения до самоубийства.

3. В соответствии с названным критерием все обстоятельства, входящие в формулировку обвинения в убийстве или доведении до самоубийства, для анализа разбиваются на пять групп:

- а) данные о личности виновного и потерпевшего²;
- б) место и время совершения преступления;
- в) обстоятельства, определяющие квалификацию убийства и доведения до самоубийства;
- г) обстоятельства, отягчающие ответственность, не включенные в качестве квалифицирующих признаков;
- д) обстоятельства, способствующие уяснению деталей и некоторых условий совершения преступлений.

Отнесенные к первой группе обстоятельства, характеризующие обвиняемого (подсудимого) и потерпевшего, позволяют с несомненностью удостовериться в личности каждого из них.

¹См.: *Кудрявцев В. Н.* Эвристические приемы при квалификации преступлений. — В кн.: *Правовая кибернетика*. М., «Наука», 1970, с. 80.

²Хотя закон (ст. 205 УПК РСФСР) данные о личности обвиняемого оставляет за пределами формулировки обвинения, мы все же считаем необходимым рассматривать эти данные в тесной связи с обвинением, так как они оказывают в ряде случаев влияние на его изменение.

По делам об убийстве сведения о личности обвиняемого (подсудимого) могут измениться в связи с тем, что обвиняемый назвал себя вымышленной фамилией либо выдал себя за существующего в действительности человека, который не совершал убийства. При установлении новых данных в каждом из этих случаев должно быть предъявлено новое обвинение, так как возникает необходимость заново исследовать все данные, характеризующие личность действительного убийцы. Они могут оказать влияние на изменение квалификации преступления, а также на размер наказания, которое может быть назначено судом. В тех случаях, когда обвиняемый выдавал себя за другого реально существующего человека, предъявление нового обвинения важно еще для того, чтобы оградить невиновное лицо от возможных неприятностей в будущем. Например, при побеге действительного виновника убийства это невиновное лицо при розыске может быть арестовано.

Необходимость предъявить новое обвинение возникает и тогда, когда выясняется, что личность потерпевшего на момент предъявления обвинения в действительности установлена не была. Это относится как к тем случаям, когда личность потерпевшего была установлена неправильно, так и к тем, когда личность потерпевшего на момент предъявления обвинения вообще не была установлена. Данные о личности потерпевшего могут повлиять на квалификацию преступления и наказание виновного. Установление личности потерпевшего повлечет также прекращение розыска без вести пропавшего человека.

Установление действительной личности обвиняемого (подсудимого) и потерпевшего по делу об убийстве должно влечь предъявление нового обвинения следователем, направление для этого дела на предварительное расследование не только до вынесения приговора, но и после вынесения приговора и вступления его в законную силу. В последнем случае речь идет о возобновлении дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

По нашему мнению, рассмотренные ситуации во всех случаях требуют предъявления нового обвинения, которое существенно отличается от ранее предъявленного, а в некоторых из них может оказаться и более тяжким.

При доведении до самоубийства данные о личности виновного и потерпевшего, по общему правилу, становятся известны еще при возбуждении уголовного дела. Это объясняется тем, что виновный и потерпевший при совершении этого преступления не только знают друг друга, но и известны окружающим. Однако все же нельзя исключить и по этим делам выявление в ходе расследования новых данных об обвиняемом, например когда оказывается, что обвиняемый в действительности другое лицо. В таком случае, как и при убийстве, необходимо предъявление нового обвинения с указанием новых данных о личности обвиняемого.

По нашему мнению, в подобных случаях нельзя ограничиться вынесением постановления или определения о том, что обвиняемый (подсудимый) Иванов он же Петров, как иногда поступают на практике.

Во *вторую* группу включены обстоятельства, указывающие на место и время убийства и доведения до самоубийства. Изменение этих данных влечет предъявление нового обвинения, когда возникает необходимость применить уголовный закон другой союзной республики или иную норму в связи с введением в действие нового уголовного закона. В подобных ситуациях правильность такого решения несомненна. Обвинение должно быть заново предъявлено и в тех случаях, когда изменение данных о месте и времени убийства ставит под сомнение возможность совершения убийства обвиняемым (подсудимым), особенно когда он заявляет об алиби или не признает себя виновным, а также когда изменение этих данных влияет на другие обстоятельства совершения преступления, например когда оказывается, что место обнаружения трупа не совпадает с местом лишения жизни потерпевшего.

На практике возникает вопрос о том, надо ли предъявлять новое обвинение, когда предъявлено обвинение в убийстве с указанием адреса и примерного времени («в доме №

2 по Широкой улице около 20 часов»), а затем в ходе расследования место и время детализируются (в какой комнате было совершено убийство), уточняются минуты совершения преступления. Здесь однозначного ответа не может быть. Например, при убийстве способом, опасным для жизни многих людей, в состоянии сильного душевного волнения, при превышении пределов необходимой обороны и т. п. уточнение места совершения убийства может оказаться решающим для квалификации преступления, а иногда и для доказывания вины. В тех же случаях, когда уточнение места и времени убийства не имеет решающего значения, вряд ли есть необходимость предъявлять новое обвинение, но не следует уточнять и формулировку обвинения. Место и время убийства могут быть уточнены в таких случаях при описании обстоятельств этого преступления в обвинительном заключении или в приговоре перед изложением формулировки обвинения. С нашей точки зрения, такое уточнение не дает оснований считать, что новое обвинение существенно изменилось по фактическим обстоятельствам.

Место и время доведения до самоубийства имеют свои особенности. Здесь место совершения действий обвиняемого и место самоубийства часто не совпадают, не совпадает и время доведения до самоубийства и самоубийство потерпевшего. Каждое из этих обстоятельств имеет самостоятельное значение. В тех случаях, когда изменение места и времени влияет на квалификацию действий виновного, ему должно быть предъявлено новое обвинение¹. В тех случаях, когда место и время лишь уточняются и в результате этого не ставится под сомнение предъявленное обвинение, необходимости предъявлять новое обвинение в доведении до самоубийства не возникает.

Третью группу составляют обстоятельства, определяющие квалификацию рассматриваемых преступлений.

Для убийства эти обстоятельства могут быть самыми различными: характер умысла, вид неосторожности, мотив, цель, способ, завершенность начатого преступления, признание обвиняемого особо опасным рецидивистом при осуждении за прежние преступления, повторность, наличие беременности потерпевшей и др. Их изменение после предъявления обвинения зачастую влечет применение другого уголовного закона, а в связи с этим возникают вопросы о том, какое обвинение является более тяжким или существенно отличающимся от первоначального.

Не вызывает сомнения, что следователь, прокурор и суд вправе изменить формулировку обвинения в убийстве на другую, менее суровую, предусматривающую ответственность за убийство. Они могут также исключить отдельные эпизоды обвинения или обстоятельства, отягчающие убийство. Во всех этих случаях новую формулировку обвинения приводят в соответствие с теми данными, которые установлены предварительным следствием или судом. Такие изменения не ухудшают положения обвиняемого (подсудимого) и не нарушают его права на защиту. Это относится, например, к перекалфикации действий обвиняемого (подсудимого) со ст. 102 на ст. ст. 103, 104, 105, 106 УК, со ст. 103 на ст. ст. 104, 105 и 106 УК и т. д. Однако изменить квалификацию со ст. 106 на ст. 105 УК нельзя, хотя ст. 105 и предусматривает менее строгое наказание, чем ст. 106. Это объясняется тем, что убийство при превышении пределов необходимой обороны может быть только умышленным. Изменение обвинения в совершении неосторожного убийства на обвинение в умышленном убийстве привело бы к существенному изменению формулировки обвинения по фактическим обстоятельствам.

Более сложно решить вопрос о предъявлении нового обвинения, когда возникает необходимость изменить его формулировку в связи с изменением мотивов, цели, способа и иных обстоятельств убийства, предусмотренных ст. 102 УК. Имеется в виду изменение

¹В случае, если при доведении до самоубийства действия виновным совершены на территории одной союзной республики, а потерпевший покончил собой на территории другой республики, преступление квалифицируется по закону той республики, на территории которой были совершены действия виновного.

квалификации убийства вместо одного пункта этой статьи на другой. Здесь нельзя говорить о различной тяжести обвинения в убийстве, поскольку если отвлечься от конкретных обстоятельств таких убийств, то станет очевидно, что тяжесть обвинения по каждому из пунктов ст. 102 одинакова. Следовательно, правильное решение вопроса зависит от того, насколько существенно по фактическим обстоятельствам изменяется обвинение и не нарушается ли право обвиняемого (подсудимого) на защиту.

Пленум Верховного Суда СССР в развитие требований закона (ст. ст. 36, 42, 46 и 48 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик) в п. 16 постановления от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» разъяснил, что замена судом неправильно примененного пункта ст. 102 УК возможна в тех случаях, когда такое изменение квалификации не влечет изменения формулировки обвинения и не нарушает права подсудимого на защиту. Пленум конкретизировал требования закона применительно к делам об убийстве. Это указание Пленума относится и к органам предварительного следствия, которые тоже не вправе изменять квалификацию убийства в указанных случаях без предъявления нового обвинения.

Иногда выясняется, что мотив убийства в момент предъявления обвинения был установлен неправильно, например убийство совершено не из корыстных, а из хулиганских побуждений. Без предъявления нового обвинения следователь и суд не вправе изменить прежнюю формулировку обвинения. Указание в обвинительном заключении или в приговоре о другом мотиве убийства приведет к тому, что новое обвинение будет существенно отличаться по фактическим обстоятельствам от прежнего. Так, Пленум Верховного Суда СССР внес изменение в постановление Президиума Верховного Суда РСФСР, которым было признано, что М. совершил убийство из хулиганских побуждений, и дело передал на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства. Согласившись с постановлением Президиума о квалификации преступления, Пленум признал, что дело подлежит передаче на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия для предъявления М. обвинения в убийстве из хулиганских побуждений, поскольку по этому мотиву ранее обвинение ему не предъявлялось.

Когда предъявлено обвинение в убийстве из хулиганских побуждений (как и по любому другому мотиву, указанному в ст. 102 УК), оно не может быть изменено на обвинение по другим признакам (например, особой жестокости или способу, опасному для жизни многих людей). Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР отменила приговор по делу Е., действия которого судом были переклассифицированы с п. «б» на п. «д» ст. 102 УК. Судебная коллегия указала на то, что в связи с существенным изменением формулировки обвинения Е. необходимо предъявить обвинение по п. «д» ст. 102 УК.

Равным образом нельзя в формулировке обвинения в умышленном убийстве заменить способ, опасный для жизни многих людей, или другой признак ст. 102 УК на любой из мотивов, названных в этой статье.

Недопустимо изменение формулировки обвинения и в том случае, когда суд приходит к выводу о совершении убийства при иных обстоятельствах, чем указано в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого. Нельзя, например, переклассифицировать действия обвиняемого (подсудимого) с п. «г» на п. «д» ст. 102 УК, когда оказывается, что убийство совершено не с особой жестокостью, а способом, опасным для жизни многих людей. При этом были бы установлены новые обстоятельства убийства и новое обвинение, которое должно быть предъявлено. Однако в том случае, когда совершение убийства способом, опасным для жизни многих людей, было включено в формулировку обвинения, но квалифицировано неправильно по п. «г» ст. 102 УК, этот вопрос должен решаться иначе. К примеру, из постановления о предъявлении обвинения следует, что А., находясь на расстоянии 5—6 метров от Е., который стоял в группе своих товарищей, произвел выстрел из ружья и убил его с особой жестокостью. В последующем действия А. могли бы

быть переквалифицированы с п. «г» на п. «д» ст. 102 УК без предъявления нового обвинения, поскольку в формулировке обвинения в числе обстоятельств убийства по существу содержалось указание о совершении его способом, опасным для жизни многих людей.

В тех случаях, когда обстоятельства, отягчающие убийство, относятся к характеристике личности обвиняемого или подсудимого (совершение убийства лицом, ранее совершившим убийство, или особо опасным рецидивистом) либо характеризуют определенным образом потерпевших (совершение убийства беременной женщины, двух и более лиц), изменение квалификации действий обвиняемого или подсудимого на какой-либо из пунктов ст. 102 УК повлечет изменение формулировки обвинения. Например, не может быть изменена квалификация убийства с п. «и» на п. «з» ст. 102 УК.

При квалификации убийства по ст. 103 УК также может возникнуть вопрос об изменении формулировки обвинения, когда суд установит, что убийство было совершено по другому мотиву (например, не из ревности, а из мести на почве личных отношений) или при других обстоятельствах (например, не в ссоре и драке, а в результате неправомерного применения оружия лицом, охранявшим государственное имущество, при неисполнении потерпевшим законных требований этого лица). Поскольку ст. 103 УК имеет единую диспозицию, то вопрос о переквалификации преступления, разумеется, не возникает, но это не значит, что формулировка обвинения может неограниченно изменяться. Здесь также подлежат применению названные выше критерии. По нашему мнению, замена мотива или обстоятельства убийства, квалифицируемого по ст. 103 УК, должна признаваться существенным изменением обвинения. Иное решение вопроса нарушило бы право обвиняемого на защиту.

По общему правилу для квалификации убийства форма умысла не имеет значения. Очевидно, из этого исходила Военная коллегия Верховного Суда СССР по делу П., осужденного за умышленное убийство П., когда указала, что признание в приговоре судом совершения убийства с прямым умыслом в отличие от постановления о предъявлении обвинения, где речь шла об убийстве с косвенным умыслом, не ухудшает положения подсудимого. При этом коллегия сослалась на то, что ст. ст. 144 и 205 УПК РСФСР не требуют детализации умысла, и, следовательно, указание на то, что виновный действовал с косвенным умыслом, не связывает суд в своих выводах о форме умысла¹.

Коллегия была бы права в том случае, если бы форма умысла в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого не была детализирована. В данном случае, когда в нем уже было указано о совершении убийства о косвенным умыслом, признание совершения его с прямым умыслом отягчает положение подсудимого. Совершение убийства с прямым умыслом, по нашему мнению, при прочих равных обстоятельствах является более тяжким преступлением, чем совершение убийства с косвенным умыслом.

В тех случаях, когда суд приходит к выводу о том, что совершено покушение на убийство, а в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого было предъявлено обвинение лишь в причинении телесных повреждений, следователем должно быть предъявлено новое обвинение, хотя различие может быть «только» в оценке формы умысла.

На практике нередко возникают вопросы о возможности изменения формулировки обвинения в убийстве на обвинение в других смежных преступлениях. Признается допустимым изменение формулировки обвинения в умышленном убийстве на обвинение: в причинении тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего (в связи с тем, что санкция ч. 2 ст. 108 УК выше санкции ст. 103 УК, такая переквалификация возможна только со ст. 102 УК), в нарушении правил безопасности движения на транспорте (чч. 2 и 3 ст. 211 УК); либо изменение обвинения в покушении на убийство на обвинение в причинении тяжких, менее тяжких или легких телесных повреждений (ч. 1 ст. 108 и ст. ст. 109—112 УК) или в хулиганстве (ст. 206 УК), а также — приготовление к

¹См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1961, № 6, с. 21—22.

убийству на обвинение в оставлении в опасности (ст. 127 УК) или угрозу убийством (ст. 207 УК).

Из названных возможных вариантов изменения формулировки обвинения нуждается в некотором пояснении изменение обвинения в убийстве на обвинение в нарушении правил безопасности движения на автотранспорте, а также обвинения в покушении на убийство на обвинение в хулиганстве. В первом случае такое изменение формулировки обвинения допустимо, если обстоятельства дела в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого изложены таким образом, что эта формулировка обвинения существенно не изменится. Изменение квалификации покушения на убийство на ст. 206 УК возможно только при условии, что обвиняемому вменялось в вину покушение на убийство из хулиганских побуждений (ст. 15 и п. «б» ст. 102 УК).

Обвинение в умышленном убийстве может быть изменено на обвинение в доведении до самоубийства. Это влечет изменение квалификации со ст. ст. 102 или 103 на ст. 107 УК. Однако такое изменение возможно лишь при условии, если существенно не изменится формулировка обвинения.

При доведении до самоубийства, по нашему мнению, должно предъявляться новое обвинение, если, например, установлено, что потерпевший от виновного находился не в материальной зависимости, а в иной зависимости, или установлено не жестокое обращение, а систематическое унижение личного достоинства потерпевшего. Представляется, что в подобных случаях обвинение изменяется существенно.

В тех случаях, когда не установлен какой-либо из признаков, необходимый для применения ст. 107 УК, преступление может быть, например, переквалифицировано на ст. ст. 109, 113, 127 УК, если формулировка в этой части существенно не изменяется. Доведение до самоубийства без предъявления нового обвинения не может быть переквалифицировано ни на один вид убийства (в том числе на неосторожное), так как убийство само по себе более тяжкое преступление, чем доведение до самоубийства.

К *четвертой* группе отнесены обстоятельства, отягчающие ответственность (ст. 39 УК) за убийство и за доведение до самоубийства. В отношении убийства здесь имеются в виду только те обстоятельства, которые отсутствуют в ст. 102 УК: совершение убийства организованной группой, из низменных побуждений (например, зависти или мести на почве личных отношений), малолетнего, престарелого лица или лица, находящегося в беспомощном состоянии, и др. В отношении доведения до самоубийства отягчающими могут оказаться любые из обстоятельств, указанных в ст. 39 УК. Все они должны быть приняты во внимание судом при назначении наказания. Суд с их учетом вправе назначить более строгое наказание, так как они свидетельствуют о повышенной опасности совершенного преступления и личности виновного. Поэтому когда возникает необходимость изменить формулировку обвинения, то она может быть изменена только при предъявлении нового обвинения. Здесь несомненно речь идет о более тяжком обвинении, которое в то же время будет существенно отличаться от первоначального и по фактическим обстоятельствам.

Из обстоятельств, указанных в ст. 39 УК, исключение, по нашему мнению, необходимо сделать лишь для такого обстоятельства, как «совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление». Чаще всего это сведения о прежней судимости. В тех случаях, когда данное обстоятельство устанавливается после вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого по делу об убийстве, необходимость предъявления нового обвинения не возникает, если прежнее преступление не связано с совершенным убийством и упоминание о нем не включено в формулировку обвинения в обвинительном заключении и в приговоре.

Пятая группа включает обстоятельства, которые способствуют уяснению отдельных деталей убийства и доведения до самоубийства, а также условий, в которых преступление было совершено. В их числе: предварительная обдуманность убийства, равнодушие

окружающих при доведении до самоубийства и при убийстве в момент совершения преступления, отношения обвиняемого с потерпевшим, повреждения, от которых непосредственно наступила смерть потерпевшего, и др. Изучение практики показывает, что такие обстоятельства нередко включаются в формулировку обвинения по делам о преступлениях против жизни, хотя все они не имеют самостоятельного значения для квалификации и не относятся по закону к обстоятельствам, отягчающим ответственность. При таком положении включение их в формулировку обвинения не должно бы влечь предъявления нового обвинения. Однако данный подход был бы формальным. Некоторые из такого рода обстоятельств могут свидетельствовать о повышенной опасности действий подсудимого либо привести к существенным отличиям нового обвинения от первоначального. Например, если включить в формулировку обвинения указание о том, что обвиняемый (подсудимый) длительное время готовил убийство, то оно, с нашей точки зрения, ухудшит его положение, так как против такого обвинения он не защищался.

Таким образом, изменение обвинения в убийстве и доведении до самоубийства обязывает следователя, прокурора и суд тщательно проанализировать обвинение по отдельным его частям и в целом, сопоставить новую и прежние формулировки и только после этого с учетом конкретной специфики обстоятельств дела решить, является ли новое обвинение более тяжким или существенно отличающимся по фактическим обстоятельствам от первоначального обвинения. Правильное решение этих вопросов способствует индивидуализации ответственности лиц, совершивших преступления против жизни, и квалификации их в соответствии с точным смыслом ст. ст. 102—107 УК.

ГЛАВА 3. УМЫШЛЕННОЕ УБИЙСТВО БЕЗ ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

3.1 Место умышленного убийства среди других видов убийства

1. Умышленное убийство, предусмотренное ст. 103 УК, или «простое» убийство, является так называемым *основным* составом данного вида преступлений. Поэтому именно с него целесообразно начать рассмотрение вопросов, возникающих при квалификации умышленных убийств.

По ст. 103 УК подлежит квалификации умышленное убийство, совершенное без отягчающих обстоятельств, указанных в ст. 102 УК. Эта формулировка закона недостаточно полно характеризует «простое» убийство. Для квалификации умышленного убийства по ст. 103 УК необходимо отсутствие не только отягчающих, но и смягчающих обстоятельств, влекущих применение ст. ст. 104 и 105 УК. Сказанное дает основание считать, что более точной была бы такая формулировка ст. 103 УК: «Умышленное убийство, совершенное без отягчающих обстоятельств, указанных в ст. 102 УК РСФСР, и без смягчающих обстоятельств, указанных в ст. ст. 104 и 105 УК РСФСР».

В диспозиции ст. 103 в отличие от ст. 102 не приводятся конкретные признаки объективной стороны данного состава убийства. Но это вовсе не исключает, хотя и несколько затрудняет, анализ убийства, предусмотренного этой статьей. Круг умышленных убийств, подлежащих квалификации по ст. 103 УК, можно выяснить только путем исключения признаков, характеризующих убийства, предусмотренные ст. 102, а также ст. ст. 104 и 105 УК.

2. Изучение практики показывает, что наиболее типичными для данного вида убийства являются убийства, совершенные из-за ревности или мести, возникшей на почве личных отношений. К простому убийству относится и часть убийств, совершенных в драке или ссоре, по мотивам зависти, трусости, а также убийства, совершенные лицами, на обязанности которых лежала особая забота об убитом (например, детоубийство), с использованием беспомощного состояния потерпевшего. Кроме того, квалификации по ст. 103 УК подлежат и некоторые другие убийства, мотивы и обстоятельства которых позволяет установить изучение следственной и судебной практики.

Пленум Верховного Суда РСФСР указал судам: «При принятии к своему производству и при рассмотрении в судебных заседаниях дел об умышленных убийствах, совершенных из ревности или мести на почве личных отношений, а также по другим мотивам, необходимо тщательно выяснять все обстоятельства совершенного убийства с тем, чтобы ни один из перечисленных в ст. 102 УК РСФСР отягчающих признаков убийства не остался невыявленным и не получившим соответствующий юридической оценки»¹.

При исследовании мотивов и обстоятельств умышленного убийства, дающих основания для применения ст. 103 УК, необходимо учитывать, что они не имеют самостоятельного значения для квалификации. Например, установление мотива ревности при совершении умышленного убийства вовсе не исключает его квалификации по ст. ст. 102 или 104 УК в

¹Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР. М., «Юридическая литература», 1967, с. 17.

зависимости от наличия отягчающих либо смягчающих обстоятельств, влияющих на квалификацию. Военная коллегия Верховного Суда СССР по делу А. указала, что «убийство из ревности, но способом, опасным для жизни многих лиц, подлежит квалификации по ст. 102 УК РСФСР»¹.

Вместе с тем это не означает, что мотивы и обстоятельства, при которых применяется ст. 103 УК, не должны выясняться и исследоваться по каждому уголовному делу. Они могут служить определенным ориентиром при решении вопроса о квалификации убийства. Их анализ может помочь более глубоко и полно уяснить конкретную обстановку убийства, что важно для назначения наказания и для установления и устранения причин убийств и условий, способствующих их совершению.

3.2 Убийство из ревности

1. Ревность, как мотив умышленного убийства в литературе получила различную оценку. Так, Э. Ф. Побегайло считает, что «ревность сама по себе не является низменным побуждением»². По мнению М. К. Анианца, ревность — отвратительный пережиток прошлого, и независимо от того, по какой причине она у лица возникла, убийства на этой почве должны строго наказываться³. Нам представляется, что ревность как мотив убийства уже в силу данного обстоятельства заслуживает отрицательной оценки. Однако это не исключает дифференцированного подхода. Степень общественной опасности убийства из ревности, как и любого убийства, должна определяться в связи с конкретными обстоятельствами совершенного преступления. Поэтому причину возникновения ревности нельзя оставлять без внимания. Как раз при совершении убийства по мотиву ревности было бы ошибочно не учитывать роль и поведение потерпевшего перед убийством или во время его совершения. Причина возникновения ревности может влиять не только на меру наказания виновного, но и на квалификацию его действий.

«Ревность — мучительное сомнение в чьей-либо верности, любви, в полной преданности, подозрение в привязанности, большей любви к кому-либо другому»⁴. Как мотив убийства, ревность включает в себя элементы недоверия, злобы и эгоизма. Чаще всего она является мотивом убийства в связи с отношениями, возникающими между мужчиной и женщиной. Но было бы неправильно ограничивать только этим сферу, порождающую ревность. Известен ряд убийств, совершенных подростками на почве ревности в связи с тем, что родители или другие родственники относились к убитому (брату или сестре) «лучше», чем к совершившему это преступление.

2. Поводом для убийства из ревности в большинстве случаев служит мнимая или действительная измена. Ростовским областным судом А. был осужден за убийство своей сожительницы Б., которая призналась ему в том, что встречалась также с Ш. В таких случаях, правда редко, потерпевшим может оказаться соперник или соперница лица, виновного в убийстве. По приговору Кемеровского областного суда был осужден К., который, подозревая сожительницу Л. в близких отношениях со своим товарищем, убил его на почве ревности.

Встречаются и такие факты, когда убийство признается совершенным из ревности, вызванной отказом потерпевшей выйти замуж или потерпевшего жениться. Так, Б. совершила убийство Л. в связи с тем, что он обещал на ней жениться, а женился на другой женщине. Красноярский краевой суд признал убийство Л. совершенным из ревности.

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1968, № 1, с. 34.

² Побегайло Э. Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965, с. 127.

³ См.: Анианц М. К. Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик, с. 122.

⁴ Словарь русского языка, т. IV. М., изд-во иностранных и национальных словарей, 1961, с. 609.

Другим поводом для убийства из ревности является отказ потерпевшей от продолжения сожительства: Окружным судом Таймырского национального округа З. признан виновным в убийстве из ревности М. в связи с тем, что она после освобождения З. из тюрьмы (где он просидел год) отказалась продолжать сожительство с ним.

Вопрос об отнесении убийства за отказ от продолжения сожительства к убийству из ревности в судебной практике является спорным. В некоторых случаях такие убийства суды признают совершенными из мести. Например, Иркутский областной суд признал Ц. виновным в убийстве Ж. на почве мести в связи с тем, что она, узнав о наличии семьи у Ц., начала его избегать и прекратила с ним близкие отношения.

По нашему мнению, такие убийства должны признаваться совершенными из ревности. Сложность решения этого вопроса состоит в том, что, как уже отмечалось, ревность при убийстве почти всегда содержит элемент злобы, порождающий месть. Поэтому убийство из ревности очень часто является и убийством из мести, когда поводом для мести служит измена или неразделенная любовь. Практически для квалификации убийства по ст. 103 УК разграничение мотивов мести на почве личных отношений и ревности не имеет значения, так как в любом случае применяется данная статья. Однако и при этом условии нельзя исключать необходимость установления действительного мотива убийства, могущего оказать влияние на назначение наказания виновному, на установление и устранение причин и условий, способствовавших совершению преступления, и т. д.

Во всех указанных случаях ревность выступает как низменное эгоистическое чувство, не смягчающее убийство независимо от наличия или отсутствия оснований для ревности.

В некоторых случаях убийство из ревности может быть признано совершенным в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного циничными действиями со стороны другого лица, например измена этого лица в присутствии виновного в убийстве.

В литературе иногда встречаются утверждения о том, что убийство из ревности якобы «совершается большей частью в состоянии физиологического аффекта»¹. Однако изучение практики свидетельствует о том, что убийства из ревности признаются совершенными в состоянии аффекта в самых редких, если не в исключительных, случаях, так как чувство ревности чаще всего развивается постепенно и возникновение умысла, по общему правилу, лишено внезапности, необходимой для применения ст. 104 УК.

3.3 Убийство из мести, возникшей на почве личных отношений

1. При наличии мотива мести убийство подлежит квалификации по ст. 103 УК во всех тех случаях, когда исключаются месть на почве выполнения потерпевшим служебного или общественного долга и кровная месть. Иными словами, должно быть установлено, что убийство совершено из мести, возникшей на почве личных отношений.

«Мечь — намеренное причинение зла за причиненное зло, обиду и т. п.»².

Изучение практики показывает, что поводом для возникновения мести могут быть самые различные поступки потерпевшего, которые вызывают этот мотив и затем влекут убийство на этой почве. Поводом для мести может быть, например, совершение потерпевшим преступления. Так, Калининским областным судом К. и Д. были осуждены за убийство из мести подростка Н., который похитил часы у спавшего К.

Чаще всего убийства из мести совершаются в тех случаях, когда месть возникает в результате оскорблений в споре и нанесения побоев., Ставропольский краевой суд осудил Б. за убийство из мести своего соседа по квартире С, который оскорбил его жену, обзвывая

¹Советское уголовное право. Часть Особенная. Л., изд-во ЛГУ, 1959, с. 146.

²Словарь современного русского литературного языка, т. VI. М.—Л., изд-во АН СССР, 1957, с. 894.

нецензурными словами и пообещав «навести в квартире порядок». По другому делу Г. был осужден за убийство Ю., с которым он накануне дрался и Ю. ударил его доской по голове. Верховный Суд Коми АССР признал убийство совершенным из мести.

Поводом для мести и убийства по этому мотиву могут служить правомерные действия потерпевшего, направленные на то, чтобы защитить себя от виновного. Верховным Судом РСФСР было рассмотрено дело по обвинению Т., который после освобождения из тюрьмы истязал жену, обвиняя в супружеской неверности, а затем убил ее, узнав, что она пожаловалась на него участковому инспектору милиции.

Поводом для возникновения мести и совершения убийства по этому мотиву иногда является недостойное поведение кого-либо из членов семьи, злоупотребляющего алкоголем и создающего невыносимые условия для совместного проживания. Московским городским судом по ст. 103 УК за убийство из мести был осужден Б., 16 лет. Явившись домой в состоянии опьянения (водку пить его учил отец), Б. взял топор и, чтобы «отомстить за мать», которую отец, будучи пьяным, систематически избивал, убил его.

Месть может возникнуть в результате таких действий потерпевшего, которые не причинили и, с точки зрения общепризнанных в обществе правил поведения, не могли причинить никакого вреда. В таких случаях чаще всего возникает необходимость отграничивать убийство из мести на почве личных отношений от убийства из хулиганских побуждений. В каждом таком случае необходимо выяснить, действительно ли был повод для мести или виновный ссылается на данное обстоятельство лишь для того, чтобы добиться более благоприятной для себя квалификации преступления.

На практике встречаются случаи, когда убийство, совершенное из мести, неправильно расценивается как убийство из хулиганских побуждений. Так, Пленум Верховного Суда СССР признал необоснованным осуждение О. за убийство из хулиганских побуждений К. (ч. 1 ст. 88 УК Казахской ССР). Было установлено, что соседи О. и К. в течение длительного времени находились в неприязненных отношениях в связи с тем, что К. отказывался оплатить О. стоимость плодовых деревьев на отошедшем к нему от усадьбы О. садовом участке. На этой почве между ними неоднократно возникали ссоры. Однажды О., будучи в нетрезвом состоянии, взял ружье, вышел на улицу и, выстрелив в работавшего на огороде К., убил его. Пленум признал, что убийство совершено из мести на почве личных отношений и переqualificировал действия О. на ч. 2 ст. 88 УК Казахской ССР¹.

Таким образом, установление повода возникновения мести, явившейся мотивом умышленного убийства, позволяет прийти к обоснованному выводу о том, что месть возникла на почве личных отношений и применение пп. «б», «в» или «к» ст. 102 УК исключается.

2. Поступки потерпевшего, породившие мотив мести, могут быть совершены как непосредственно перед убийством, так и когда-то в прошлом, в том числе по истечении длительного времени. В тех случаях, когда месть на почве личных отношений возникла в результате действий потерпевшего, совершенных непосредственно перед убийством, появляется необходимость в тщательном выяснении, не было ли оно совершено в состоянии аффекта или при превышении пределов необходимой обороны. На практике встречаются случаи, когда убийство квалифицируется по ст. 103 УК как совершенное из мести на почве личных отношений, хотя по всем обстоятельствам дела оно явилось непосредственной реакцией на правомерные действия потерпевшего, дающей основание рассматривать убийство, не исключая мотива мести, совершенным в состоянии сильного душевного волнения либо с превышением пределов необходимой обороны. Так, народным судом был осужден К. за убийство А. из мести на почве личных отношений. Судом установлено, что А. и З., находясь в состоянии опьянения, напали на К., камнями и лопатами избили его, а когда К. потерял сознание, они, полагая, что он мертв, бросили его в ручей. Через

¹См.: Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам, 1959—1971 гг. М., «Юридическая литература», 1973, с. 196—197.

несколько часов К. пришел в себя и, добравшись до общежития, обнаружил, что его вещи и документы похищены. Рабочие сообщили, что вещи взяли А. и З., в связи с чем К. подошел к А., лежавшему на кровати, и потребовал вернуть похищенное. А., не вставая с места, выругался нецензурной бранью и ударил ногой К. в живот. К., схватив со стола нож, нанес им А. несколько ударов, повлекших смерть последнего. Президиум Верховного Суда Таджикской ССР обоснованно признал, что А. совершил убийство в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения¹.

Ошибки, допускаемые в таких случаях, объясняются тем, что органы следствия и суды не всегда глубоко анализируют действия потерпевшего, который подает повод для совершения преступления, расценивая действия виновного лишь как месть, возникшую на почве личных отношений. Однако мотив мести в подобных ситуациях не имеет никакого значения для квалификации совершенного убийства.

3.4 Убийство в драке или ссоре

1. Изучение практики показывает, что значительная часть убийств, совершенных в драке или ссоре, квалифицируется по ст. 103 УК. Иногда практические работники даже высказывают мнение о том, что убийство в драке или ссоре во всех случаях влечет применение этой статьи. Это можно объяснить только недоразумением. Очевидно, что убийство в ссоре или драке «прямо» не предусмотрено ст. 103 УК, и, кроме того, совершение убийства при этих обстоятельствах допускает и иную квалификацию. Только при отсутствии отягчающих обстоятельств такие убийства подлежат квалификации по ст. 103 УК. Убийство в драке или ссоре само по себе не исключает также наличия обстоятельств, дающих основания расценивать такие убийства как совершенные в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения или с превышением пределов необходимой обороны либо по неосторожности. При наличии этих признаков убийство в драке или ссоре должно квалифицироваться соответственно по ст. ст. 104, 105 или 106 УК. В тех же случаях, когда умышленное лишение жизни в драке совершено в состоянии необходимой обороны без превышения ее пределов, оно не содержит состава преступления.

При решении вопроса о квалификации убийств, совершенных в драке или ссоре, прежде всего необходимо исходить из того, каковы мотивы убийства, так как ссора или драка не исключает во всех случаях наличия мотивов, влекущих признание убийства совершенным при отягчающих обстоятельствах. Драка или ссора нередко оказываются лишь поводом для того, чтобы обострить отношения с потерпевшим, а затем совершить убийство.

2. Чаще всего при рассмотрении дел об убийствах в драке или ссоре возникает вопрос об отграничении их от убийств из хулиганских побуждений. Разграничение этих преступлений очень часто ставится в зависимость от того, кто был зачинщиком драки или ссоры. Некоторые судьи полагают, что если зачинщик драки или ссоры оказывается потерпевшим, то убийство должно квалифицироваться по ст. 103 УК. В тех же случаях, когда убийство совершает зачинщик, оно якобы относится к совершенным из хулиганских побуждений.

Так, Президиум Верховного Суда РСФСР при рассмотрении дела по обвинению С., осужденного Ленинградским городским судом за убийство из хулиганских побуждений, при изменении квалификации преступления сослался на то, что убийство было совершено С. в драке, зачинщиком которой он не являлся. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР при изменении приговора Верховного Суда Чувашской АССР в отношении Д., осужденного за убийство из хулиганских побуждений, признала квалификацию преступления неправильной, так как убийство Л. совершено во время ссоры,

¹См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973, с. 469—470. См. также гл.

инициатором которой был потерпевший. Не оспаривая правильности позиции Верховного Суда РСФСР по этим делам, вряд ли можно согласиться с таким разрешением вопроса в принципе. Как драка, так и ссора независимо от того, кто является зачинщиком, может повлечь убийство, совершенное при наличии признаков ст. 102 УК. Следовательно, при отсутствии отягчающих обстоятельств убийство в драке или ссоре независимо от того, по чьей инициативе она возникла, должно квалифицироваться по ст. 103 УК.

По некоторым делам суды в обоснование применения ст. 103 при убийстве в драке ссылаются на то, что она была «обоюдной», т. е. виновный и потерпевший наносили друг другу побои. Такое же мнение неоднократно высказывалось в литературе. Б. В. Харазидзе утверждает, что умышленное убийство, если оно явилось результатом обоюдной драки, всегда должно квалифицироваться по ст. 103 УК¹. По существу об этом же говорится в комментарии Уголовного кодекса РСФСР². Приведенные рекомендации представляются неправильными. В действительности это обстоятельство также не имеет решающего значения для квалификации, поскольку убийство и при «обоюдной» драке может быть совершено при отягчающих обстоятельствах. Убийство в «обоюдной» драке может оказаться совершенным и в состоянии аффекта, и при превышении пределов необходимой обороны.

Некоторые практические работники ставят знак равенства между «дракой» и «ссорой», с одной стороны, и мотивом — с другой. Это ошибочное мнение. «Драка» и «ссора» — всего лишь обстоятельства убийства, бесспорно совершенного по какому-то определенному мотиву. Анализ мотивов убийств «в драке» и «ссоре» показывает, что они оказываются самыми различными, в том числе и хулиганскими побуждениями, и корыстью, и ревностью, и мстостью, и трусостью, и завистью, и желанием избавиться от мужа-пьяницы, и желанием облегчить вступление в брак, и т. п.

Подводя итог сказанному о квалификации убийств во время драки или ссоры, необходимо подчеркнуть, что важно не механически констатировать наличие драки или ссоры, обращающих прежде всего на себя внимание по делу об убийстве, а выяснять мотивы и действительные обстоятельства совершенного преступления. Драка и ссора при убийстве сами по себе без учета конкретных обстоятельств дела не являются решающими признаками для квалификации преступления. Очевидно поэтому закон не называет драку и ссору в числе обстоятельств, влияющих на квалификацию убийства.

3.5 Убийство матерью своего новорожденного ребенка

1. Принятый в литературе термин «детоубийство» охватывает, если понимать его буквально, убийство любого ребенка, любым лицом и не только умышленно, но и по неосторожности. Имея в виду условность термина, мы используем его для характеристики умышленного убийства матерью своего новорожденного ребенка.

Вопрос о квалификации детоубийства в советском уголовном законодательстве решается по-разному. Уголовный кодекс РСФСР, а также Уголовные кодексы Армянской, Белорусской, Грузинской и Казахской союзных республик не выделяют это преступление в самостоятельный состав. При отсутствии отягчающих обстоятельств детоубийство, совершенное умышленно, подлежит квалификации по ст. 103 УК. Уголовные кодексы Азербайджанской (ст. 96), Киргизской (ст. 97), Латвийской (ст. 100), Литовской (ст. 106), Украинской (ст. 96) и некоторых других союзных республик относят детоубийство к менее опасному виду убийства. Нет единого мнения по данному вопросу и в литературе. Одни авторы приходят к выводу о том, что оснований для отнесения детоубийства к менее

¹См.: Харазидзе Б. В. Вопросы поведения преступника в советском праве. Тбилиси, 1963, с. 82.

²См.: Научный комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. Свердловск, 1964, с. 251.

опасному виду убийства не имеется¹. Другие высказываются за выделение детоубийства в самостоятельный состав убийства при отягчающих обстоятельствах².

По нашему мнению, более правильную позицию занимают те авторы, которые отрицают необходимость выделения самостоятельного состава преступления — детоубийство. Известно, что основанием для выделения детоубийства в самостоятельный состав преступления является то, что женщина во время родов нередко оказывается в тяжелом состоянии, влияющем на ее психику. Именно такое состояние женщины при детоубийстве признается смягчающим обстоятельством. Это правильно. Но вместе с тем необходимо отметить, что далеко не каждое детоубийство завершается при данных смягчающих обстоятельствах. Поэтому относить заранее все детоубийства к совершенным при смягчающих обстоятельствах вряд ли верно. Это ослабляет борьбу с данным видом преступления. Признание детоубийства простым убийством дает возможность дифференцированно подходить к каждому случаю.

Изучение следственной и судебной практики по делам о детоубийстве показывает, что в большинстве случаев это преступление совершается преднамеренно, когда виновная заранее готовится избавиться от ребенка и с этой целью скрывает беременность. По приговору Пензенского областного суда, например, была осуждена А., 22-х лет, за детоубийство. А. тщательно скрывала беременность, а затем, родив ребенка в сарае, задушила его, отнесла на кладбище, зарыла в могилу, но была задержана. По другому делу Белоевским районным народным судом Пермской области была осуждена за детоубийство П., 34-х лет, мать двоих детей. Суд установил, что до дня родов П. работала конюхом, ребенка родила на улице при сильном морозе и оставила его на снегу, где он и умер. П. неоднократно предлагалось зарегистрироваться в женской консультации и пойти в декретный отпуск, но она отказывалась делать это, уверяя, что не беременна. По показаниям свидетелей, П. находилась в таком состоянии, что могла оказать ребенку необходимую помощь. Это же подтвердил врач, осматривавший П. в день родов. Детоубийство при подобных обстоятельствах, когда виновная заранее к нему готовится, было бы неправильно признавать совершенным при смягчающих обстоятельствах.

Детоубийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах, должно квалифицироваться по ст. 102 УК. В РСФСР судебная практика идет по этому пути. Так, по приговору Белгородского областного суда за детоубийство была осуждена Ф. В связи с тем что она ранее совершила умышленное убийство, ее действия были квалифицированы по п. «и» ст. 102 УК как повторное убийство. В то же время убийство матерью своего ребенка вследствие временного стечения тяжелых личных и семейных обстоятельств не может рассматриваться как убийство при отягчающих обстоятельствах и, в частности, совершенным из корысти. Оно подлежит квалификации по ст. 103 УК³.

2. Для правильной квалификации детоубийства первостепенное значение имеет отграничение его от аборта. Уголовные кодексы тех союзных республик, где предусмотрен специальный состав — детоубийство, устанавливают ответственность за умышленное убийство матерью новорожденного ребенка во время или непосредственно после родов (см., например, ст. 97 УК Киргизской ССР). Такую же редакцию имеют аналогичные статьи других Уголовных кодексов. Правда, в тексте ст. 96 УК УССР отсутствует слово «но»

¹См.: *Пионтковский А. А., Меньшагин В. Д.* Курс советского уголовного права. Часть Особенная, т. I, Госюриздат, 1955, с. 547; Советское уголовное право. Часть Особенная, Л., изд-во ЛГУ, 1959, с. 150; *Загородников Н. И.* Преступления против жизни по советскому уголовному праву, с. 165.

²См.: *Шаргородский М. Д.* Преступления против жизни и здоровья. М., Госюриздат, 1948, с. 88; *Ани-янци М. К.* Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик. М., «Юридическая литература», 1964, с. 129—130; *Побегайло Э. Ф.* Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965, с. 159—163.

³См.: Сборник постановлений Пленума, Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, 1961—1963 гг. М., «Юридическая литература», 1964, с. 233—239.

ворожденный», но оно упоминается в заголовке статьи. Таким образом, если следовать тексту закона, то при детоубийстве речь идет о лишении жизни новорожденного, т. е. уже родившегося младенца. Однако существенное значение имеет не только это, но и другое указание закона о том, что детоубийство может быть совершено *как непосредственно после родов, так и во время родов*. В связи с этим возникает вопрос: можно ли отнести к детоубийству лишение жизни младенца до начала его дыхания или даже до появления на свет? На этот вопрос в нашем законодательстве ответа нет¹. Не все криминалисты дают на него одинаковый ответ. М. Д. Шаргородский начало жизни человека связывал с началом дыхания и с моментом отделения пуповины². В то же время он писал, что, если умышленное лишение жизни ребенка произошло во время родов, иногда возможно квалифицировать его как убийство, если часть ребенка уже вне утробы матери³.

Более последовательную позицию по этому вопросу занимал А. А. Пионтковский, полагавший, что «следует рассматривать как детоубийство не только убийство новорожденного после отделения плода от утробы матери и начала самостоятельной жизни ребенка, но и убийство, совершенное во время родов, когда рождающийся ребенок еще не начал самостоятельной внеутробной жизни (например, нанесение смертельной раны в голову рождающемуся ребенку до того момента, когда он начнет дышать)»⁴. Очевидно, что мать, причиняющая смерть рождающемуся ребенку, сознает, что ее действия направлены на лишение жизни человека, а не на прерывание беременности. Такое решение вопроса принципиально правильно, оно способствует усилению уголовно-правовой охраны человеческой жизни.

3. Детоубийство необходимо отграничивать от других видов убийства. Правильное решение этого вопроса имеет значение для квалификации убийств в тех союзных республиках, где Уголовные кодексы выделяют детоубийство в самостоятельный состав преступления. В тех республиках, где детоубийство относится к умышленному убийству без отягчающих и смягчающих обстоятельств, правильное решение этого вопроса имеет значение для оценки общественной опасности совершенного преступления, для назначения меры наказания, устранения условий, способствовавших совершению преступления, и т. п.

В ст. 96 УК УССР указывается, что детоубийством признается только такое убийство матерью своего ребенка, которое совершено «во время родов или тотчас после родов» («во время родов или непосредственно после родов» — ст. 97 УК Киргизской ССР). Из этого следует, что закон ограничивает совершение данного преступления небольшим промежутком времени, который подлежит определению в каждом конкретном случае.

Изучение дел о детоубийстве показывает, что к этому преступлению относятся такие убийства ребенка, которые совершены сразу же после его рождения, когда не предпринимается никаких мер к отделению от пуповины и к кормлению, т. е. вся обстановка свидетельствует о том, что для сохранения жизни новорожденного не принималось никаких активных мер.

¹В некоторых странах вопрос об отграничении аборта от убийства разрешен в законодательстве. В Уголовном кодексе Индии предусмотрено, что «причинение смерти ребенку в утробе матери не является убийством. Но причинение смерти живому ребенку, если какая-либо его часть появилась из утробы, хотя бы ребенок не начал дышать или неполностью родился, может рассматриваться как убийство» (ст. 299, объяснение 3 — см. Уголовный кодекс Индии. М., «Иностранная литература», 1958, с. 151).

²См.: Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья, с. 59. М. Н. Гернет, ссылаясь на то, что неродившийся ребенок для матери представляется куском мяса, считал детоубийством причинение смерти младенцу лишь вне утробы матери, начиная от момента появления ребенка на свет, хотя бы пуповина еще не была отрезана (см.: Гернет М. Н. Детоубийство. М., 1911, с. 232).

³См.: Шаргородский М. Д. Ответственность за преступления против личности. Л., изд-во ЛГУ, 1953, с. 15.

⁴Курс советского уголовного права, т. V. М., «Наука», 1971, С. 22.

Когда же мать предприняла меры к сохранению жизни ребенка, а затем совершила убийство, его нельзя, по нашему мнению, признать совершенным непосредственно, тотчас, сразу же после родов, поэтому и не следует относить к убийству матерью новорожденного ребенка. Например, Свердловский областной суд действия Ж. и других, совершивших убийство 8-дневного ребенка, квалифицировал по п. «г» ст. 102 УК. В таком случае вообще нельзя считать, что виновная в момент совершения убийства находится в том исключительном состоянии, которое вызывается родами. При убийстве в подобных случаях используется беспомощное положение потерпевшего, которое не может быть отнесено к признаку, характеризующему только убийство матерью новорожденного ребенка.

3.6 Другие виды умышленного убийства без отягчающих обстоятельств

1. К умышленному убийству, предусмотренному ст. 103 УК, относятся и некоторые другие виды убийства, которые в следственной и судебной практике встречаются сравнительно редко.

Совершение убийства с использованием беспомощного состояния потерпевшего, помимо детоубийства, в некоторых случаях также квалифицируется по ст. 103 УК. Это состояние сна или опьянения потерпевшего, которое использует виновный для совершения убийства. В этих случаях убийство не может быть признано совершенным при отягчающих обстоятельствах. Президиум Верховного Суда РСФСР признал правильным приговор Омского областного суда по делу К., совершившего убийство зятя, находившегося в состоянии опьянения, указав, что использование беспомощного состояния потерпевшего не названо в ст. 102 УК в качестве отягчающего обстоятельства и в связи с этим действия К. правильно квалифицированы по ст. 103 УК.

При квалификации убийств как совершенных с использованием беспомощного состояния потерпевшего необходимо особое внимание уделять установлению мотивов, по которым совершено убийство. Так, Пермским областным судом С. был осужден за убийство Ш., признав, что оно совершено с использованием беспомощного состояния потерпевшего. Данное убийство совершено при следующих обстоятельствах. С. и Ш., находясь оба в нетрезвом состоянии и работая на заготовке древесины, подрались между собой, после чего С. убежал в лес. Возвратившись через некоторое время, он увидел спавшего на телеге Ш. «Имея обиду и личные неприязненные отношения к нему, на почве мести» С. ударил Ш. топором по голове, совершив убийство. В этом случае выявленный мотив не мог повлечь другой квалификации, однако областной суд правильно отделил его в приговоре.

Вместе с тем встречаются убийства с использованием беспомощного состояния, совершаемые по мотивам корысти или хулиганских побуждений, а также при иных отягчающих обстоятельствах (например, особая жестокость), исключающих применение ст. 103 УК.

2. Убийство, совершенное виновным в связи с неправомерными действиями потерпевшего, которые, однако, исключают применение ст. ст. 104 и 105 УК, также квалифицируются по ст. 103 УК. Президиум Верховного Суда РСФСР, например, признал неправильно квалифицированными действия М., осужденного за убийство из хулиганских побуждений сельского исполнителя П. Было установлено, что М. ударил П. палкой по голове, в результате чего наступила его смерть. Действия М. были вызваны тем, что П. и трое его приятелей ночью, не имея каких-либо законных оснований, силой проникли в квартиру М., произвели обыск и угрожали ему арестом. Отвергнув утверждение суда о том, что М. действовал из хулиганских побуждений, Президиум расценил совершенное преступление как умышленное убийство без отягчающих обстоятельств.

3. К данному виду убийства относятся также убийства, совершенные в результате неправомерного применения оружия представителем власти либо лицом, охраняющим

государственное и общественное имущество, при неисполнении потерпевшим их законных требований.

По ст. 103 УК подлежат квалификации и те убийства, которые оказываются совершенными при преждевременной обороне. В таких случаях отсутствует нападение, следовательно, не может быть как необходимой обороны, так и превышения ее пределов¹.

4. К умышленному убийству, квалифицируемому по ст. 103 УК, необходимо отнести и убийства по просьбе потерпевшего. Такие убийства встречаются в судебной практике редко.

Убийство из сострадания, когда виновный, например, выполняет просьбу больного о лишении его жизни, расценивается как убийство, предусмотренное ст. 103 УК. Действующее законодательство не выделяет убийство из сострадания в самостоятельный состав преступления. И это правильно, так как нет оснований считать убийство из сострадания убийством при смягчающих обстоятельствах. По характеру общественной опасности оно ничем не отличается от убийства по взаимной договоренности. Более того, в тех случаях, когда убийство больного совершается, чтобы избавиться от него, оно должно признаваться совершенным по корыстным мотивам и квалифицироваться по п. «а» ст. 102 УК.

5. Убийство из трусости человека, ошибочно принятого виновным за нападающего преступника, следует квалифицировать по ст. 103 УК. Так были квалифицированы действия Г., который, проходя поздно вечером по тропинке на дне оврага и встретив шедших из кино З. и Л., убил последнего ударом перочинного ножа в грудь, предполагая, что «они могут напасть на него и ограбить». Чтобы признать такие действия «простым» убийством, необходимо установить, что допущенная при этом ошибка не дает основания для признания неосторожного или случайного причинения смерти либо что эти действия не могут быть приравнены к совершению убийства при превышении пределов необходимой обороны.

6. По ст. 103 УК может быть квалифицировано убийство, совершенное при проведении научного эксперимента, при испытаниях изобретений. Для таких ситуаций важно подчеркнуть необходимость тщательного анализа субъективной стороны преступления. Разумеется, во всяком случае должен быть установлен косвенный умысел на совершение убийства.

7. В судебной практике встречаются так называемые безмотивные убийства. Такие убийства иногда необоснованно признаются совершенными из хулиганских побуждений только в связи с тем, что мотив убийства не установлен. По приговору Верховного Суда Якутской АССР З. был осужден за убийство Д. из хулиганских побуждений. Суд установил, что приятели Д. и З. — работники геологоразведочной партии — целый день пили в палатке спирт. К вечеру из палатки вышел З. и заявил проходившему повару, что он выстрелил в Д. из малокалиберной винтовки и попросил посмотреть, что с ним. Д. через некоторое время умер от полученной раны живота. Допрошенный по поводу убийства З. не отрицал совершения преступления, но утверждал, что в связи с сильным опьянением не помнит, что послужило поводом для убийства. Ни в стадии расследования, ни в судебном заседании мотивы убийства установлены не были. Исходя из этого, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР признала, что отягчающие обстоятельства убийства не установлены, и изменила приговор. С таким решением вопроса нельзя не согласиться. По нашему мнению, во всех тех случаях, когда мотивы убийства остались невыясненными и нет возможности восполнить этот пробел, действия виновного при отсутствии отягчающих обстоятельств, влекущих применение ст. 102 УК, в соответствии с диспозицией ст. 103 УК подлежат квалификации по этой статье.

¹По этому вопросу см. § 5.2 гл. 5.

ГЛАВА 4. УМЫШЛЕННОЕ УБИЙСТВО ПРИ ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

4.1 Общая характеристика обстоятельств, отягчающих умышленное убийство

1. Обстоятельства, отягчающие умышленное убийство, определяют признаки, по которым оно подлежит квалификации по ст. 102 УК. По сравнению с другими видами убийств, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах представляет особую опасность для общества. Каждое из обстоятельств, содержащихся в ст. 102 УК, свидетельствует об этом, подчеркивая либо тяжесть самого преступления, либо крайнюю опасность личности виновного. В связи с этим анализ данных обстоятельств, выявление конкретных признаков, которые их характеризуют, имеет важное значение для правильной квалификации умышленных убийств.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что советскому уголовному законодательству известны два вида обстоятельств, отягчающих ответственность. Одни из них имеют значение для определения наказания лицу, совершившему преступление (ст. 34 Основ уголовного законодательства, ст. 39 УК), другие — выступают как признаки конкретного состава преступления, влияющие на его квалификацию. Сопоставление отягчающих обстоятельств, названных в ст. 39 УК, с обстоятельствами, влияющими на квалификацию отдельных преступлений, показывает, что первые служат как бы юридической базой, определяющей направленность вторых. Иными словами, отягчающие обстоятельства, названные в Общей части Уголовного кодекса, конкретизируются в отдельных составах Особенной части. Это относится в полной мере и к обстоятельствам, отягчающим ответственность за умышленное убийство. Например, такие обстоятельства из числа названных в ст. 39 УК, как совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление, совершение преступления из корыстных или иных низменных побуждений, причинение преступлением тяжких последствий, совершение преступления с особой жестокостью или издевательством над потерпевшим, совершение преступления общеопасным способом, сформулированы в ст. 102 УК с необходимой детализацией применительно к убийствам, с учетом специфики этих преступлений.

Вместе с тем было бы неправильно считать, что обстоятельства, влияющие на квалификацию, по своему характеру имеют подчиненное значение по отношению к обстоятельствам, названным в Общей части Уголовного кодекса. Они, несомненно, по своей правовой природе самостоятельны. Более того, обстоятельства, влияющие на квалификацию преступления, исключают, при их наличии, применение по конкретному делу при назначении наказания аналогичных обстоятельств, упомянутых в ст. 39 УК¹.

2. Признание тех или иных обстоятельств, при которых совершается умышленное убийство, отягчающими и оказывающими влияние на его квалификацию определяет направленность борьбы с этими преступлениями. Советское законодательство определяет обстоятельства, отягчающие умышленное убийство, исходя из необходимости обеспечения наиболее эффективной охраны жизни любого гражданина, подчеркивая гуманизм социалистического общества.

¹В литературе высказано и другое мнение (см.: Курс советского уголовного права, т. III. М., «Наука», 1970, с. 145—146).

Каждое из обстоятельств, указанных в ст. 102 УК, имеет самостоятельное значение. Поэтому недопустимо, когда отдельные следователи и судьи при квалификации действий лица, виновного в совершении умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах, признают достаточным применение одного из пунктов ст. 102 УК, хотя устанавливают не одно, а несколько отягчающих обстоятельств, указанных в этой статье.

Иногда такие ошибки пытаются оправдать тем, что применение одного или двух-трех пунктов ст. 102 УК якобы не влияет на исход дела, ибо эта статья имеет единую санкцию. Последнее бесспорно верно, но с утверждением о том, что неправильная квалификация и при этом условии не влияет на исход дела, согласиться нельзя. В действительности подобная постановка вопроса неизбежно поведет к упрощенчеству. Суд при вынесении приговора будет лишен возможности оценить все существенные обстоятельства дела и прежде всего квалифицирующие признаки совершенного преступления. Это в свою очередь повлечет назначение более мягкого наказания виновному по сравнению с тем, которого он заслуживает. Только квалификация всех действий виновного позволяет всесторонне оценить общественную опасность совершенного убийства и с учетом данных о его личности назначить справедливое наказание.

3. В тех случаях, когда умышленное убийство совершено при отягчающих обстоятельствах, указанных в двух или более пунктах ст. 102 УК, для правильной юридической оценки такого убийства должны быть указаны все эти пункты. На практике нередко возникает необходимость квалификации умышленного убийства не по одному, а по нескольким пунктам этой статьи. Например, изучение дел в Московском городском суде показало, что по одному пункту ст. 102 УК было квалифицировано 48% убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах, по двум и более — 52%¹. В связи с этим возникает вопрос о том, возможна ли любая совокупность обстоятельств, отягчающих умышленное убийство, при квалификации его по ст. 102 УК. На него следует ответить отрицательно. Нельзя квалифицировать убийство по совокупности пп. «а», «б», «в», «е» и «к» ст. 102 УК в любом сочетании этих обстоятельств, характеризующих мотив и цель деятельности виновного. Дело в том, что каждое убийство совершается по какому-то *одному мотиву* или *цели, которые определяют* в конкретном случае *действия виновного*. В литературе правильно подчеркивалось, что лицо, совершая преступление, всегда подчиняет свое поведение какому-либо одному мотиву, который и определяет смысл и содержание как цели, так и совершенных действий². Например, убийство из корыстных побуждений нельзя одновременно признать совершенным из хулиганских побуждений.

Анализируя обстоятельства конкретного уголовного дела, Э. Ф. Побегайло допускает квалификацию убийства по совокупности пп. «б» и «в» ст. 102 УК. К сожалению, он не приводит каких-либо обоснований³. По соображениям, которые высказаны нами выше, его позицию нельзя признать убедительной. Но подтверждается она и в судебной практике. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР при рассмотрении дела по обвинению В., в том числе и по ст. 15 и пп. «б» и «в» ст. 102 УК пришла к выводу о том, что, если умысел лица был направлен на убийство потерпевшего в связи с пресечением последним совершенного этим лицом злостного хулиганства, дополнительной квалификации таких действий по п. «б» ст. 102 УК не требуется. Поэтому из приговора п. «б» ст. 102 УК был исключен⁴.

Равным образом, несовместима с указанными мотивами цель сокрытия или облегчения преступления либо изнасилования потерпевшей. Мотивы и цели тесно связаны между собой. Цели всегда соответствует определенный мотив, которым определяются действия

¹См.: Герцензон А. А. Уголовное право и социология. М., «Юридическая литература», 1970, с. 64.

²См.: Волков Б. С. Мотив и квалификация преступлений, Казань, 1968, с. 18.

³См.: Побегайло Э. Ф. Указ. соч., с. 75.

⁴См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1973, № 10, с. 12—13.

виновного при совершении убийства. Критически оценивая позицию Э. Ф. Побегайло, который также допускает совокупность пп. «в» и «е» ст. 102 УК, А. В. Наумов правильно пишет, что цель скрыть следы преступления (п. «е») предполагает зачастую такой мотив, как желание избежать уголовной ответственности. Мотивы же убийства в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга иные; месть за общественно полезную деятельность потерпевшего, недовольство этой деятельностью или стремление воспрепятствовать ей. Поэтому убийство не может быть одновременно квалифицировано по п. «в» и по п. «е» ст. 102 УК¹.

Что касается других отягчающих обстоятельств (пп. «г», «д», «ж», «з», «и», «л» ст. 102 УК), то их совокупность с определенными мотивом и целью при совершении убийства возможна, причем допустимы любые сочетания. Разумеется, при такой квалификации возникают вопросы о разграничении, например, пп. «г» и «д», или пп. «з» и «и», или пп. «и» и «л» ст. 102 УК, которые разрешаются в соответствии с признаками, характерными для того или иного вида убийства, предусмотренного данной статьей.

4. Для общей характеристики обстоятельств, отягчающих умышленное убийство, а также для уяснения их сущности определенное значение имеет их классификация. Большинство авторов классифицируют отягчающие обстоятельства по элементам состава преступления². Этим делается попытка дать систематическое изложение отягчающих обстоятельств и подчеркнуть, что они тесно связаны с составом преступления.

Н. И. Загородников предложил другую классификацию отягчающих обстоятельств умышленного убийства, подразделив их на обстоятельства, характеризующие: 1) мотивы и цели, квалифицирующие убийство; 2) индивидуальные черты личности преступника как квалифицирующие признаки особо опасного умышленного убийства; 3) способ действия и последствия как признаки квалифицированного убийства³. Он отступил от принятой большинством авторов классификации обстоятельств, отягчающих умышленное убийство, исключив как признак классификации объект преступления. С этим нельзя не согласиться, поскольку ни одно из обстоятельств, отягчающих умышленное убийство, не может быть отнесено к объекту преступления. Такие отягчающие обстоятельства, как убийство «женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности» либо «двух или более лиц», относятся к характеристике потерпевшего, но вовсе не к характеристике объекта убийства. Объект преступления при совершении любого убийства остается без изменения и сам по себе не может отягчать (как и смягчать) данное преступление. Эти отягчающие обстоятельства умышленного убийства относятся к объективным свойствам преступления, так же как «особая жестокость» и «способ, опасный для жизни многих людей».

Вместе с тем классификация отягчающих обстоятельств умышленного убийства, предлагаемая Н. И. Загородниковым, не может быть принята в остальной части.

С нашей точки зрения, неправильно разрывать характеристику отягчающих обстоятельств, относящихся к субъективной стороне и к субъекту убийства. Отягчающие обстоятельства, характеризующие субъективную сторону, — это мотивы, которыми руководствуется виновный, либо цель, которую он ставит перед собой, совершая убийство. Например, корыстный мотив убийства в равной степени относится к характеристике и субъективной стороны и субъекта. Цель скрыть другое преступление путем совершения убийства характеризует субъекта преступления не в меньшей степени, чем его субъективную сторону. В

¹См.: Наумов А. В. Мотивы убийств. Волгоград, 1969, с. 75.

²См.: например, Якубович М. И., Кириченко В. Ф. Советское уголовное право. М., Госюриздат, 1958, с. 302; Аниязи М. К. Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик, с. 44; Побегайло Э. Ф. Указ. работа, с. 74—118; Курс советского уголовного права, т. V. М., «Наука», 1970, с. 31.

³См.: Загородников Н. И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву, с. 116—121.

то же время данные, характеризующие личность виновного, как отягчающие обстоятельства убийства нельзя рассматривать в отрыве от субъективной стороны преступления, в которой отражается психическое отношение субъекта к содеянному.

Исходя из этого, мы полагаем, что обстоятельства, отягчающие умышенное убийство, относящиеся к субъективным свойствам убийства и к личности виновного, следует рассматривать в одной группе.

Таким образом, обстоятельства, отягчающие умышенное убийство, правильнее объединить в две группы:

- 1) обстоятельства, характеризующие субъективные свойства убийства и личность виновного (совершение убийства: из корыстных побуждений; из хулиганских побуждений; в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга; с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием; лицом, ранее совершившим умышенное убийство, за исключением убийства, предусмотренного ст. ст. 104 и 105 УК; на почве кровной мести; особо опасным рецидивистом);
- 2) обстоятельства, характеризующие объективные свойства убийства (совершение убийства: с особой жестокостью; способом, опасным для жизни многих людей; женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности; двух или более лиц).

4.2 Отягчающие обстоятельства, характеризующие субъективные свойства убийства и личность виновного

Убийство из корыстных побуждений (п. «а» ст. 102 УК).

1. Корысть — это и отягчающее ответственность обстоятельство при совершении преступления (п. 3 ст. 39 УК), и квалифицирующий признак ряда преступлений, в том числе и убийства. Корыстный мотив характерен прежде всего для имущественных преступлений. Но закон не связывает понятие корысти только с преступлениями против собственности. В ст. ст. 124, 125, 170 и некоторых других статьях Уголовного кодекса говорится о корыстной цели, о корыстной заинтересованности, о корыстных побуждениях, хотя речь идет о злоупотреблении опекунскими обязанностями, похищении чужого ребенка, злоупотреблении служебным положением и т. д. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что корысть присуща далеко не всем преступлениям. Трудно согласиться с Б. С. Волковым, который считает, что «в Уголовном кодексе вряд ли можно найти преступление, отправной побудительной причиной которого не могла бы выступить корысть... стремление отдать предпочтение своему личному материальному интересу, а не общественному, получить какую-то материальную имущественную выгоду, пользу для удовлетворения этого интереса»¹. Представляется, что корысть присуща только тем преступлениям, при совершении которых виновный стремится получить материальную выгоду. Очевидно, что нельзя, например, говорить о корысти как «отправной побудительной причине» совершения половых преступлений.

Для правильной квалификации убийства из корыстных побуждений важное значение имеет раскрытие содержания этих побуждений. По нашему мнению, корыстный мотив при убийстве охватывает материальную выгоду в самом широком смысле. Ее нельзя сводить только к завладению имуществом и деньгами, хотя, как показывает практика, убийство из корыстных побуждений чаще всего совершается, чтобы завладеть имуществом и деньгами. Корысть при убийстве — это не только приобретение материальной выгоды,

¹ Волков Б. С. Мотив и квалификация преступлений, с. 50.

завладение тем, чем не обладал виновный до убийства, но и стремление избавиться от каких-либо материальных затрат сейчас или в будущем, сохранить материальные блага, с которыми придется расстаться на законном основании.

К корыстным относится убийство за плату, т. е. когда убийца лишает жизни человека по указанию лица, пообещавшего уплатить или уплатившего за это определенное вознаграждение.

Пленум Верховного Суда СССР в п. 6 постановления от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» разъяснил, что по п. «а» ст. 102 УК следует квалифицировать умышленное убийство, совершенное из побуждений, направленных на получение всякого рода материальной выгоды (денег, имущества, имущественных прав, прав на жилплощадь и т. д.), или с намерением избавиться от материальных затрат (уплаты долга, платежа алиментов и др.), либо из иных корыстных побуждений.

Корыстным признается убийство независимо от того, кто оказывается потерпевшим: владелец имущества (иных ценностей) или лицо, у которого оно находилось в пользовании либо которому его передали на хранение. Потерпевшим может оказаться лицо, со смертью которого виновный надеется получить какие-то права имущественного характера¹.

Для признания убийства совершенным из корыстных побуждений не имеет значения, кто может получить материальную выгоду: сам виновный: или его близкие, например члены семьи, иные лица, в судьбе которых он заинтересован².

Таким образом, *корыстные побуждения при убийстве характеризуются стремлением виновного извлечь в результате преступления материальную выгоду (в том числе освободиться от материальных затрат) для себя или для других лиц, в судьбе которых он заинтересован.*

2. Вопрос о форме умысла при убийстве из корыстных побуждений необходимо решать в зависимости от того, подпадает ли данное убийство только под признаки корыстного убийства или оно было совершено одновременно с другим преступлением.

В тех случаях, когда совершается одно преступление — корыстное убийство, субъект всегда действует с прямым умыслом, преследуя цель завладения имуществом, иными ценностями или правами материального характера. Здесь убийство оказывается средством для достижения желаемого результата. Виновный сознает, что без лишения жизни потерпевшего не может добиться своей корыстной цели.

По-другому должен решаться вопрос в тех случаях, когда корыстное убийство совершается при разбойном нападении. Мы согласны с А. В. Наумовым³ в том, что такое убийство может быть совершено не только с прямым, но и с косвенным умыслом. В некоторых случаях виновный, завладевая имуществом потерпевшего, причиняет ему смерть и безразлично относится к этому результату.

Встречаются и другие ситуации, когда корыстное убийство совершается с косвенным умыслом. Например, преступник раздел пьяного, оставил его на сильном морозе, и тот умер. Здесь виновный не желал наступления смерти потерпевшего, но сознавал, что она может наступить, и относился к его судьбе безразлично.

3. Корыстное убийство, подлежащее квалификации только по п. «а» ст. 102 УК, необходимо отграничивать от случаев, когда оно совершено при разбойном нападении. Пленум Верховного Суда СССР в п. 6 постановления от 27 июня 1975 г. разъяснил, что такие случаи следует квалифицировать по совокупности указанных преступлений, поскольку разбой не охватывается п. «а» ст. 102 УК. Пленум в данном случае исходит, видимо, из

¹Военная коллегия Верховного Суда СССР, основываясь на ст. 531 ГК РСФСР, указала, что убийца не может наследовать имущество убитого им лица (см.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1969, № 3, с. 39).

²См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1971, № 5, с. 8 (определение по делу М.).

³См.: Наумов А. В. Мотивы убийств, с. 48.

того, что каждое преступление, если оно совершено, должно получить соответствующую юридическую оценку. Поэтому нельзя согласиться с А. А. Пионтковским, который утверждал, что квалификация корыстного убийства по совокупности с разбойным нападением может быть оправдана только тем, что санкция ст. 102 УК не предусматривает конфискацию имущества. Поскольку конфискация имущества предусматривается ст. 93 УК УССР, то там не требуется прибегать к квалификации по совокупности, так как содеянное охватывается полностью корыстным убийством¹.

Такой позиции придерживаются и некоторые практические работники, полагая, что действия виновного в умышленном убийстве и разбое следует квалифицировать лишь по п. «а» ст. 102 УК, ошибочно рассматривая разбойное нападение только как обстоятельство, отягчающее убийство, а не как самостоятельное преступление. По этим основаниям Краснодарский краевой суд квалифицировал по п. «а» ст. 102 УК действия П., совершившего убийство и разбойное нападение. Президиум Верховного Суда РСФСР признал вывод краевого суда неправильным, так как П. совершил два самостоятельных преступления, предусмотренных п. «а» ст. 102 и ст. 146 УК. Президиум отменил приговор краевого суда и дело возвратил на новое судебное рассмотрение, указав на неправильность квалификации действий осужденного.

В литературе и среди некоторой части практических работников распространено мнение о том, что критерием правильности разрешения поставленного выше вопроса является способ убийства. При этом признается, что разбойное нападение, окончившееся убийством, может быть совершено только открыто и потерпевший должен осознавать, что его убивают ради завладения имуществом, а убийство из корысти может быть совершено как открыто, так и незаметно для потерпевшего. Кроме того, указывается, что при разбое переход имущества происходит при совершении убийства и соединяется с ним по времени и месту, а при корыстном убийстве имущество переходит к виновному лишь в дальнейшем².

Анализ законодательства и практики показывает, что эти критерии не являются обязательными, а в ряде случаев вообще не имеют значения для правильной квалификации данного преступления. Это видно, например, из дела по обвинению К. в убийстве Р.

К., хорошо знавший Р., решил убить его и завладеть его деньгами, которые хранились дома. С этой целью К., подойдя сзади, нанес Р. несколько ударов топором по голове, от которых тот сразу же умер. Затем К. обыскал Р., взял ключи от его квартиры с тем, чтобы забрать деньги, но потом, испугавшись, отказался от своего намерения. Рязанский областной суд расценил действия К. лишь как корыстное убийство и оправдал его в разбойном нападении. В обоснование своего решения суд сослался на то, что, во-первых, нападение не было заметно потерпевшему и, во-вторых, К. после убийства добровольно отказался от завладения деньгами.

Однако эти доводы суда не основаны на законе. Действующий закон в отличие от ст. 167 УК РСФСР 1926 года не содержит обязательного требования в том, чтобы нападение при разбое было открытым. Следовательно, квалификация действий К. не должна измениться от того, было ли «заметно» нападение потерпевшему. Тем более для квалификации преступления в таких случаях не имеет значения, сознавал ли потерпевший, с какой целью его убивают. Это трудно установить. Даже при наличии свидетелей, как правило, можно лишь строить предположение. Нельзя согласиться и с другим доводом суда по этому делу. Известно, что разбой признается оконченным в момент нападения с целью завладения чужим имуществом, независимо от того, завладеет ли нападавший каким-либо имуществом

¹См.: Курс советского уголовного права, т. IV, М., «Наука», 1970, с. 365—366.

²См., например, Шаргородский М. Д. Ответственность за преступления против личности. Л., изд-во ЛГУ, 1953, с. 18—20. В последующем, признав неточность формулировки «открытое нападение», М. Д. Шаргородский по существу от нее не отказался (см.: «Курс советского уголовного права. Часть Особенная», т. 3. Л., изд-во ЛГУ, 1973, с. 507).

потерпевшего. Для окончченного состава корыстного убийства при любых обстоятельствах не имеет значения, получил ли виновный те блага, завладеть которыми он стремился, совершая преступление.

В литературе было высказано и другое мнение, с которым также трудно согласиться. Авторы работы «Некоторые вопросы законодательства Украинской ССР» считают, что «при корыстном убийстве завладение имуществом осуществляется не иначе как путем убийства, после него; при разбое убийство не планируется, оно лишь может наступить, если избежать его разбойник не мог»¹. Верно, что при корыстном убийстве (без разбойного нападения) виновный завладевает имуществом после убийства, но такая ситуация не исключена и в тех случаях, когда действия виновного квалифицируются по совокупности совершенных преступлений как корыстное убийство и разбой. Практике известны разбойные нападения, сопряженные с корыстным убийством, совершенным из-за угла, во время сна или опьянения потерпевшего и т. д., когда убийство предшествует завладению имуществом.

Нельзя признать самостоятельным критерием разграничения корыстного убийства и корыстного убийства, сопряженного с разбоем, нападение, поскольку оно хотя и является признаком разбоя, но и не исключается и при корыстном убийстве без разбоя. Например, путем нападения может быть совершено убийство супруга с целью завладения в полной мере общим, совместно нажитым имуществом. Такое убийство не может быть квалифицировано по совокупности с разбоем. В то же время по совокупности этих преступлений должно квалифицироваться убийство путем нападения на родственника с целью завладения его имуществом. Президиум Верховного Суда РСФСР признал правильной квалификацию по п. «а» ст. 102 и ч. 2 ст. 146 УК действий Ч., который двумя выстрелами убил своего отчима К., взял принадлежавшие ему 342 руб., а труп бросил в реку. В данном случае деньги не являлись общей собственностью. Из этого следует, что решающее значение для квалификации убийства и разбоя по совокупности имеет наличие факта похищения имущества, поскольку состав корыстного убийства не включает похищение имущества.

Кроме того, для признания убийства совершенным из корысти и применения п. «а» ст. 102 и ст. ст. 91 или 146 УК необходимо установить, что умысел на завладение имуществом возник у виновного до убийства. В тех случаях, когда такой умысел возник после совершения убийства, оно не может быть признано корыстным. Например, после убийства из ревности или мести виновный присваивает имущество потерпевшего. Его действия образуют убийство без отягчающих обстоятельств, а завладение имуществом в этом случае является кражей, а не разбойным нападением.

Таким образом, критерием разграничения корыстного убийства при разбойном нападении и корыстного убийства без признаков разбоя является наличие или отсутствие обязательной совокупности *трех* признаков. Если убийство совершено, *во-первых*, путем нападения, *во-вторых*, с целью завладения имуществом (похищения его), и если, *в-третьих*, завладение имуществом осуществлено в момент совершения убийства или непосредственно после него², то налицо совокупность корыстного убийства и разбоя.

4. Убийство из корыстных побуждений необходимо отграничивать от убийств, совершаемых по другим мотивам. Ошибки при квалификации, как правило, допускаются в связи с тем, что корыстными признаются такие мотивы, которые с ними имеют только внешнее сходство.

¹Некоторые вопросы уголовного законодательства Украинской ССР. Киев, 1962, с. 59.

²Президиум Верховного Суда РСФСР признал, что лицо, совершившее в целях завладения чужим имуществом разбойное нападение, повлекшее смерть потерпевшего, с учетом направленности умысла несет ответственность по п. «а» ст. 102 и ч. 2 ст. 146 УК и в том случае, если между нападением и завладением имущества имеется некоторый разрыв во времени (см.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1972, № 1, с. 9).

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР не обнаружила корыстных мотивов в действиях М., который во время игры в карты заподозрил партнера в обмане — тот не поставил в банк проигранный им рубль. В результате возникла ссора, перешедшая в драку, в ходе которой потерпевший был убит. Судебная коллегия пришла к выводу, что убийство было совершено не вследствие того, что М. желал получить материальную выгоду в размере одного рубля, а по мотиву мести за то, что потерпевший, нарушивший «правила игры», обманул своего партнера¹. Обоснованность такого вывода не вызывает сомнений.

На практике возник вопрос о квалификации действий лиц, совершивших убийство, чтобы удержать или сохранить имущество, уже принадлежащее виновному. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР отменила приговор Пермского областного суда в отношении Н., осужденного по ст. 103 УК за убийство из ружья И., который залез к нему в сад за клубникой. Судебная коллегия в определении признала, что Н. действовал якобы из корыстных побуждений. Президиум Верховного Суда РСФСР отменил определение и указал, что мнение коллегии о квалификации преступления по п. «а» ст. 102 УК является неправильным. «Корыстные мотивы совершения убийства, — говорится в постановлении, — предполагают стремление к противоправному завладению имуществом или иными ценностями, находящимися во владении потерпевшего, либо иное желание лица получить материальную выгоду от совершения преступления. В данном же случае, совершая убийство, Н. никакой материальной выгоды от этого не получил и не мог получить. Следовательно, в его действиях не было корыстных мотивов...»². Правильность выводов Президиума по этому делу оспаривает Э. Ф. Побегайло, по мнению которого то, что Н. материальной «выгоды не получил и не мог получить, ни в коей мере не меняет корыстной сущности его побуждений. Было бы несправедливо считать проявление таких частнособственнических пережитков «простым убийством»³. Это утверждение представляется неубедительным. Действия Н. следовало бы считать корыстными только в том случае, если бы имущество у него изымалось на законном основании. Удержание имущества при этом условии свидетельствует о корыстных побуждениях. В сложившейся обстановке Н., совершая убийство И., мстил ему за похищаемое имущество и при отсутствии других отягчающих обстоятельств должен отвечать по ст. 103 УК. Что касается ссылки Э. Ф. Побегайло на «несправедливость» такой квалификации, то она для уяснения содержания корысти при убийстве не имеет значения.

Равным образом нельзя считать убийством из корыстных побуждений лишение жизни лица, совершившего кражу. Здесь виновный при убийстве также руководствуется желанием отомстить за похищенное имущество и никакой выгоды в результате убийства не извлекает.

Неправильно относить к корыстному и убийство, совершенное в связи с невозвращением потерпевшим ранее взятого долга. Президиум Верховного Суда РСФСР, например, признал неправильной квалификацию действий С, осужденного Краснодарским краевым судом по п. «а» ст. 102 УК. П. взял у С. заимообразно 30 руб. Спустя два месяца С. встретив П., напомнил ему о долге. В тот же день после распития спиртных напитков между ними на этой почве произошла ссора, а затем С. ударил потерпевшего ножом и убил его. Президиум переqualificировал действия С. на ст. 103 УК, сославшись на то, что С, совершая убийство П., никакой материальной выгоды от этого не получил и не мог получить. Следовательно, корыстных мотивов в его действиях не было. Из обстоятельств дела видно, что С. совершил убийство на почве мести за неуплату долга.

¹См.: Научный комментарий судебной практики за 1968 год. М., «Юридическая литература», 1969, с. 148.

²«Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1963, № 3, с. 5.

³Побегайло Э. Ф. Указ. соч., с. 100.

В данном случае, совершив убийство, С. фактически лишил себя возможности получить долг с потерпевшего. Поэтому у суда не было оснований считать, что при убийстве он руководствовался корыстным мотивом.

По некоторым делам об убийстве встречаются попытки квалифицировать по п. «а» ст. 102 УК убийство жены, совершенное мужем, чтобы избавиться от нее. А., проживая в г. Александрове Владимирской области, убил жену, желая избавиться от нее с тем, чтобы сожительствовать с другими женщинами. При рассмотрении дела суд признал, что А. совершил убийство из корыстных побуждений. Между тем мотив, которым руководствовался виновный, лишен корыстного характера. Совершая убийство в этой ситуации, он стремился извлечь для себя нематериальную выгоду — получить свободу действий.

5. Корыстное убийство необходимо отграничивать от убийства с целью скрыть совершенное преступление (п. «е» ст. 102 УК). Важность правильного решения данного вопроса обусловлена тем, что, как мы уже отмечали, квалификация убийства по совокупности пп. «а» и «е» ст. 102 УК исключается.

В связи с высказанными в литературе соображениями по данному вопросу¹ считаем необходимым уточнить свою позицию. При совершении убийства во время разбойного нападения, во всяком случае до его окончания, убийство должно расцениваться как корыстное. Если же убийство совершено после разбойного нападения, то правильно было бы считать это убийство совершенным с целью сокрытия разбойного нападения. Для таких случаев характерна ситуация, когда после разбойного нападения потерпевший заявляет, что он «так это дело не оставит» или требует вернуть отобранные вещи. В связи с заявлениями потерпевшего виновный совершает убийство. Такие действия следует квалифицировать по п. «е» ст. 102 и ст. 146 УК. Равным образом грабеж или кража не становятся разбойным нападением, если после их совершения виновный совершает убийство потерпевшего. В этих случаях применению подлежит п. «е» ст. 102 и соответственно ст. ст. 144 и 145 УК.

Убийство из хулиганских побуждений (п. «б» ст. 102 УК).

1. Изучение практики показывает, что данное обстоятельство при убийстве встречается чаще других отягчающих обстоятельств, указанных в этой статье.

Пленум Верховного Суда СССР в п. 7 постановления от 27 июня 1975 г. указал, что по п. «б» ст. 102 УК «следует квалифицировать умышленное убийство, совершенное на почве явного неуважения к обществу, пренебрежения к правилам общежития и нормам социалистической морали, без повода либо из желания использовать незначительный повод как предлог для убийства и т. п.».

Пленум в первой части приведенного указания исходил, очевидно, из диспозиции ст. 206 УК. Однако эти положения нельзя понимать упрощенно. Любое умышленное убийство нарушает установленный общественный порядок и является проявлением явного неуважения к обществу. Как отмечалось в литературе, специфику этого мотива следует искать прежде всего в причинной обусловленности. Хулиганские побуждения лишены какой-либо необходимости: они целиком проистекают из разнузданного эгоизма, связанного с неуважением к личности и человеческому достоинству, безразличным отношением к общественным интересам, пренебрежением к законам и правилам поведения. Нередко в основе такого отношения к общественным и личным интересам лежит безотчетная злоба, чувство неудовлетворенной потребности, которые порождают тупое отчаяние и связанное с ним стремление к озорству, удали, разрушению, желанию проявить и показать себя. Часто хулиганские побуждения обусловлены уродливым пониманием свободы своих действий, смысл которого очень четко выражает формула «мне все дозволено». Хулиганские

¹См.: Волков Б. С. Мотив и квалификация преступлений, с. 61—62.

побуждения означают, что субъекту доставляет удовлетворение само преступное деяние, само нарушение общественного порядка, что он получает удовлетворение от своего антиобщественного поведения¹. Из этого следует, что, совершая убийство из хулиганских побуждений, виновный получает удовлетворение от самого факта лишения жизни человека либо от таких действий, направленных на грубое нарушение общественного порядка и проявление явного неуважения к обществу, которыми человек может быть лишен жизни при безразличном отношении к этому со стороны виновного.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что место совершения убийства (например, общественное место) не имеет самостоятельного значения для применения п. «б» ст. 102 УК. Важно установить, что решающей и непосредственной причиной, вызвавшей умысел на убийство, явились указанные выше антиобщественные побуждения.

2. Известно, что мотив считается факультативным признаком субъективной стороны состава преступления. Но по делам об убийстве из хулиганских побуждений он является обязательным признаком состава. Поэтому мотив убийства из хулиганских побуждений во всяком случае должен быть установлен как необходимое условие правильного применения п. «б» ст. 102 УК.

Каковы же пути установления этого мотива при убийстве?

Практика показывает, что о содержании некоторых мотивов убийства органы следствия и суды нередко узнают из показаний обвиняемого или подсудимого, когда он, признавая себя виновным в преступлении, заявляет, что действовал по мотиву корысти, ревности, зависти и т. п. (разумеется, при подтверждении другими доказательствами). Однако хулиганские побуждения как мотив действий виновного в этом отношении являются исключением. Нам, например, не встретилось ни одного случая, когда бы виновный, признавая совершение убийства, заявил, что он действовал из хулиганских побуждений. В таких случаях преобладают объяснения об убийстве «по пьянке», обвиняемый утверждает, что он «не помнит, как случилось», объясняет свое поведение какими-то другими мотивами. В результате этого наиболее доступный источник установления мотива в данном случае не может быть использован. О мотиве, которым руководствовался виновный, позволяют судить сами его действия, а в ряде случаев и повод, явившийся внешней причиной совершенного преступления. Поскольку при убийстве речь идет о действиях виновного, направленных против другого человека — потерпевшего, то для установления мотива убийства приобретают определенное значение и действия последнего, а также отношения между виновным и потерпевшим.

Чаще всего убийство из хулиганских побуждений совершается в тех случаях, когда оно оказывается продолжением хулиганских действий. Верховным Судом РСФСР рассмотрено по жалобе дело в отношении М., осужденного областным судом по п. «б» ст. 102 и ч. 2 ст. 206 УК за убийство Л. Явившись ночью в общежитие рабочих в пьяном виде, М. совершил хулиганские действия: заходил в комнаты, включал свет, стучал, кричал, выражался нецензурными словами. В одной из комнат он ударил ножом в живот лежавшего на кровати Л., который сразу же умер. Наличие хулиганских побуждений в этом случае очевидно, они обусловлены предшествующим поведением виновного, убийство по существу совершено вообще без какой-либо причины. Приговор областного суда признан правильным.

Потерпевшими в некоторых случаях оказываются граждане, указавшие хулигану на его недостойное поведение. В этом отношении характерно дело по обвинению В., который, будучи пьяным, проходя по улице районного центра, пел непристойные песни и выражался нецензурными словами. Стоявший возле своего дома незнакомый В. гр-н М. сделал ему

¹См.: Волков Б. С. Мотив и квалификация преступлений, с. 146; Курс советского уголовного права. Часть Особенная, т. 3. Л., изд-во ЛГУ, 1973, с. 509.

замечание и предложил прекратить хулиганские действия. В ответ на это В. убил М. ударом ножа в сердце. Суд квалифицировал его действия по п. «б» ст. 102 УК.

Потерпевшие при убийстве из хулиганских побуждений в ряде случаев по собственной инициативе не вступали в контакт с виновным, который, заранее наметив жертву, предъявлял вздорные претензии. По приговору Горьковского областного суда П. осужден за убийство С. из хулиганских побуждений. Встретив С. на улице, П. стал приставать к нему, утверждая, что С. в столовой выпил его водку и съел его обед. С. отстранил от себя пристававшего к нему П. В ответ на это П. снял с плеча ружье и ударом приклада по лицу сбил С. на землю, а затем стал избивать его ружьем, которое сломалось. Увидев, что С. мертв, П. оттащил труп к забору, придав ему вид спящего человека. Затем собрал части разбитого ружья и ушел домой. Из обстоятельств дела видно, что П. еще накануне искал повод расправиться с С., требовал от него возврата якобы взятых в долг денег.

Проявление хулиганских побуждений вполне возможно и внезапно, когда виновный до убийства не совершал хулиганских действий. Об этом свидетельствует дело по обвинению Г. в убийстве З. при следующих обстоятельствах. З. вошел во двор дома и спросил у стоявших в подъезде Г., К. и Н., где находится квартира Д. Вместо ответа на вопрос К. и Н. набросились на З. и стали его избивать, а Г. нанес З. несколько ударов ножом в шею и грудь, от которых сразу же наступила смерть. Вывод Московского городского суда об убийстве З. из хулиганских побуждений вполне обоснован. Здесь хулиганские побуждения проявились в ничем не вызванной реакции Г. на вопрос потерпевшего о квартире его знакомых.

Встречаются случаи, когда убийство из хулиганских побуждений совершается в связи с невыполнением близким или знакомым человеком какого-то желания виновного. Б., находясь в состоянии опьянения, убил своего товарища за то, что тот отказался уйти вместе с ним из клуба. Затем Б. взял гармошку и до прибытия милиции играл на ней. Здесь о мотиве убийства свидетельствуют действия Б. в момент его совершения и после него.

Во всех приведенных примерах хулиганские побуждения проявлялись достаточно четко в действиях виновного до убийства, или во время его совершения, или после него. Характерно для них было и то, что потерпевшие не давали какого-либо повода для агрессивного поведения виновного либо вообще не знали его.

З. В тех случаях, когда хулиганские побуждения выступают в качестве единственного мотива убийства, их установление вызывает меньше затруднений. Прав в определенной степени И. Н. Даньшин, который считает, что для хулиганских мотивов характерна наглядность и явность проявления. Хулиганские мотивы, по его мнению, отчетливо выражены внешне, они «кричат», «бьют в глаза»¹. Сложнее обстоит дело в тех случаях, когда хулиганские побуждения сопряжены с другими мотивами, когда они оказываются завуалированными. От следователей и судей по таким делам требуется и высокий уровень знаний, и опыт для того, чтобы отграничить хулиганские побуждения от других мотивов.

Мы исходим из того, что хулиганские побуждения в принципе совместимы с другими мотивами при совершении убийства. Они вполне «уживаются» рядом с ревностью, местью, ненавистью, завистью и др. При квалификации некоторых убийств возникает задача отграничения этих мотивов от хулиганских побуждений. Чаще всего этот вопрос возникает при отграничении хулиганских побуждений от ревности и мести. Важно не только разграничить эти мотивы, но и выявить, какой из них доминировал при убийстве, был главным мотивом, которым руководствовался виновный, совершая преступление.

При отграничении хулиганских побуждений от ревности и мести должна учитываться различная природа этих мотивов. Если хулиганские побуждения своим острием направлены против общественного порядка и характеризуются циничным отношением виновного

¹ Даньшин И. Н. О мотивах хулиганства. — «Правоведение», 1965, № 2, с. 174.

к потерпевшему, то ревность и месть являются мотивами, при которых отношения между обвиняемым и потерпевшим, предшествующие убийству, носят личный характер.

А. Наумовым высказано правильное мнение о том, что нельзя считать убийство совершенным из хулиганских побуждений, а не по мотиву ревности только на том основании, что не было действительного повода к ревности¹. Но нам кажется, что вопрос должен решаться и в иной плоскости. Следователь и суд обязаны проверить, не являются ли ревность и обвинения в измене лишь предлогом для скандалов и издевательств над потерпевшей. При таких обстоятельствах, например, было совершено убийство Л. своей жены. Липецкий областной суд установил, что Л. в течение ряда лет систематически пьянствовал, устраивал скандалы, выгонял жену, детей, родителей жены из дома, избивал жену и тещу. За эти действия Л. неоднократно обсуждался общественными организациями по месту работы и привлекался к ответственности за мелкое хулиганство. Однажды, вернувшись домой ночью в пьяном виде, Л. разбудил жену и дочь, нанес им побои, от жены требовал «объяснений», а затем, когда жена и дочь хотели уйти из дома, он выстрелом из ружья убил жену. Суд признал, что убийство совершено из хулиганских побуждений, и отверг утверждения Л. о мотиве ревности.

Другим мотивом, от которого приходится нередко отграничивать хулиганские побуждения при убийстве, является месть, возникшая на почве личных отношений. Этот вопрос чаще всего возникает в тех случаях, когда потерпевший своими умышленными или неосторожными действиями причиняет виновному какую-либо малозначительную неприязнь. Например, Ш. убил Т. за то, что после игры в домино во дворе дома Т. ходил и рассказывал, что Ш. остался «козлом рогатым». По другому делу М. был осужден за убийство П. в кубовой общепития за то, что П. разбил его тарелку. Оба эти убийства были признаны совершенными из хулиганских побуждений. Интересно, что по последнему делу адвокат в кассационной жалобе утверждал, что убийство было совершено на почве мести из личных отношений и ставил вопрос о квалификации действий М. по ст. 103 УК. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР отклонила кассационную жалобу, сославшись на малозначительность повода, используя который М. затеял ссору, а затем совершил убийство из хулиганских побуждений.

Таким образом, при отграничении мести, возникшей на почве личных отношений, от хулиганских побуждений при убийстве подлежат тщательному выяснению действия, потерпевшего, которые виновный счел основанием для совершения этого преступления. По общему правилу убийство должно признаваться совершенным из хулиганских побуждений в тех случаях, когда действия потерпевшего оказываются малозначительными, а виновный использовал их лишь как предлог для совершения убийства.

От убийства из хулиганских побуждений на практике нередко приходится отграничивать убийство, совершенное в драке или ссоре. В литературе было высказано мнение о том, что убийство в драке или ссоре должно *всегда* признаваться совершенным из хулиганских побуждений, если установлено, что субъект убийства является инициатором и активной стороной преступления². С такой рекомендацией трудно согласиться. Чаще всего по обстоятельствам преступления это может быть действительно так, но все же для признания убийства совершенным из хулиганских побуждений недостаточно сослаться на то, кто явился «инициатором» или «активной стороной» преступления, — необходимо установить мотив действий виновного. Трудности состоят в том, что убийство из хулиган-

¹См.: Наумов А. Отграничение убийства из хулиганских побуждений от смежных составов преступлений. — «Сов. юстиция», 1970, № 4, с. 16.

²См.: Кузнецова Н. Ф. Вопросы квалификации умышленного убийства. — «Вестник Московского университета», серия Право, 1961, № 2, с. 40; Жадбаев С. Х. Значение мотива преступления для определения ответственности за некоторые виды умышленного убийства по УК Казахской ССР. — «Вопросы уголовного права и процесса» («Труды института философии и права АН Казахской ССР»), т. 7. Алма-Ата, 1963, с. 109.

ских побуждений зачастую совершается в драке или ссоре, в результате обстоятельства убийства из хулиганских побуждений и убийства в драке или ссоре нередко совпадают. Ошибки в квалификации убийств в этих случаях потому именно и происходят, что не уделяется внимания установлению мотива убийства, совершенного в драке или ссоре¹.

4. Убийство, предусмотренное п. «б» ст. 102 УК, может быть совершено не только с прямым, но и с косвенным умыслом. Совершая убийство из хулиганских побуждений с косвенным умыслом, виновный хотя и не ставит перед собой цели убийства, которая имеется при прямом умысле, но и не исключает, что смерть потерпевшего все же может наступить. Вместе с тем это не значит, что действия виновного в убийстве из хулиганских побуждений с косвенным умыслом являются бесцельными. Цель имеется, она состоит в совершении самого действия, направленного против личности потерпевшего, при безразличном отношении к возможному наступлению его смерти. Только цель при убийстве из хулиганских побуждений не выходит за рамки основного состава убийства, как, например, завладение имуществом при корыстном убийстве. Здесь убийство не является средством для достижения какой-либо цели (помимо действия при косвенном и причинении смерти при прямом умысле). Известно, что мотив всегда служит достижению цели и даже определяет ее. Поскольку установлено, что при убийстве из хулиганских побуждений имеется определенная цель, постольку есть основания считать, что они являются мотивами действий виновного.

Этот вопрос приобретает принципиальное значение по делам о покушении на убийство из хулиганских побуждений. По таким делам убеждение следователя или суда о наличии этого мотива иногда ведет к тому, что анализу других элементов субъективной стороны не уделяется должного внимания. При этом не учитывается, что наличие хулиганских побуждений при косвенном умысле, когда смерть потерпевшего не наступила, недостаточно для признания преступления покушением на убийство. В результате этого в ряде случаев преступление, квалифицированное по ст. 15, п. «б» ст. 102 УК, оказывается в действительности причинением телесных повреждений или просто хулиганством. К. был осужден областным судом по ст. 15 и п. «б» ст. 102 УК за покушение на убийство А. Вечером между К. и А. произошла ссора, во время которой К. ударил А. Ночью А. с группой своих товарищей явился к дому К. «для переговоров». К., по совету находившегося у него С, взял ружье и с веранды произвел выстрел, которым А. были причинены тяжкие телесные повреждения. Пленум Верховного Суда СССР переквалифицировал действия К. на ч. 1 ст. 108 УК, признав, что выстрел был произведен не с целью убийства. Показания К. о том, что он выстрелил, чтобы поугагать ребят, подтверждаются показаниями свидетелей и всеми обстоятельствами преступления. Установлено, что К. стрелял, не целясь, ружье к плечу не прикладывал, а держал в левой руке на весу. О том, что А. ранен, К. узнал только в отделении милиции. Пленум пришел к выводу, что К. сознавал и допускал лишь возможность наступления смерти, а не ее неотвратимость. Поэтому содеянное надлежит квалифицировать в зависимости от тех конкретных последствий, которые наступили в результате его преступных действий. Таким образом, считая, что К. произвел выстрел из хулиганских побуждений, органы предварительного следствия и судебные инстанции, рассматривавшие дело, не конкретизировали характера умысла виновного.

5. В литературе было высказано мнение о том, что если хулиганство сопряжено с убийством, то действия виновного квалифицируются только по статье, предусматривающей ответственность за убийство². Эта позиция представляется неправильной. Как уже отмечалось, убийство из хулиганских побуждений нередко является продолжением ранее совершенных хулиганских действий либо они продолжаются после убийства. В этих случаях фактически совершается два самостоятельных преступления (реальная совокупность),

¹О квалификации убийства из ревности и мести см. также гл. 3, а в драке или ссоре — гл. гл. 3 и 5.

²См.: Шишов О. Ответственность за хулиганство. — «Советская милиция», 1962, № 2, с. 83—84.

из которых каждое должно получить самостоятельную оценку. Но это относится только к тем случаям, когда в совокупность входят хулиганство и более тяжкое преступление, в частности убийство. Такое разъяснение дал Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 16 октября 1972 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве»¹. Следовательно, рекомендация о квалификации убийства из хулиганских побуждений только по одной статье, предусматривающей ответственность за убийство, правильна лишь для тех случаев, когда речь идет не о хулиганстве, сопряженном с убийством, а об убийстве из хулиганских побуждений.

Убийство, совершенное в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга (п. «в» ст. 102 УК).

1. Выполнение служебного и общественного долга гражданами СССР является их важнейшей обязанностью. Поэтому добросовестное отношение к служебному и общественному долгу, жизнь граждан, выполняющих этот долг, находятся под охраной закона, в том числе и уголовного.

Убийство, подлежащее квалификации по п. «в» ст. 102 УК, как правило, оказывается совершенным по мотиву *мести*, вызванной служебной или общественной деятельностью потерпевшего. Вместе с тем такая квалификация убийства возможна и при неустановленном мотиве мести, когда оно совершается с целью воспрепятствовать правомерной деятельности потерпевшего или в связи с *предстоящей* его служебной или общественной деятельностью, которая для виновного почему-либо нежелательна.

В литературе было высказано мнение о том, что сама по себе активная служебная или общественная деятельность потерпевшего может вызвать чувство мести и привести к убийству, предусмотренному п. «в» ст. 102 УК². Эта позиция представляется правильной, хотя ее оспаривает Б. Сарыев, утверждая, что такое убийство следует якобы квалифицировать «скорее как террористический акт», поскольку такая «деятельность потерпевшего не затрагивает ни виновного, ни его близких» и «означает лишь непринятие советского строя, ненависть к нему»³. Все эти утверждения находятся в противоречии с законом, который не связывает выполнение потерпевшим своего служебного или общественного долга с интересами виновного в убийстве или его близких. Равным образом, для признания убийства террористическим актом недостаточно предполагать, что виновный питает ненависть к советскому строю, а необходимо установить совершение убийства с целью подрыва или ослабления Советской власти (ст. 66 УК).

В п. «в» ст. 102 УК говорится об убийстве, совершенном в связи с выполнением *потерпевшим* своего служебного или общественного долга. Это указание закона в судебной практике не всегда учитывается. Встречаются случаи применения п. «в» ст. 102 УК, когда убийство совершается в связи с выполнением служебного или общественного долга не самим потерпевшим, а его близким, родственником. Так, Президиум Верховного Суда РСФСР предложил квалифицировать действия А. по ст. 15 и п. «в» ст. 102 УК, мотивируя это тем, что он покушался на жизнь П. в связи с выполнением женой потерпевшего своего служебного долга. Пленум Верховного Суда СССР отменил постановление Президиума, признав, что в данном случае допущено расширительное толкование закона⁴.

2. Под выполнением *служебного долга* понимается деятельность любого лица, работающего в государственном или общественном учреждении, предприятии или организации, выполняющего возложенные на него обязанности по службе или иной работе. Указание

¹Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973, с. 543.

²См.: Жадбаев С. Х. Указ. соч., с. 112.

³Сарыев Б. Ответственность за преступления против жизни. Ашхабад, 1973, с. 59.

⁴См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1963, № 2, С. 26—27.

в законе о выполнении потерпевшим служебного долга не следует понимать таким образом, что оно относится только к должностным лицам. Потерпевшим по такому делу об убийстве может оказаться как руководитель какого-либо учреждения, предприятия или организации, так и любой рабочий, колхозник, сторож и т. д.

В судебной практике нам не встретилось ни одного убийства из мести в связи со служебной деятельностью потерпевшего, которое не было бы вызвано добросовестным исполнением им служебных обязанностей. Это объясняется тем, что по п. «в» ст. 102 УК следует квалифицировать убийство лишь такого лица, которое действует на законном основании. Если же потерпевший действовал незаконно (злоупотреблял служебным положением или допускал превышение власти) в отношении лица, совершившего убийство, последнее не может быть квалифицировано по п. «в» ст. 102 УК.

Потерпевшими по делам об убийстве в связи с выполнением служебного долга чаще всего оказываются должностные лица, предъявляющие к подчиненным требования, связанные с работой последних, либо осуществляющие иные служебные функции. Например, З., ветфельдшер бригады № 3 Кваркенского совхоза Оренбургской области, неоднократно делал замечания скотнику К., который систематически приходил на работу в пьяном виде либо совсем не являлся. Однажды К., встретив З. около клуба, со словами: «Ты долго будешь меня мучить?!» нанес ему несколько ударов ножом в левый бок, от которых потерпевший умер. Оренбургский областной суд обоснованно расценил это убийство как совершенное на почве выполнения потерпевшим своего служебного долга.

Для квалификации убийства по п. «в» ст. 102 УК не имеет значения, совершено ли оно при исполнении потерпевшим служебных обязанностей или в другое время, важно установить, что оно совершено в связи с выполнением потерпевшим своего служебного долга.

3. Под выполнением *общественного долга* должна пониматься общественно полезная деятельность в широком смысле этого слова, например, деятельность депутатов Советов, выборных лиц в общественных организациях, рабселькоров, общественная работа в различного рода комиссиях, товарищеских судах, домовых и уличных комитетах и т. д. Пленум Верховного Суда СССР в п. 8 постановления от 27 июня 1975 г. разъяснил, что выполнение общественного долга предполагает как осуществление гражданами специально возложенных на них общественных обязанностей, так и совершение других действий в интересах общества или отдельных лиц (пресечение правонарушений, сообщение органам власти о совершенном или готовящемся преступлении и т. д.). Это своевременное разъяснение, так как на практике нет единого взгляда на содержание общественного долга. Например, по делу Ш. и других, осужденных Краснодарским краевым судом за убийство З., сообщившей о готовящемся ограблении магазина Ш. и другими, прокурор ставил вопрос о переквалификации действий виновных на ст. 103 УК. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР не согласилась с ним и признала, что в данном случае было совершено убийство на почве выполнения потерпевшей своего общественного долга.

В судебной практике возникал и такой вопрос: следует ли квалифицировать по п. «в» ст. 102 УК убийство, совершенное в связи с отказом потерпевшего от участия в преступной группе, занимавшейся совершением грабежей, краж и других преступлений? Президиум Верховного Суда РСФСР признал неправильной переквалификацию действий А., который совершил убийство С. в связи с тем, что тот поступил на работу и отказался от дальнейшего совершения преступлений, с п. «в» ст. 102 на ст. 103 УК. Президиум указал, что данное убийство не может быть признано совершенным на почве мести из личных отношений, поскольку труд является общественным долгом каждого советского гражданина.

Иногда в следственной и судебной практике встречаются попытки не признавать общественным долгом участие граждан в охране общественного порядка. Так, Архангельский

областной суд осудил по ст. 103 УК К., убившего дружинника Г. Было установлено, что в городском парке Г. воспрепятствовал избиению Д. В ответ на это К. ударом ножа убил Г. Суд признал, что убийство было совершено не на почве выполнения потерпевшим своего общественного долга, поскольку убийца «не знал», что в драку вмешался дружинник. Это утверждение суда нельзя признать убедительным.

Советский закон действительно специально предусматривает уголовную ответственность за посягательство на жизнь народного дружинника. Но в то же время закон устанавливает повышенную ответственность за посягательство на жизнь и здоровье граждан, которые в силу своей высокой сознательности пресекают действия хулиганов. Участвовать в охране общественного порядка — это моральная обязанность каждого советского гражданина. Поэтому, если хулиган К. не знал, что Г. является дружинником, его действия следовало квалифицировать по п. «в» ст. 102 УК. В тех же случаях, когда виновный, совершая убийство, осведомлен, что посягает на жизнь народного дружинника, охраняющего общественный порядок, его действия подлежат, квалификации по ст. 191² УК.

По другому делу Президиум Верховного Суда РСФСР указал, что п. «в» ст. 102 УК устанавливает ответственность за посягательство на жизнь любого гражданина в связи с выполнением им своего общественного долга. Представляется, что иное толкование данного вопроса противоречило бы ст. 130 Конституции СССР, которая обязывает каждого гражданина исполнять законы и честно относиться к общественному долгу.

От убийства в связи с выполнением потерпевшим своего общественного или служебного долга необходимо отграничивать убийство государственного или общественного деятеля или представителя власти, совершенное в связи с его государственной или общественной деятельностью, с целью подрыва или ослабления Советской власти (террористический акт). При убийстве, квалифицируемом по п. «в» ст. 102 УК, цель подрыва или ослабления Советской власти отсутствует¹.

4. В судебной практике возник вопрос о том, имеет ли значение время, истекшее с момента выполнения лицом служебного долга до посягательства на жизнь этого лица. П. в 1944 году был осужден за кражу и совершил побег из места заключения. Работавший стрелком охраны Т. задержал его, и П. был возвращен для отбывания наказания. При этом П. угрожал Т. отомстить убийством. В 1963 году П. встретил Т. в гостях у К., схватил нож и со словами: «Вот теперь ты мне попался, я тебя убью!» бросился на него и нанес несколько ударов, но был обезоружен. Т. были причинены легкие телесные повреждения. Верховный Суд Дагестанской АССР квалифицировал действия П. по ст. 15 и п. «в» ст. 102 УК. В протесте Генерального Прокурора СССР ставился вопрос о переквалификации действий П. на ст. 15 и ст. 103 УК потому, что с момента столкновения П. с Т. как с должностным лицом прошло 19 лет.

Пленум Верховного Суда СССР отклонил протест и указал, что ответственность за убийство в связи с выполнением потерпевшим своего служебного долга наступает независимо от того, когда были совершены потерпевшим те или иные действия по службе. Важно лишь то, что убийство совершено из мести потерпевшему за выполнение им указанных действий, что и было установлено по данному делу.

Такое решение вполне обосновано. Осужденный в данном случае пытался реализовать высказанную им ранее угрозу убийством. Мотив мести на почве служебной деятельности как побудительная причина преступления с течением времени не изменился, остался прежним. Это положение относится и к убийству в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга.

¹О разграничении п. «в» ст. 102 и ст. ст. 66, 67 и 191² УК см. гл. 8.

Убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием (п. «е» ст. 102 УК).

1. Повышенная опасность для общества данного вида убийства состоит в том, что виновный совершает фактически два преступления, преследуя при этом низменную цель облегчения другого преступления или освобождения от ответственности за предыдущее преступление, не останавливаясь перед лишением жизни другого человека.

В действующем законодательстве, в отличие от прежнего, не упоминается о том, что убийство должно быть совершено с целью облегчения или сокрытия другого тяжкого преступления. Хотя убийство для сокрытия или облегчения другого преступления, которое не является тяжким, встречается крайне редко, следует признать, что формулировка нового закона более правильна, способствует усилению борьбы с убийствами.

При квалификации данного вида убийства необходимо учитывать, что оно может быть совершено только с прямым умыслом (в законе указывается на специальную цель совершения преступления). В связи с этим нельзя признать обоснованным указание Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу Е., осужденного по п. «е» ст. 102 УК, о том, что убийство с целью скрыть другое преступление возможно и с косвенным умыслом¹.

Изучение практики показывает, что чаще всего по п. «е» ст. 102 УК квалифицируются убийства, когда они направлены на сокрытие или облегчение таких преступлений, как завладение социалистическим имуществом либо личным имуществом граждан.

По п. «е» ст. 102 УК квалифицируются убийства, сопряженные с изнасилованием, а также убийства, совершенные для того, чтобы облегчить или скрыть другое убийство. В прошлом неоднократно судимый В. убил мужа сожительницы А., которая знала об этом. Боясь разоблачения, В. решил убить А. В момент совершения этого преступления в дом вошел С. Желая скрыть и это преступление, В. набросился на С. и убил его, после чего инсценировал пожар. Верховный Суд Якутской АССР признал, что два последних убийства были совершены В. с целью сокрытия другого убийства. В таких случаях действия виновного подлежат квалификации не только по п. «е», но и по пп. «з», «и» ст. 102 УК.

Убийство с целью сокрытия или облегчения другого преступления и это преступление могут быть совершены как одним лицом, так и по предварительному сговору разными лицами. В первом случае действия виновного подлежат квалификации по п. «е» ст. 102 УК и по статье, предусматривающей ответственность за другое преступление. Во втором случае ответственность наступает по общим правилам ответственности за соучастие; этим и определяется с учетом конкретных обстоятельств дела квалификация убийства и другого преступления.

Такое убийство и другое преступление могут быть совершены и в разное время. В этих случаях возникает вопрос о разграничении квалификации по пп. «е» и «в» ст. 102 УК. По п. «е» ст. 102 УК действия виновного могут быть квалифицированы только при условии, если еще не заявлено органу власти о совершенном или готовящемся преступлении. Если же такое заявление сделано потерпевшим и виновный, совершая убийство, знает об этом, его действия подлежат квалификации по п. «в» ст. 102 УК как убийство из мести в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга.

Представляется, что неправ А. В. Наумов, который вносит предложение о квалификации убийства по п. «в», а не по п. «е» ст. 102 УК и в том случае, если о совершенном преступлении помимо потерпевшего знали другие граждане, а не только органы власти². Осведомленность граждан о преступлении, по нашему мнению, вовсе не означает, что виновный, совершая убийство, не ставит цели сокрытия преступления. То, что потерпевший

¹См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1964, № 10, с 12—13.

²См.: *Наумов А. В.* Мотивы убийств, с. 74.

рассказал о преступлении гражданам, вряд ли дает основания считать это выполнением общественного долга. Только в том случае, если потерпевший рассказал гражданам о преступлении для того, чтобы они сообщили органу власти, и об этом знает убийца, действия последнего следует квалифицировать по п. «в» ст. 102 УК.

Для оконченного состава убийства, предусмотренного п. «е» ст. 102 УК, закон не требует, чтобы виновный в результате убийства достиг цели: облегчил совершение или сокрытие другого преступления, достаточно установить сам факт совершения убийства с этой целью.

В тех случаях, когда после убийства с целью облегчения другого преступления виновный не успевает совершить это другое преступление, ответственность наступает за убийство при отягчающих обстоятельствах и за приготовление к другому преступлению. Убийство оказывается и самостоятельным преступлением и тем приготовительным действием, за которое наступает ответственность по ст. 15 и соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса.

2. К убийству, сопряженному с изнасилованием, относится не только убийство в процессе изнасилования или с целью скрыть его, но и убийство, совершенное, например, по мотивам мести за оказанное сопротивление при изнасиловании. Иногда высказывается мнение о том, что к убийству, сопряженному с изнасилованием, следует относить только убийство, совершенное при самом изнасиловании. С этим нельзя согласиться. Было бы нелогично другие названные варианты такого убийства признавать совершенными с целью скрыть другое преступление или облегчить его, а не сопряженными с изнасилованием. Это последнее убийство специально выделено в п. «е» ст. 102 УК из числа убийств с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, и поэтому, с нашей точки зрения, именно специальная часть нормы подлежит применению во всех указанных случаях. Кроме того, сама формулировка «убийство, сопряженное с изнасилованием» не дает оснований для столь узкого понимания данного вида убийства.

Изучение практики показывает, что убийство, сопряженное с изнасилованием, почти всегда является частным случаем убийства потерпевшей, совершенного с целью сокрытия другого преступления. Но оно может быть совершено и с целью облегчения изнасилования, когда потерпевшими при убийстве и при изнасиловании оказываются разные лица. Верховным Судом РСФСР в кассационном порядке было рассмотрено дело в отношении К., который, освободившись из мест лишения свободы, поселился в доме Г. и стал с ней сожительствовать, а затем, познакомившись с дочерью Г. — Х., приехавшей на каникулы, решил изнасиловать ее. С этой целью через некоторое время он выехал в город, где училась и проживала Х. Явившись ночью, К. убил хозяйку квартиры и изнасиловал Х. Его действия были квалифицированы по п. «е» ст. 102 УК.

Э. Ф. Побегайло считает, что убийство лица, которое могло воспрепятствовать изнасилованию или сообщить о нем, следует квалифицировать по п. «в» ст. 102 УК¹. Такое решение вопроса представляется, по меньшей мере, спорным. Из текста закона вовсе не вытекает, что при убийстве, сопряженном с изнасилованием, речь идет о лишении жизни только потерпевшей от изнасилования и не имеются в виду другие лица, лишённые жизни в связи с изнасилованием. Разумеется, прежде всего в данном случае предусматривается уголовная ответственность за убийство потерпевшей от изнасилования, но не исключается ответственность и за убийство других лиц, которое было сопряжено с изнасилованием. Нельзя не учитывать и то, что убийство, сопряженное с изнасилованием, является частным случаем проявления убийства с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение. Поэтому оно подлежит квалификации по п. «е» ст. 102 УК. Ведь если согласиться с таким предложением, то тогда любое убийство с целью скрыть другое преступление, необходимо будет квалифицировать по п. «в» ст. 102, поскольку оно всегда

¹См.: Побегайло Э. Ф. Указ. соч., с. 114.

совершается из опасения, что лишаемое жизни лицо может сообщить органам власти о «другом» преступлении.

3. Убийство, сопряженное с изнасилованием, может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом. С прямым умыслом совершаются убийства, сопряженные с изнасилованием, когда виновный заранее готовится лишить жизни потерпевшую после изнасилования. В этих случаях, а также после групповых изнасилований убийства иногда характеризуются особой жестокостью и поэтому наряду с п. «е» влекут применение п. «г» ст. 102 УК.

С прямым умыслом совершаются также убийства, сопряженные с изнасилованием, когда виновный убивает потерпевшую или ее родственников спустя какое-то время после изнасилования в связи с намерением подать заявление или в связи с подачей заявления органу власти об изнасиловании. В Горьковской области группой цыган были убиты М. и ее двое детей после того, как она подала заявление в прокуратуру об изнасиловании дочери одним из членов этой группы. В таком случае убийство вряд ли можно рассматривать как средство сокрытия изнасилования, так как о совершенном преступлении уже сообщено органам власти, но формулировка закона позволяет квалифицировать его по п. «е» ст. 102 УК. Таким образом, п. «е» ст. 102 УК при совершении убийства и изнасилования подлежит более широкому применению, чем при убийстве с целью облегчить или скрыть другое преступление.

Несколько иной характер носят убийства, сопряженные с изнасилованием, которые совершаются в процессе насилия. В этих случаях убийство, как правило, оказывается совершенным с косвенным умыслом, когда виновный, стремясь преодолеть сопротивление потерпевшей, душит ее или наносит удары по голове твердым предметом. Известны убийства, когда преступник, сдавливая шею потерпевшей, приводит ее в бессознательное состояние, а затем осуществляет свое намерение. Некто Ш. на окраинах города, в котором он проживал, выслеживал женщин, а затем в пустынных местах накидывал веревочную петлю на шею и затягивал ее. Когда потерпевшая теряла сознание, он совершал насильственный половой акт. Одно из таких нападений закончилось тем, что потерпевшая Л. оказалась убитой.

4. На практике и в литературе возникает вопрос о том, следует ли убийство, сопряженное с изнасилованием, квалифицировать только по п. «е» ст. 102 или необходимо применять наряду с этим ст. 117 УК.

Некоторые авторы считают, что особая общественная опасность преступления, предусмотренного п. «е» ст. 102 УК, состоит «в синтезе» убийства и изнасилования, и поэтому изнасилование не образует самостоятельного состава¹. Из этого утверждения следует, что два особо опасных преступления можно без всяких сомнений принять за одно. Прежде всего, вряд ли можно отрицать, что в ст. 102 УК речь идет об умышленном убийстве (и ни о каком другом преступлении), но и не просто об умышленном убийстве, а об умышленном убийстве при отягчающих обстоятельствах. Одним из таких отягчающих обстоятельств является изнасилование, которое предусмотрено уголовным законом (ст. 117 УК) как самостоятельное преступление. Возникает вопрос, почему при совершении убийства, сопряженного с изнасилованием (иными словами, убийства и изнасилования), подлежит применению только одна статья закона и не должна применяться другая, санкция которой, как и за убийство, предусматривает смертную казнь. Кроме того, в рамки п. «е» ст. 102 УК не укладываются случаи, когда совершено покушение на изнасилование и убийство либо, наоборот, покушение на убийство и изнасилование. В таком случае покушение превратится в оконченное преступление либо останется без самостоятельной юридической оценки. В самом деле, если, например, оказалась изнасилованной несовершеннолетняя и виновный совершил приготовительные действия к убийству, то изнасилование, предусмотренное ч. 3

¹См., например, *Сарыев Б.* Указ. соч., с. 26 и 79.

ст. 117 УК, должно остаться без самостоятельной юридической оценки и выступать лишь в качестве отягчающего обстоятельства приготовления к убийству. Нелепость подобной ситуации очевидна. В связи с этим представляется вполне обоснованным разъяснение, которое дал Пленум Верховного Суда СССР в п. 11 постановления от 27 июня 1975 г., о том, что при убийстве, сопряженном с изнасилованием, совершается два преступления, каждое из которых подлежит самостоятельной квалификации по п. «е» ст. 102 и ст. 117 УК.

5. При разрешении вопроса о квалификации убийства, сопряженного с изнасилованием, иногда высказывается мнение о том, что убийство при изнасиловании не является «особо тяжким последствием» (см. ч. 3 ст. 117 УК). Сторонники такого решения вопроса исходят из того, что отягчающим в данном случае может быть только то обстоятельство, которое явилось следствием самого факта изнасилования. Однако с этим нельзя согласиться. Как уже отмечалось, убийство при изнасиловании совершается почти во всех случаях с целью сокрытия данного преступления и поэтому должно рассматриваться как тяжкое последствие. Вряд ли можно представить более тяжкое последствие для потерпевшей, чем убийство. Помимо того, даже чисто логический анализ нормы закона показывает, что изнасилование с убийством потерпевшей должно признаваться повлекшим особо тяжкие последствия, поскольку для квалификации изнасилования по ч. 2 ст. 117 УК достаточно лишь угрозы убийством или причинением тяжкого телесного повреждения. Этот взгляд подтверждается разъяснением, содержащимся в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании», о том, что к числу особо тяжких последствий изнасилования относится смерть или самоубийство потерпевшей¹.

Вместе с тем было бы неправильным считать, что изнасилование вообще не может быть квалифицировано по ч. 1 или ч. 2 ст. 117 УК, если после изнасилования последовало убийство потерпевшей. С нашей точки зрения, возможна реальная совокупность изнасилования, предусмотренного чч. 1 или 2 ст. 117 УК, и умышленного убийства с целью сокрытия этого ранее совершенного изнасилования в случаях установления определенного разрыва во времени между указанными преступлениями.

Убийство, совершенное лицом, ранее совершившим умышленное убийство, за исключением убийства, предусмотренного ст.ст. 104 и 105 УК (п. «и» ст. 102 УК).

1. Устанавливая повышенную ответственность за совершение повторного убийства, закон исходит из того, что совершение умышленного убийства лицом, ранее уже совершившим убийство, представляет особую опасность для общества как по тяжести наступивших последствий, так и по опасности личности виновного.

Особенность данного вида убийства состоит в том, что квалифицирующим обстоятельством оказываются не признаки, характеризующие данное убийство, а признак, характеризующий субъекта, факт совершения им такого же преступления в прошлом. Иными словами, данное отягчающее обстоятельство не является конститутивным признаком состава конкретного преступления, оно находится за его пределами и влияет на квалификацию в силу предшествующей деятельности субъекта. Уточняя ранее высказанное нами мнение, необходимо подчеркнуть, что повторность совершения убийства является обстоятельством *личным*, квалифицирующим действия только виновного. Это означает, что данное отягчающее обстоятельство не может вменяться в вину соучастникам. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР при рассмотрении дела Н. указала, что «квалифицирующие обстоятельства, относящиеся к личности исполнителя

¹См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973, с. 485.

(совершение преступления повторно, особо опасным рецидивистом), не вменяются в ответственность соучастникам, если даже эти обстоятельства и охватывались их сознанием, так как указанные обстоятельства характеризуют общественную опасность только личности преступника и могут отягчать ответственность лишь самого исполнителя, т. е. лица, к которому они непосредственно относятся»¹.

Убийство, подлежащее квалификации по п. «и» ст. 102 УК, может быть совершено при любых обстоятельствах и по любым мотивам.

Изучение практики показало, что повторное убийство в некоторых случаях совершается по тому же мотиву, что и первое. Характерно в этом отношении дело по обвинению А., осужденного Калининским областным судом по пп. «б» и «и» ст. 102 УК. А. был ранее осужден за умышленное убийство из хулиганских побуждений. Освободившись досрочно из мест лишения свободы, А. совершил злостное хулиганство, а затем из хулиганских побуждений убил Х.

Встречаются и такие случаи, когда ревность, месть, стремление скрыть или облегчить другое преступление оказываются мотивами совершения и первого и второго убийства.

2. Повторным в соответствии с п. «и» ст. 102 УК признается умышленное убийство только в том случае, если ранее совершенное убийство было умышленным, за исключением убийства в состоянии аффекта и при превышении пределов необходимой обороны, предусмотренного ст. ст. 104 и 105 УК. Равным образом совершение убийства, предусмотренного ст. ст. 104 и 105 УК, лицом, ранее совершившим умышленное убийство, в силу того же указания закона не может влечь за собой применение п. «и» ст. 102 УК. Основанием для квалификации умышленного убийства по п. «и» ст. 102 УК прежде всего может служить совершение в прошлом убийства, предусмотренного ст. ст. 102, 103, п. «в» ст. 240 УК. Кроме того, по смыслу закона, повторным признается убийство при совершении виновным ранее террористического акта (ст. ст. 66, 67 УК), диверсии, сопряженной с убийством (ст. 68 УК), бандитизма, сопряженного с убийством (ст. 77 УК), посягательства на жизнь работника милиции или народного дружинника в связи с их служебной или общественной деятельностью по охране общественного порядка (ст. 191² УК).

В судебной практике возник вопрос о том, является ли повторным убийство, совершенное лицом, ранее покушавшимся на убийство. При решении этого вопроса необходимо исходить из ст. 15 УК, устанавливающей единые основания ответственности и за неоконченное и за оконченное преступление. Следовательно, как приготовление, так и покушение при решении вопроса о повторности должны признаваться равнозначными оконченному преступлению. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 27 июня 1975 г. разъяснил, что ответственность за повторное умышленное убийство наступает независимо от того, совершил ли виновный ранее убийство либо покушение, был ли он исполнителем или соучастником этого преступления. В то же время надо иметь в виду, что умышленное убийство не может быть квалифицировано по п. «и» ст. 102 УК, если виновный совершил деяние, являющееся по действующему законодательству не соучастием, а заранее не обещанным укрывательством умышленного убийства.

3. Для судебной практики представляет интерес вопрос о том, подлежит ли применению п. «и» ст. 102 УК в случае, если установлено, что виновный в разное время совершил два убийства и ни за одно из них не был осужден.

Президиум Верховного Суда РСФСР при рассмотрении дела по обвинению С, осужденного Горьковским областным судом по ст. 19, п. «а» ст. 136 УК 1926 года и по ст. 15, пп. «б» и «и» ст. 102 УК 1960 года, разрешил этот вопрос положительно. Поскольку Уголовный кодекс 1960 года в отличие от ранее действовавшего Уголовного кодекса не содержит указания на необходимость осуждения и отбытия наказания за первое преступление, Президиум признал, что для применения п. «и» ст. 102 УК не имеет значения, был

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1968, № 6, с. 14.

ли осужден виновный за первое убийство¹. С таким решением вопроса нельзя не согласиться, так как «лицом, ранее совершившим умышленное убийство», является в том числе и лицо, которое не было еще за него осуждено.

4. В теории уголовного права и на практике остается спорным вопрос о том, подлежат ли квалификации по совокупности действия лица, которое одновременно привлекается к уголовной ответственности за умышленное убийство без отягчающих и без смягчающих обстоятельств, а также за покушение на такое же умышленное убийство. Отсутствие единства взглядов на квалификацию таких случаев показывает дело по обвинению В., который был осужден по ст. ст. 15 и 103, пп. «б» и «и» ст. 102 УК за то, что он 1 июня 1969 г. на почве ревности покушался на убийство П., а 23 июля 1969 г. из хулиганских побуждений убил М. Заместитель Прокурора РСФСР, считая, что действия осужденного квалифицированы неправильно по совокупности статей, внес протест, в котором ставил вопрос об исключении ст. ст. 15 и 103 УК. Президиум Верховного Суда РСФСР отклонил протест, указав в постановлении, что если согласиться с изложенным в протесте предложением об исключении квалификации действий В. по ст. ст. 15 и 103 УК, то это приведет к тому, что первому преступлению, совершенному осужденным, не будет дана соответствующая квалификация и не будет определена мера наказания за это преступление². По нашему мнению, протест отклонен обоснованно, так как п. «и» ст. 102 УК предусматривает квалификацию только второго (повторного) убийства или покушения на него.

Нашу позицию по данному вопросу не разделяет М. И. Блум, полагая, что два или более преступных деяния, одно из которых признается оконченным преступлением, а второе покушением, приготовлением или соучастием, не могут рассматриваться как преступления, предусмотренные различными статьями Уголовного кодекса, и поэтому не могут квалифицироваться как реальная совокупность преступлений. Для таких случаев предлагается квалификация по статье, предусматривающей повышенную ответственность³.

Несостоятельность этой позиции становится более убедительной, если последовательность совершенных преступлений изложить в таком порядке: сначала совершено умышленное убийство одного человека, а потом — покушение на убийство другого.

Представляется, что здесь не должно возникать вопроса о том, подлежат ли они квалификации по совокупности. Нельзя же квалификацией первого преступления исключить квалификацию второго преступления либо квалификацией только второго преступления первое превратить в покушение. Как в первом (дело В.), так и во втором (измененном) примере налицо совокупность одних и тех же преступлений, последовательность совершения которых не должна изменять принципиального подхода к их юридической оценке.

5. Для квалификации оконченных преступлений (двух умышленных убийств без отягчающих обстоятельств) также применима совокупность преступлений. В связи с этим представляются необоснованными возражения Г. Л. Кригер, которая оспаривает нашу позицию по данному вопросу, исключая квалификацию первого убийства по ст. 103 УК при квалификации второго по п. «и» ст. 102 УК на том основании, что «в таких случаях общественная опасность содеянного, выразившегося в неоднократном совершении одного и того же преступления, может быть в полной мере учтена при квалификации совершенных преступлений по одной статье, предусматривающей более строгое наказание за их повторное совершение»⁴. К сожалению, автор не раскрывает, как можно учесть при *квалификации*

¹См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1961, № 5, с. 7.

²См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1970, № 5, с. 14—15.

³См.: Блум М. И. Понятие и признаки совокупности преступлений. — «Вопросы уголовного права и процесса». Рига, 1969, с. 26—27, 41.

⁴Курс советского уголовного права, т. III. М., «Наука», 1970, с. 158. Авторы Курса допускают непоследовательность, признавая в то же время необходимость квалификации покушения на убийство и убийства по совокупности ст. ст. 15, 103 и п. «и» ст. 102 УК (см.: Курс советского уголовного права, т. V. М., «Наука», 1971, с. 58).

нескольких преступлений по одной статье, предусматривающей ответственность только за *последнее* преступление, их неоднократность. Другой аргументации не приводится.

Сторонники применения в подобных случаях только п. «и» ст. 102 УК ссылаются еще на ст. 40 УК, где говорится о назначении наказания по совокупности преступлений, предусмотренных различными статьями Уголовного кодекса. По нашему мнению, эта ссылка не убедительна. Здесь речь идет о назначении наказания, а не о квалификации преступления. Кроме того, не все Уголовные кодексы содержат подобную формулировку. Например, в ст. 40 УК Грузинской ССР говорится, что совокупность преступлений имеется там, где «лицо признано виновным в совершении двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями или частями статьи уголовного закона». Следовательно, решение, предлагаемое в ст. 40 УК РСФСР, не является единственным в советском законодательстве.

В качестве другого аргумента при обсуждении данного вопроса иногда приводится и то, что лицо совершает одноименное преступление. Нетрудно убедиться, что повторное убийство не может быть одноименным, так как впервые совершенное убийство никогда не будет квалифицировано по п. «и» ст. 102 УК как повторное. Оно не может быть одноименным и потому, что имеет свои особенности, которые при квалификации обоих убийств только по п. «и» ст. 102 УК не находили бы отражения. Например, первое убийство совершено из хулиганских побуждений (п. «б» ст. 102 УК), а повторное без отягчающих обстоятельств. Для последнего единственным квалифицирующим признаком будет п. «и» ст. 102 УК. А как быть с п. «б» ст. 102 УК? Получается, что он исчезнет. В связи с этим возникает вопрос: почему мы должны облегчать участь убийцы, скрывшегося после совершения первого преступления? Ведь если бы его судили за первое убийство по п. «б» ст. 102 УК, то в случае совершения нового убийства его действия квалифицировались бы также по п. «и» ст. 102 УК. Совершенно непонятно, почему отсутствие судимости за прежнее убийство в подобных случаях должно исключать его самостоятельную квалификацию в соответствии с теми признаками, которые оно содержит.

Наконец, нельзя не учитывать формулировку закона. В п. «и» ст. 102 УК говорится: «умышленное убийство, совершенное лицом, ранее совершившим умышленное убийство», т. е. речь идет о новом убийстве, а предыдущее упоминается лишь как отягчающее обстоятельство, влияющее на квалификацию. Правильное решение вопросов о повторности и совокупности в подобных случаях выходит за рамки разрешения вопроса о квалификации убийств¹.

6. Для правильной квалификации убийства по п. «и» ст. 102 УК имеет значение решение вопроса о влиянии снятия или погашения судимости на признание или непризнание убийства повторным. Пленум Верховного Суда СССР в п. 13 постановления от 27 июня 1975 г. разъяснил, что убийство не может квалифицироваться по п. «и» ст. 102 УК, если судимость за ранее совершенное умышленное убийство снята с виновного в порядке амнистии или помилования либо погашена или снята в установленном законом порядке, а также если к моменту совершения убийства истекли указанные в ст. 41 Основ уголовного законодательства сроки давности привлечения к уголовной ответственности за ранее совершенные преступления.

Аналогичную позицию по данному вопросу при квалификации убийств заняли Н. И. Загородников, М. К. Анианц, Э. Ф. Побегайло². Представляется, что эта позиция недостаточно учитывает общественную опасность повторного умышленного убийства. В самом

¹Пленум Верховного Суда СССР в п. 13 постановления от 27 июня 1975 г. разъяснил, что если виновный не был осужден ранее за совершенное убийство или покушение на него, то это его деяние подлежит самостоятельной квалификации, а последнее преступление, в зависимости от того, окончено оно или нет, следует квалифицировать по п. «и» ст. 102 УК либо по ст. 15 и п. «и» ст. 102 УК.

²См.: Загородников Н. И. Несколько возникших вопросов квалификации умышленных убийств. — «Сов. юстиция», 1962, № 3, с. 4; Анианц М. К. Указ. соч., с. 72—73; Побегайло Э. Ф. Указ. соч., с. 122.

деле, если лицо уже однажды совершило *умышленное* убийство без смягчающих обстоятельств и затем после снятия или погашения судимости или истечения срока давности вторично совершает *умышленное* убийство без смягчающих обстоятельств, то ответственность за последнее преступление, с нашей точки зрения, должна наступать как за повторное.

Исходя из сказанного, в целях дальнейшего усиления борьбы с особо опасными преступлениями, в том числе и с убийствами, может быть, следовало бы внести дополнения в ст. ст. 34 и 41 Основ уголовного законодательства (ст.ст. 39 и 48 УК), предусмотрев, соответственно, что снятие или погашение судимости, истечение срока давности уголовного преследования за ранее совершенное особо опасное преступление при совершении нового аналогичного преступления не исключает признания этого преступления повторным.

Убийство, совершенное на почве кровной мести (п. «к» ст. 102 УК).

1. Кровная месть¹ является видом мести, возникающей на почве личных отношений. *Кровная месть при убийстве выступает как обычай*, пережиток прошлого, в силу которого родственники убитого или лицо, считающее себя обиженным, «обязаны» лишить жизни обидчика.

В качестве обстоятельства, отягчающего умышленное убийство, кровная месть выделена в связи с особой опасностью для общества этого преступления. Она состоит не только в самом факте убийства, но и в том, что второе убийство, совершенное на почве кровной мести, как правило, не изменяет его характера и может побудить родственников второго потерпевшего к мести за его смерть, а следовательно, привести к убийству нескольких человек. Так, из дела по обвинению М. по п. «к» ст. 102 УК, осужденного Верховным Судом Дагестанской АССР, видно, что в результате обычая кровной мести в разное время враждующими сторонами было убито пять человек. Общественная опасность убийства на почве кровной мести усиливается тем, что, как видно из дел этой категории, осуждение лица, виновного в убийстве, не исключает в дальнейшем в связи с этим же убийством применения данного обычая.

Кровная месть развилась в глубокой древности с появлением родового строя. Она являлась тогда средством защиты от чужаков и была «наказанием» виновника убийства. Изучение судебной практики в Верховном Суде РСФСР позволяет сделать вывод о том, что убийства на почве кровной мести встречаются еще в Дагестанской, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР² Российской Федерации. Поводом возникновения кровной мести являются не только убийство, но и другие противоправные действия или действия, которые по местным обычаям признаются оскорблением.

2. В литературе было высказано мнение о том, что субъектом убийства на почве кровной мести, равным образом как и потерпевшим от этого преступления, могут быть только

¹Кровная месть как обстоятельство, отягчающее умышленное убийство, предусмотрена также в Уголовных кодексах Грузинской (п. 8 ст. 102), Казахской (п. «к» ст. 88), Туркменской (п. 10 ст. 106) союзных республик. В п. 7 ст. 80 УК Узбекской ССР и в п. 8 ст. 94 УК Киргизской ССР предусмотрена повышенная ответственность за умышленное убийство, совершенное на почве пережитков родового быта по отношению к женщине, а в п. «к» ст. 104 УК Таджикской ССР — за умышленное убийство, совершенное на почве пережитков прошлого старого быта. Уголовные кодексы других союзных республик не содержат указаний на аналогичные обстоятельства, отягчающие умышленное убийство.

²В этих республиках действуют специальные комиссии Советов депутатов трудящихся по примирению враждующих сторон. Они руководствуются в своей работе постановлением ЦИК и СНК РСФСР от 5 ноября 1928 г. «О примирительном производстве по борьбе с обычаем кровной мести» (СУ РСФСР, 1928, № 141, ст. 927). Деятельность комиссий вносит позитивный вклад в предупреждение убийств на почве кровной мести. В ст. 231 УК предусмотрена ответственность родственников убитого за уклонение от отказа применения обычая кровной мести в отношении убийцы и его родственников.

лица мужского пола на том основании, что кровная месть «падает» лишь на родственников по мужской линии¹. Действующее уголовное законодательство не знает таких ограничений.

Для квалификации убийства по п. «к» ст. 102 УК достаточно установить, что лицо, его совершившее, признает такой обычай и в данном случае руководствовалось мотивом кровной мести. Вот это обстоятельство не всегда учитывается судами.

По приговору Тюменского областного суда по п. «к» ст. 102 УК был осужден А. (по национальности цыган) за убийство на почве кровной мести цыганки С., дядя которой перед этим за несколько месяцев убил отчима осужденного. Признавая убийство совершенным на почве кровной мести, суд сослался на то, что осужденный и его брат решили мстить семье С. за убийство их отчима. Однако в приговоре не было приведено никаких доказательств того, что осужденный принадлежит к группе населения, признающей обычай кровной мести. В связи с этим Президиум Верховного Суда РСФСР переqualificировал действия А. на ст. 103 УК.

В то же время необходимо подчеркнуть, что не имеет значения, относится ли потерпевший к группе населения, придерживающейся обычая кровной мести. Кровная месть может возникнуть в отношении любого лица как мужского, так и женского пола.

3. Установление принадлежности лица, совершившего убийство, к группе населения, которая придерживается обычая кровной мести, еще не решает вопроса о квалификации этого преступления по п. «к» ст. 102 УК. Для этого необходимо установить *мотив* кровной мести, т. е. побудительную причину убийства, порожденную данным обычаем. Судебная практика показывает, что в некоторых случаях допускается квалификация действий виновного по п. «к» ст. 102 УК, когда убийство совершено не по мотиву кровной мести, а в связи с грозящей кровной мстью. Рассматривая дело по обвинению А. в убийстве М., Верховный Суд Дагестанской АССР установил, что родственник А. совершил убийство родственника М. Опасаясь кровной мести со стороны М., А. стал ходить с охотничьим ружьем. Работая в поле по снегозадержанию и имея с собой ружье, А. увидел подходившего к нему М., возвращающегося с охоты. Опасаясь мести, А. убил М. Суд, сославшись на то, что между А. и М. существовали неприязненные отношения в связи с убийством родственником А. родственника М., признал, что убийство подпадает под признаки п. «к» ст. 102. Президиум Верховного Суда РСФСР отменил приговор и предложил выяснить ряд обстоятельств, указав при этом, что убийством на почве кровной мести может быть признано убийство по мотиву мести, если эта месть является пережитком местных обычаев. Следует добавить, что, как видно из обстоятельств, предшествовавших убийству, наоборот, А. опасался кровной мести со стороны М. Следовательно, это убийство было совершено в связи с кровной мстью, а не по мотиву кровной мести. При новом рассмотрении дела действия А. были квалифицированы по ст. 103 УК.

4. Кроме мотива, при выяснении признаков субъективной стороны для квалификации действий виновного по п. «к» ст. 102 УК необходимо установить характер умысла виновного. Представляется, что убийство на почве кровной мести не может быть совершено с косвенным умыслом, необходимо установить прямой умысел. В связи с этим имеет значение выяснение соотношения мотива и цели при совершении такого убийства. А. Мамутов пишет, что «субъективная сторона этого преступления включает не только мотив — чувство обиды, но и цель отмщения»². Такая позиция представляется неправильной. О чувстве обиды можно было бы говорить в том случае, если бы действия виновного не определялись обычаем кровной мести. Именно кровная месть как обычай здесь выступает побудительной причиной убийства, и, следовательно, ее нельзя не признать мотивом

¹См.: Сарыев Б. Указ. соч., с. 74–75.

²Мамутов А. Преступления, составляющие пережитки патриархально-родового быта. Алма-Ата, 1963, с. 299.

совершения преступления, которым руководствуется виновный. Неверны соображения А. Мамутова и относительно цели убийства на почве кровной мести. Целью убийства является вовсе не отмщение, а лишение жизни обидчика. Она и свидетельствует о прямом умысле на совершение такого преступления.

5. В связи с квалификацией убийства по п. «к» ст. 102 УК возникает вопрос о действии этой нормы в пространстве. Дело в том, что кровная месть является местным обычаем, а в ст. 236 УК указывается, что действие главы о преступлениях, составляющих пережитки местных обычаев (гл. XI УК), распространяется только на те автономные республики, автономные области и другие местности РСФСР, где такие общественно опасные деяния являются пережитками местных обычаев. Представляется, что убийство может быть признано совершенным на почве кровной мести при наличии данных, которые для этого необходимы, и в том случае, если оно совершено за пределами местности, где кровная месть среди населения еще встречается. Такое решение вопроса объясняется прежде всего тем, что п. «к» ст. 102 УК находится не в системе норм указанной главы XI, а в главе «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности». Совершение убийства на почве кровной мести в любой местности РСФСР не изменяет его юридической природы, а следовательно, и не влияет на квалификацию.

6. Изучение практики показывает, что в местностях, на которые распространяются нормы гл. XI УК, встречаются убийства, совершенные в связи с феодально-байским отношением к женщине, например убийство жены в связи с «нарушением адата, требующего покорности мужу», или убийство сестры из-за вступления ее в интимные отношения с мужчиной без заключения брака по местному обычаю. Однако вряд ли убийство по этим мотивам может быть признано совершенным по мотиву кровной мести, хотя несомненно, что эти убийства имеют одну и ту же почву.

Было бы неправильно квалифицировать такие убийства и по п. «в» ст. 102 УК в связи с выполнением общественного долга потерпевшим. Закон в этих случаях не имеет в виду убийства, совершаемые на почве феодально-байского отношения к женщине. В то же время есть все основания считать данный вид убийства не менее низменным и опасным, чем убийство по мотиву кровной мести.

Такой вывод дает основания для постановки вопроса об изменении редакции п. «к» ст. 102 УК. Более удачной представляется редакция п. «к» ст. 104 УК Таджикской ССР, где речь идет об умышленном убийстве, совершенном «на почве пережитков прошлого старого быта». Подобная формулировка п. «к» ст. 102 УК охватывала бы убийства и по указанным выше мотивам.

Убийство, совершенное особо опасным рецидивистом (п. «л» ст. 102 УК).

1. Отнесение умышленного убийства, совершенного особо опасным рецидивистом, к числу особо опасных убийств обусловлено личностью виновного в совершении этого преступления. Из ст. 24¹ УК следует, что если лицо судом признано особо опасным рецидивистом, то это означает, что оно неоднократно в прошлом совершало преступления. Как и при квалификации убийства по п. «и» ст. 102 УК, здесь квалифицирующим обстоятельством оказываются не признаки, характеризующие данное убийство, а личность виновного. Поэтому совершение убийства особо опасным рецидивистом не влечет квалификацию по п. «л» ст. 102 УК действий других лиц, если они являются соучастниками данного преступления.

Пленум Верховного Суда СССР в п. 14 постановления от 27 июня 1975 г. признал, что по п. «л» ст. 102 УК могут нести ответственность только лица, признанные в установленном законом порядке особо опасными рецидивистами до совершения убийства. Это разъяснение Пленума соответствует также буквальному смыслу п. «л» ст. 102 УК, где

говорится об умышленном убийстве, *совершенном особо опасным рецидивистом*. При таком решении вопроса приобретает важное значение определение момента, с которого лицо перестает быть особо опасным рецидивистом.

В ст. 24¹ УК указывается, что признание лица особо опасным рецидивистом отменяется при снятии с него судимости. Это означает, что п. «л» ст. 102 УК может применяться при квалификации убийства, совершенного лицами, как отбывающими наказание за прежнее преступление в местах лишения свободы, так и отбывшими наказание, но до снятия с них судимости. В постановлении от 3 июля 1963 г. «О судебной практике по признанию лиц особо опасными рецидивистами» Пленум Верховного Суда СССР дал аналогичное разъяснение по данному вопросу до введения этого требования в закон¹.

Правильность решения данного вопроса вызывает сомнения. Вряд ли есть необходимость, помимо судимости как последствия осуждения за преступление и отбытия наказания, после освобождения лица из мест лишения свободы вводить еще особую категорию лиц, которые считаются особо опасными рецидивистами. Кроме того, продолжая признавать таких лиц особо опасными рецидивистами в течение срока судимости, мы как бы заранее ставим под сомнение возможность исправления их в местах лишения свободы. Более правильно было бы считать, что лицо перестает быть особо опасным рецидивистом по отбытии срока наказания по приговору, которым оно было признано особо опасным рецидивистом. Но при таком положении п. «л» ст. 102 УК можно было бы применять только при совершении убийств в местах лишения свободы. Это было бы неверно. По нашему мнению, данный вопрос следует разрешить путем изменения формулировки закона. В частности, п. «л» ст. 102 УК целесообразно было бы изложить в такой редакции: умышленное убийство, совершенное особо опасным рецидивистом либо лицом, признававшимся особо опасным рецидивистом и имеющим судимости, послужившие основанием для признания его таковым². Подобная формулировка закона позволила бы после освобождения из исправительно-трудового учреждения лица, признанного особо опасным рецидивистом, считать его имеющим судимость, но не являющимся особо опасным рецидивистом. В то же время в случае совершения нового преступления в течение срока судимости лицо, ранее признававшееся особо опасным рецидивистом, несло бы повышенную ответственность в связи с квалификацией его действий с учетом этого признака по более строгому закону.

2. Квалификация умышленного убийства, совершенного особо опасным рецидивистом, по п. «л» ст. 102 УК иногда сочетается с применением и других пунктов этой статьи, при наличии предусмотренных ими отягчающих обстоятельств. Как правило, решение этого вопроса не представляет трудностей. Некоторую сложность, может быть, имеет только вопрос о разграничении применения п. «л» и п. «и» ст. 102 УК. Здесь возможны различные сочетания судимости и наличия факта признания лица особо опасным рецидивистом. Не исключены три варианта: а) применению подлежат и п. «л» и п. «и» ст. 102 УК, если лицо, совершившее последнее убийство, имеет судимость за умышленное убийство без смягчающих обстоятельств и ранее было признано особо опасным рецидивистом; б) применению подлежит только п. «л» ст. 102 УК, если лицо, совершившее умышленное убийство, было признано особо опасным рецидивистом в связи с совершением преступлений, указанных в ст. 24¹ УК, не позволяющих убийство признавать повторным; в) применению подлежит только п. «и» ст. 102 УК, если лицо, совершившее повторное убийство, ранее не было признано особо опасным рецидивистом.

¹См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1963. М., «Известия», 1964, с. 176—177.

²Это предложение затрагивает и другие статьи Особенной части Уголовного кодекса, в которых совершение преступления особо опасным рецидивистом рассматривается как квалифицирующий признак.

4.3 Отягчающие обстоятельства, характеризующие объективные свойства убийства

Убийство, совершенное с особой жестокостью (п. «г» ст. 102 УК).

1. Совершение преступления с особой жестокостью или издевательством над потерпевшим признается обстоятельством, отягчающим совершение любого преступления (п. 7 ст. 39 УК). Пункт «г» ст. 102 УК является конкретным проявлением этого общего положения при совершении умышленного убийства. Об особой опасности для общества такого убийства свидетельствуют обстоятельства его совершения, которые могут проявиться в способе действий виновного, в безразличном отношении к страданиям потерпевшего и других лиц. Субъект данного вида убийства также характеризуется крайне отрицательно.

Правильное применение п. «г» ст. 102 УК находится в зависимости от того, что понимать под «особой жестокостью» при совершении умышленного убийства. Относя особую жестокость к обстоятельствам, отягчающим умышленное убийство, закон вместе с тем не называет критерии, по которым убийство должно быть признано совершенным с особой жестокостью. Некоторые следователи и судьи пытаются найти ответ на этот вопрос в заключении судебно-медицинского эксперта. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР отменила приговор Усть-Ордынского Бурятского национального округа по делу Б., осужденного по п. «г» ст. 102 УК за убийство своей сожительницы В. Судебная коллегия сослалась на то, что в суде не был допрошен судебно-медицинский эксперт и в связи с этим осталось не установленным, было ли совершено убийство с особой жестокостью. Президиум Верховного Суда РСФСР отменил определение Коллегии по этому делу как противоречащее закону¹. В самом деле, в п. 1 ст. 79 УПК РСФСР говорится, что судебно-медицинский эксперт устанавливает причины смерти и характер телесных повреждений. Установление «особой жестокости» закон не относит к компетенции судебно-медицинского эксперта, а Правила определения степени тяжести телесных повреждений, утвержденные Министром здравоохранения РСФСР 4 апреля 1961 г., прямо запрещают это делать эксперту.

Разумеется, нельзя впадать в другую крайность и вообще игнорировать заключение эксперта при определении особой жестокости убийства. В ряде случаев выводы эксперта о характере телесных повреждений и причине смерти потерпевшего в совокупности с другими доказательствами позволяют сделать обоснованный вывод о квалификации убийства по п. «г» ст. 102 УК. При этом во всяком случае необходимо иметь в виду, что особая жестокость — *не медицинское, а юридическое* понятие.

Отдельные авторы рекомендуют применять п. «г» ст. 102 УК, исходя из разъяснения в толковом словаре русского языка термина «жестокость»², не отграничивая это понятие от «особой жестокости». На практике подобные рекомендации могут привести к необоснованному расширению пределов применения п. «г» ст. 102 УК. Именно это обстоятельство подчеркнул Президиум Верховного Суда РСФСР по делу А. Признав необоснованной квалификацию его действий по п. «г» ст. 102 УК, Президиум указал, что всякое умышленное убийство является тяжким и в той или иной мере жестоким преступлением, а при квалификации убийства по п. «г» ст. 102 УК необходима особая жестокость³.

2. Установить признаки особой жестокости нельзя без анализа субъективной стороны этого преступления. В каждом случае должно быть выяснено отношение виновного не только к последствию, но и к особой жестокости как к обстоятельству, отягчающему

¹См.: Сборник постановлений Пленума, Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, 1961—1963 гг. М., «Юридическая литература», 1964, С. 231, 232.

²См.: *Аниязи М. К.* Указ. соч., с. 59.

³См.: Сборник постановлений Пленума, Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, 1961—1963 гг., с. 232—233.

умышленное убийство. Квалификация убийства по п. «г» ст. 102 УК может оказаться неправильной, если не выяснены и соответствующим образом не оценены эти обстоятельства. Так, С. была осуждена Кемеровским областным судом по п. «г» ст. 102 УК. Президиум Верховного Суда РСФСР переqualificировал действия осужденной на ст. 103 УК, сославшись на то, что нанесение потерпевшему нескольких ударов топором было вызвано не сознанием с ее стороны особой жестокости, а опасением, что В. расправится с ней, если останется в живых, так как он ранее угрожал убить С. и ее мать. Очевидно, что в данном случае виновная действовала без цели совершить убийство с особой жестокостью и не знавала, что ее действия могут объективно свидетельствовать об особой жестокости. При таких обстоятельствах признание убийства совершенным с особой жестокостью было бы объективным вменением.

Субъективное отношение виновного может быть установлено из его показаний, показаний свидетелей и других доказательств, позволяющих сделать вывод об особой жестокости. Но чаще всего вывод приходится делать в зависимости от действий виновного во время убийства, обстановки его совершения, личности потерпевшего и некоторых обстоятельств, в которых может проявиться особая жестокость.

В целом ряде случаев об особой жестокости свидетельствует множественность ранений или иных телесных повреждений, причиненных потерпевшему. Правильное разрешение вопроса о наличии или отсутствии особой жестокости при убийстве таким способом имеет важное значение для практики, так как применение п. «г» ст. 102 УК нередко обосновывается ссылкой на способ убийства. В таких случаях множественность ранений или иных телесных повреждений признается за бесспорное доказательство особой жестокости. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР оставила без изменения приговор суда в отношении Ф., который был осужден за убийство с особой жестокостью только на том основании, что он нанес потерпевшей множество ранений, при этом субъективная сторона преступления не была проанализирована. Президиум Верховного Суда РСФСР также признал, что множественность ранений в данном случае свидетельствует об особой жестокости. Затем дело рассматривалось Пленумом Верховного Суда СССР, который указал, что сама по себе множественность ранений при убийстве или покушении на него не является условием, которое во всех случаях следует рассматривать как свидетельство совершения преступления с особой жестокостью, поскольку данный признак по смыслу закона связывается не только со способом убийства, но и с другими обстоятельствами, свидетельствующими о том, что виновный действовал с умыслом, направленным на совершение преступления с особой жестокостью¹.

Таким образом, Пленум Верховного Суда СССР подчеркнул, что один лишь факт множественности ранений (как и иных телесных повреждений) не может служить единственным основанием для признания убийства совершенным с особой жестокостью. Вместе с тем в этом постановлении допускается неточность, когда утверждается, что для квалификации убийства по п. «г» ст. 102 УК должно быть установлено, что виновный действовал с умыслом, направленным на убийство с особой жестокостью. При такой формулировке органы, следствия и суды в каждом случае для применения п. «г» ст. 102 УК обязаны установить, что виновный при убийстве действовал специально с особой жестокостью, т. е. с прямым умыслом. Вряд ли с этим можно согласиться. Во всяком случае такое указание не вытекает из закона, в котором нет ограничений в применении п. «г» ст. 102 УК, когда убийство совершается с косвенным умыслом по отношению к последствиям. А убийства, совершенного с косвенным умыслом в отношении причинения смерти потерпевшему и с прямым умыслом в отношении проявленной особой жестокости, вообще быть не может. Во всех таких случаях виновный к особой жестокости относится только с косвенным умыс-

¹См.: Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам, 1959—1971 гг., с. 210.

лом. Вполне понятно поэтому Пленум Верховного Суда СССР в п. 9 постановления от 27 июня 1975 г. отказался от прежних указаний и вместо слов «заведомо для виновного» записал «виновный сознавал»¹. Это разъяснение охватывает и форму косвенного умысла. Указание о «заведомости» исключено в связи с тем, что это понятие наряду с умыслом включает преступную самонадеянность как вид неосторожной вины. В судебной практике трудно встретить ситуацию, при которой виновный, умышленно лишая жизни другого человека и предвидя возможность совершения этого преступления с особой жестокостью, легкомысленно рассчитывал бы на предотвращение особой жестокости. Теоретически такие убийства могут быть совершены, когда виновный действует из сострадания либо по просьбе или договоренности с потерпевшим. Возникает вопрос: подлежит ли в таких случаях убийство квалификации по п. «г» ст. 102 УК на том основании, что оно для виновного было «заведомо» особо жестоким? По нашему мнению, когда речь идет о «заведомости» как признаке преступной самонадеянности, на этот вопрос необходимо ответить отрицательно. В ст. 102 УК предусмотрена ответственность за умышленное убийство, и, следовательно, субъективная сторона преступления может характеризоваться только умыслом по отношению как к последствиям, так и к квалифицирующим обстоятельствам, отягчающим ответственность.

3. Для признания убийства совершенным с особой жестокостью вовсе необязательно установление факта нанесения большого количества ранений или иных телесных повреждений. В следственной и судебной практике встречались такие случаи, когда виновный, нанеся одно ранение, препятствовал оказанию помощи, в результате чего смерть потерпевшего наступала от потери крови, перитонита и т. п.

Особая жестокость может проявиться в особой мучительности, которая причиняется потерпевшему при убийстве. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 27 июня 1975 г. указал, что убийство следует считать совершенным с особой жестокостью в тех случаях, когда перед лишением жизни или в процессе совершения убийства к потерпевшему умышленно применялись пытки, истязания либо ему причинялись особые страдания путем нанесения большого количества телесных повреждений или использования мучительно действующего яда.

Анализ судебной практики показывает, что суды не всегда учитывают разъяснение Пленума Верховного Суда СССР о том, что пытки, истязания и иные действия, свидетельствующие об особой жестокости, должны быть совершены непосредственно перед убийством или в процессе его совершения. Ростовский областной суд, например, рассматривая дело по обвинению М. в покушении на убийство, признал его совершенным с особой жестокостью. При этом в приговоре подчеркнуто, что М. перед убийством более года пьянствовал и избивал потерпевшую. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, указав, что М. при покушении на убийство не проявил особой жестокости, переqualificировала его действия на ст. ст. 15 и 103 УК, признав, таким образом, что истязания хотя и предшествовали убийству, но непосредственно не были связаны с ним.

В тех случаях, когда умышленное убийство совершается в присутствии лиц, близких потерпевшему, оно должно квалифицироваться по п. «г» ст. 102 УК. Однако для этого, как разъяснил Пленум Верховного Суда СССР в упомянутом постановлении, должно быть установлено причинение таким лицам особых страданий. Чаще всего особо жестокими признаются убийства, совершенные на почве семейных скандалов в присутствии детей. Магаданский областной суд осудил по п. «г» ст. 102 УК И. за убийство сожительницы А. в присутствии ее четырехлетней дочери. Суд сослался на то, что дочь потерпевшей осознавала убийство матери, тяжело переживала случившееся, ей были причинены особые страдания.

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1975, № 4, с. 9.

Убийствами с особой жестокостью в подобных случаях признаются убийства детей в присутствии родителей и других лиц, близких потерпевшему, но лишенных по какой-либо причине возможности оказать ему эффективную помощь. Здесь об особой жестокости свидетельствует характер действий виновного, выражающийся в надругательстве над чувствами близких потерпевшему лиц, в присутствии которых совершается преступление.

Вполне обоснованно, по нашему мнению, признаются совершенными с особой жестокостью убийства и в тех случаях, когда виновный для осуществления своего намерения использовал беспомощное состояние потерпевшего, который сознавал, что его лишают жизни, но по возрасту или в силу других причин не мог оказать сопротивления. Так, Ленинградским областным судом А. осужден за убийство с особой жестокостью своей матери, которая была парализована и находилась в беспомощном состоянии. А. нанес потерпевшей удар топором в грудь. Верховный Суд РСФСР признал приговор обоснованным. В этом и в ряде других аналогичных случаев особая жестокость проявляется в безжалостности и в заведомых для виновного особых страданиях потерпевшего. Против такой практики возражать нет никаких оснований, как это, например, делает М. К. Анианц. В своей книге он утверждает, что беспомощное состояние потерпевшего не может служить основанием для признания убийства особо жестоким в связи с тем, что по ранее действовавшему закону (п. «а» ст. 136 УК 1926 года) оно было отягчающим обстоятельством, а действующие Уголовные кодексы не относят такое убийство к особо опасным видам¹. Эти соображения неубедительны. М. К. Анианц был бы прав только при том условии, если бы в действующем законе остались без изменения формулировки отягчающих обстоятельств, содержащихся в ст. 136 УК 1926 года. Между тем автор сам же несколько ранее вполне правильно повторяет общепризнанное положение о том, что содержание понятия «особая жестокость» шире понятия «особая мучительность». Поэтому в принципе нельзя исключать, что новый закон об ответственности за убийство в обобщенной формулировке одного отягчающего обстоятельства может охватывать несколько отягчающих обстоятельств, содержащихся в различных частях или пунктах ранее действовавшего закона. Кроме того, было бы нелогично признавать особые страдания других лиц, близких потерпевшему, в присутствии которых совершается убийство, свидетельством особой жестокости, а особые страдания самого потерпевшего (ребенка, престарелого, больного), которого лишают жизни и который не может защитить себя, не признавать таковым. Вместе с тем было бы неправильно квалифицировать по п. «г» ст. 102 УК такие убийства, при которых вывод об особой жестокости основывался бы только на том, что смерть потерпевшему причиняется во время его сна. Здесь хотя и налицо беспомощность потерпевшего, но особые страдания ему не причиняются самим фактом убийства при этих условиях.

О безжалостности как об одном из признаков особой жестокости² свидетельствует убийство нескольких лиц — одного за другим. Челябинским областным судом был осужден Б. за убийство своей жены и ее подруги К. с особой жестокостью. Было установлено, что Б. сначала нанес несколько ударов топором К. по голове, а затем душил ее до тех пор, пока она не перестала подавать признаков жизни. Затем он связал находившуюся тут же свою жену, заткнул ей рот, изнасиловал и несколькими ударами ножа убил. Особую жестокость областной суд усмотрел в том, что Б. убивал К. в присутствии следующей жертвы, а также в способе самого убийства.

В таких случаях об особой жестокости свидетельствует не только то, что убийство совершается в присутствии других лиц, жизнь которых находится под угрозой, но и то, что она проявляется в совокупности всех действий виновного.

¹См.: Анианц М. К. Указ. соч., с. 63.

²По делу К. и М., осужденных за убийство, сопряженное с изнасилованием, Пленум Верховного Суда СССР подчеркнул, что исключительная безжалостность осужденных по отношению к жертве — характерная особенность поведения лица, совершающего преступление с особой жестокостью.

4. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 27 июня 1975 г. дополнил прежнее разъяснение указанием о том, что особая жестокость при убийстве может проявляться в глумлении над трупом, исключив случаи уничтожения или расчленения трупа с целью скрыть преступление. Такое дополнение является обоснованным. Глумление может выразиться в самых различных действиях после причинения смерти потерпевшему: в обезображивании, поджигании трупа и т. п. Для признания глумления над трупом проявлением особой жестокости необходимо установить, что эти действия были совершены непосредственно и сразу же после причинения смерти потерпевшему. В тех же случаях, когда виновный глумился над трупом спустя какое-то время после лишения жизни потерпевшего и эти действия не были непрерывным процессом убийства, они не могут быть признаны достаточными для применения п. «г» ст. 102 УК, поскольку в законе речь идет об убийстве с особой жестокостью, а не о циничных действиях, совершенных когда-то после убийства. В зависимости от конкретных обстоятельств они могут свидетельствовать о злостном хулиганстве и подлежат самостоятельной квалификации.

В литературе¹ было высказано мнение о том, что расчленение трупа потерпевшего следует считать проявлением особой жестокости. Для всех случаев такое решение было бы ошибочным не только по приведенным выше соображениям. Изучение судебной практики показывает, что расчленение трупа чаще всего совершается с целью уничтожения или сокрытия следов преступления. Московский областной суд переqualificировал действия Ч., совершившего убийство Б. и расчленившего ее труп, с п. «г» ст. 102 на ст. 103 УК, сославшись на то, что расчленение трупа с целью сокрытия преступления не является убийством с особой жестокостью. По другому делу Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР переqualificировала действия Д., осужденного Иркутским областным судом, с п. «г» ст. 102 на ст. 103 УК, сославшись на то, что действия по расчленению трупа нельзя рассматривать как глумление над трупом, поскольку они были совершены, чтобы скрыть следы преступления. Иного решения вопроса в таких случаях и не может быть, поскольку Уголовные кодексы не предусматривают уголовной ответственности за сокрытие следов преступления. Эти действия, следовательно, находятся за пределами состава преступления. Расчленение трупа необходимо рассматривать как обстоятельство, свидетельствующее об особой жестокости, лишь тогда, когда, совершая такие действия, виновный глумился над трупом, умышленно проявляя особую жестокость.

Убийство, совершенное способом, опасным для жизни многих людей (п. «д» ст. 102 УК).

1. Совершение преступления общеопасным способом признается обстоятельством, отягчающим ответственность для любого преступления (п. 9 ст. 39 УК). Пункт «д» ст. 102 УК является конкретизацией этого общего положения при совершении умышленных убийств.

Для правильной квалификации убийства по п. «д» ст. 102 УК имеет значение *выяснение способа* совершения убийства. Зачастую опасность способа для жизни многих людей не вызывает сомнения. Это относится, например, к тем случаям, когда убийство совершается путем взрыва. М. с целью убийства жены во время поездки на автобусе подложил ей в хозяйственную сумку сконструированное им взрывное устройство. От взрыва в автобусе погибли три человека и шесть человек были ранены. В другом случае Л., поссорившись с Г., вскочил на стоявший трактор, завел и направил его на большой скорости на группу из пяти человек, среди которых был Г. В результате наезда один человек был убит, двое получили телесные повреждения. Правильность применения п. «д» ст. 102 УК в этих случаях сомнений не вызывает.

¹См.: Загородников Н. И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву, с. 177; Аниязиц М. К. Указ. соч., с. 63.

Однако *опасность способа должна оцениваться* не абстрактно, а в конкретной обстановке совершения преступления. То же применение взрывного устройства или наезд транспортным средством, например, в безлюдном месте, где находится только один потерпевший, нельзя квалифицировать по п. «д» ст. 102 УК. Президиум Верховного Суда РСФСР признал неправильной квалификацию действий К по п. «д» ст. 102 УК, который тремя выстрелами из пистолета на одной из улиц г. Калуги убил Ш. Суд мотивировал указанную квалификацию тем, что в направлении выстрелов, произведенных К., как правило, происходит большое движение пешеходов и транспорта. Этот довод Президиум признал неубедительным и указал, что основанием для признания убийства совершенным способом, опасным для жизни многих людей, в данном случае мог бы быть лишь факт пребывания других людей в месте, в направлении которого велась стрельба.

Это же обстоятельство подчеркнул Пленум Верховного Суда СССР в постановлении по делу В., указав, что квалификация убийства по п. «д» ст. 102 УК возможна лишь в том случае, если опасность для жизни многих людей была действительной, а не мнимой или предполагаемой, если возможность причинения смерти другим лицам была очевидной в данных конкретных условиях¹.

В судебной практике возникает вопрос о том, как следует понимать указание закона об *опасности способа убийства для жизни многих людей*, т. е. для какого числа лиц способ убийства создает опасность и влечет применение п. «д» ст. 102 УК. Этот вопрос, в частности, возник в Верховном Суде РСФСР при рассмотрении дела по обвинению Ж., осужденного по п. «д» ст. 102 УК. Ж., общественный инспектор охотхозяйства, обнаружил браконьеров З. и Л., охотившихся на птицу в запрещенное время года. В связи с тем что нарушители пытались скрыться, Ж. несколько раз выстрелил в них из ружья. Одним из выстрелов З. был убит.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев дело в кассационном порядке, переквалифицировала действия осужденного на ст. 103 УК, сославшись на отсутствие квалифицирующего признака п. «д» ст. 102 УК. По мнению Судебной коллегии, стрельба в двух человек не свидетельствовала об опасности убийства для многих людей.

Такое решение вопроса вряд ли можно признать правильным. Очевидно, что на том же основании можно утверждать, что при угрозе жизни не только двум, но и трем-четырем человекам способ убийства не является опасным для жизни многих людей. По нашему мнению, в данном случае необходимо учитывать, что закон направлен на усиление уголовной ответственности за убийство, при котором создается опасность лишения жизни более чем одного человека. Убедительные соображения по этому вопросу содержатся в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 27 июля 1975 г., в котором говорится, что для признания убийства совершенным «способом, опасным для жизни многих людей, необходимо установить, что, осуществляя умысел на убийство определенного лица, виновный сознавал, что он применяет такой способ причинения смерти, который опасен для жизни не только одного человека. Следовательно, п. «д» ст. 102 УК подлежит применению во всех тех случаях, когда способ убийства создает опасность лишения жизни другого лица или других лиц наряду с потерпевшим.

2. Правильная квалификация убийства по п. «д» ст. 102 УК зависит также от выяснения признаков субъективной стороны этого преступления. Установлению подлежит характер умысла виновного как в отношении потерпевшего, так и в отношении лиц, для жизни которых способ опасен. Чаще всего виновный при таком убийстве преследует цель лишения жизни какого-то определенного лица и безразлично относится к тому, что он ставит в опасность жизнь других людей, т. е. в отношении потерпевшего действует с прямым, а в отношении других лиц — с косвенным умыслом.

¹См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1968, № 4, с. 25.

Однако встречаются и такие убийства, когда виновный действует с косвенным умыслом без цели убийства какого-либо лица. В этом отношении характерно дело по обвинению Д., рассмотренное Верховным Судом РСФСР. Д., имея при себе малокалиберную винтовку, будучи в нетрезвом состоянии, в полевом стане открыл беспорядочную стрельбу, в результате которой убил колхозника С, а жизнь колхозников, находившихся вместе с потерпевшим, подверглась опасности. Как в отношении потерпевшего С, так и в отношении других лиц Д. действовал с косвенным умыслом¹.

Исходя, из этого можно сделать вывод о том, что при совершении убийства способом, опасным для жизни многих людей, умысел виновного по отношению к наступившему последствию — смерти потерпевшего и смерти других лиц, которым угрожает опасность, может совпадать (соответственно: прямой — прямой либо косвенный — косвенный), но может и не совпадать (соответственно: прямой — косвенный либо косвенный — прямой). Это обязывает в каждом случае детально разобраться в субъективной стороне совершенного убийства. Между тем на практике данному вопросу не всегда уделяется внимание. Очень часто, установив умышленный характер действий в отношении потерпевшего, суды не выясняют отношение виновного к возможности причинения смерти другим лицам. Встречаются такие случаи, когда вывод о наличии или отсутствии отягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «д» ст. 102 УК, делается на основании последствий, которые, как известно, не всегда точно и полно отражают субъективную сторону преступления. Так, Президиум Верховного Суда РСФСР, отменяя определение Судебной коллегии по уголовным делам, в котором содержалось указание о квалификации действий П. по п. «д» ст. 102 УК, сослался на то, что, по заключению судебно-медицинского эксперта, выстрел в С. был произведен в упор на расстоянии 20 см, весь заряд остался в теле убитой, выходного отверстия не было. Из обстоятельств убийства видно, что П. стрелял из ружья в С, когда она хотела войти в комнату из коридора, где, как указывается в постановлении Президиума, «находилось много народа», о чем было известно П.

При таком положении, если весь заряд дроби и остался в теле С., с нашей точки зрения, не исключается возможность признания убийства совершенным способом, опасным для жизни многих людей. Именно об этом свидетельствуют действия виновного, которые при оценке отношения его к возможности причинения смерти другим лицам, находившимся вместе с С. в коридоре, были оставлены без внимания.

3. В судебной практике возник вопрос о том, как квалифицировать действия виновного, который, не имея цели причинить смерть какому-то определенному лицу, совершает с косвенным умыслом действия, создающие опасность для жизни многих людей, в результате которых наступает смерть человека.

По приговору суда Ф. был осужден по п. «д» ст. 102 УК за умышленное убийство Володи З. Проживая в деревне, Ф. в целях охраны сада опутал изгородь проволокой и подключил ее к электрической сети 220 вольт. Жители деревни требовали снять проводку, но Ф. этого не сделал. Днем семилетний Володя З., Сережа С. и Нина Ц. проникли в сад, чтобы нарвать яблок. При выходе из сада З. прикоснулся к проводам и был убит. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР не согласилась с указанной юридической оценкой, так как по делу не собраны данные, свидетельствующие о том, что Ф., пропуская через проволоку на изгороди сада электроток, имел умысел на убийство определенного лица способом, опасным для жизни многих людей. Однако, предупрежденный односельчанами о необходимости отключения от электросети расположенных на изгороди проводов, Ф. этого не сделал, следовательно, сознавал опасный характер своих действий и допускал наступление тяжких последствий. Такие действия свидетельствуют об убийстве, совершенном без отягчающих обстоятельств, указанных в ст. 102 УК, и их необходимо квалифицировать по ст. 103 УК.

¹О разграничении квалификации убийства по пп. «д» и «з» ст. 102 см. с. 88.

По существу решение Судебной коллегии является правильным, следует лишь добавить, что дело не только в том, что Ф. действовал с косвенным умыслом, а в том, что умысел в данном случае был неконкретизированным. Ответственность при таком виде умысла наступает за причиненный результат по последствиям. Поэтому действия Ф. и наступившие последствия могут быть квалифицированы в данном случае по ст. 103 УК.

4. Спорным также оказался вопрос о квалификации последствий (помимо убийства) по п. «д» ст. 102 УК. При рассмотрении дела в отношении П., который, покушаясь на убийство жены, причинил менее тяжкие телесные повреждения другим лицам, Военная коллегия Верховного Суда СССР признала, что квалификация преступления по одной лишь ст. 102 УК неполностью отражает содержание действий П. и степень их общественной опасности, так как п. «д» этой статьи, предусматривая ответственность за убийство, совершенное способом, опасным для жизни многих людей, не охватывает всех последствий, которые предвидел осужденный. Такую же позицию по данному вопросу занял М. Д. Шаргородский, который поддержал определение Коллегии. Он писал, что при квалификации убийства по п. «д» ст. 102 УК, которое сопровождалось причинением телесных повреждений другим лицам, телесные повреждения требуют дополнительной квалификации¹. По этому же пути пошел Пленум Верховного Суда СССР, который в п. 10 постановления от 27 июля 1975 г. разъяснил: «В случае причинения телесных повреждений другим лицам действия виновного надлежит квалифицировать помимо п. «д» ст. 102 УК... также по статьям УК, предусматривающим ответственность за умышленное причинение телесных повреждений».

Правильность этого разъяснения вызывает сомнение. Дело в том, что дополнительная квалификация причиненных телесных повреждений ничего не добавляет, например не порождает повторности при совершении нового телесного повреждения. Такая квалификация, кроме того, в случаях причинения телесных повреждений различной тяжести нескольким лицам (а такие дела есть) приведет к применению ряда статей Уголовного кодекса, осложнит расследование и судебное разбирательство необходимостью определения степени тяжести телесных повреждений и по существу ничего не даст.

Необходимо учитывать точный смысл п. «д» ст. 102 УК, из которого вытекает, что в данном пункте речь идет о способе, *опасном для жизни* многих людей, а не о способе, который может наряду с убийством представлять опасность причинения телесных повреждений. Логичнее говорить о дополнительной квалификации как о покушении на убийство, поскольку в законе говорится об опасности для жизни.

В самом деле, если дальше разбирать упомянутую позицию, то необходимо выяснять характер умысла виновного по отношению к возможности причинения смерти «другим» лицам. Например, при установлении умысла на убийство трех лиц, из которых убит один, а двоим причинены телесные повреждения, действия виновного в отношении двух лиц в соответствии с указанным разъяснением Пленума должны быть квалифицированы по последствиям, и, следовательно, применению подлежит закон о телесных повреждениях. Вряд ли это верно, так как при прямом умысле в действительности имеет место покушение на убийство, которое в дополнительной квалификации не нуждается.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что при косвенном умысле положение виновного отягчается дополнительной квалификацией. При таком положении нам представляется все же более убедительной позиция, занятая Пленумом Верховного Суда СССР по конкретному уголовному делу, когда он признал, что по смыслу п. «д» ст. 102 УК квалификация убийства, совершенного способом, опасным для жизни многих людей, не ставится в зависимость от реального причинения вреда жизни или здоровью третьих лиц. Признавая указанный способ действий виновного отягчающим обстоятельством и устанавливая за такое преступление повышенное наказание, закон тем самым допускает возможность

¹См.: Курс советского уголовного права. Часть Особенная, т. 3. Л., изд-во ЛГУ, с. 518.

причинения вреда здоровью третьих лиц. Реальное причинение такого вреда хотя и является преступлением, однако в данном случае оно представляет собой один из возможных элементов объективной стороны состава другого, более тяжкого преступления, в связи с чем утрачивает значение самостоятельного преступления и, следовательно, не требует и самостоятельной квалификации¹.

Если, совершая убийство способом, опасным для жизни многих людей, виновный причинил по неосторожности тяжкие телесные повреждения вследствие отклонения действия, их следует квалифицировать самостоятельно по ст. 114 УК в связи с различными формами вины убийства и телесного повреждения².

5. Среди убийств, которые квалифицируются по п. «д» ст. 102 УК, встречаются и такие, когда виновный, устроив засаду с целью убийства, допускает ошибку в личности потерпевшего и убивает лицо, появившееся там, где, по его расчетам, должно было оказаться лицо, намеченное для убийства. Так, Б., чтобы убить жену, спрятался в подъезде дома с ружьем и, полагая, что она вошла в дверь, произвел выстрел, которым был убит сосед З. Признав квалификацию убийства по п. «д» ст. 102 УК правильной, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР сослалась на то, что такой способ убийства был безусловно опасен для жизни многих людей, которые могли войти в подъезд дома и которые в данном случае входили по узкому коридору вслед за З. Судебная коллегия вполне обоснованно признала, что ошибка в личности потерпевшего не влияет на квалификацию данного убийства. Вместе с тем представляется, что ошибка в личности потерпевшего при отсутствии других обстоятельств, свидетельствующих об общественно опасном способе, не влечет применения п. «д» ст. 102 УК. Хотя в таком случае опасности лишения жизни подвергаются другие лица, которые могут быть приняты за жертву, намеченную для убийства, совершается убийство одного лица, а ошибка в личности потерпевшего в момент убийства сама по себе не делает его опасным для жизни многих людей.

Убийство женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности (п. «ж» ст. 102 УК).

1. Это убийство отнесено к числу совершенных при отягчающих обстоятельствах в связи с тем, что виновный, причиняя смерть беременной женщине, посягает фактически на две жизни — на жизнь потерпевшей и на жизнь плода человека. Учитывая данное обстоятельство, закон ставит под усиленную охрану жизнь беременной женщины.

Убийство, предусмотренное п. «ж» ст. 102 УК, может быть совершено любым лицом как мужского, так и женского пола. Субъект преступления в связи с особой общественной опасностью такого убийства характеризуется крайне отрицательно.

Устанавливая повышенную ответственность за убийство беременной женщины, закон выдвигает в качестве обязательного условия, необходимого для квалификации действий виновного по п. «ж» упомянутой статьи, его заведомую осведомленность о беременности потерпевшей.

Заведомость предполагает *осведомленность* виновного о том, что он посягает на жизнь беременной женщины. В связи с этим представляется спорным указание Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу В., осужденного Тюменским областным судом по п. «ж» ст. 102 УК, о том, что для такой квалификации убийства необходимо, чтобы виновный *достоверно* знал о беременности потерпевшей. В судебном заседании Б. показал, что жена сообщила ему о своей беременности предположительно. «Следовательно, — указала коллегия, — Б. заведомо не знал о том, что жена находилась

¹См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 5, с. 13—14.

²О квалификации убийства при отклонении действия см. гл. 6.

в состоянии беременности»¹. Как мы уже отмечали, при заведомости несомненность знания субъекта об отягчающем обстоятельстве следует относить не к тому, имеется ли оно в действительности, а к тому, что он знает о нем. При этом несомненность знания об отягчающем обстоятельстве не изменяется от того, что у субъекта нет полной уверенности в его фактическом наличии. В таких случаях отношение виновного к отягчающему обстоятельству характеризуется косвенным умыслом (он безразлично относится к его наличию) и, следовательно, квалификация убийства по п. «ж» ст. 102 УК не исключается.

Чаще всего такие затруднения в применении п. «ж» ст. 102 УК возникают в тех случаях, когда потерпевшая оказывается убитой в первые месяцы беременности.

Изучение дел этой категории показывает, что такие убийства совершаются в большинстве случаев на почве ревности, а подчас сопровождаются и особой жестокостью. В этом отношении характерно дело по обвинению В., осужденного Ленинградским областным судом за убийство жены. Было установлено, что В. подозревал жену в супружеской неверности. Считая, что жена изменяет ему, он стал встречаться с другими женщинами, не приходил домой ночевать. Это еще больше обострило их отношения. Во время одной из ссор он нанес потерпевшей множество ранений ножом в различные части тела, совершив убийство. В. признал, что ему было известно о беременности жены. Суд квалифицировал его действия по пп. «г» и «ж» ст. 102 УК. Ревность не имеет значения для квалификации убийства по п. «ж» ст. 102 УК, поскольку она как мотив этого преступления не относится к отягчающим обстоятельствам.

2. В судебной практике возник вопрос о том, подлежит ли применению п. «ж» ст. 102 УК, когда виновный, совершая убийство, ошибочно полагает, что потерпевшая находится в состоянии беременности. Верховным Судом РСФСР в кассационном порядке было рассмотрено дело по обвинению Л., совершившего убийство Ш., с которой он состоял в интимной связи. Ш., желая, чтобы Л. ушел от жены, однажды заявила ему, что она беременна. Л., опасаясь «неприятностей» дома и на работе, решил совершить убийство. С этой целью он пригласил Ш. в лес за ягодами и убил. Вскрытие трупа показало, что беременной потерпевшая не была. Суд квалифицировал действия виновного по п. «ж» ст. 102 УК.

По нашему мнению, с таким решением вопроса можно согласиться, но при этом необходимо иметь в виду следующее. Судя по обстоятельствам убийства, Л. допустил фактическую ошибку, которая состояла в предположении *наличия* обстоятельства, квалифицирующего убийство. Он заблуждался, полагая, что личность потерпевшей обладает теми качествами, которые влекут для него повышенную ответственность за убийство. По мнению А. А. Пионтковского, «совершение преступления при ошибочном предположении лица о наличии квалифицирующих преступление обстоятельств следует рассматривать как покушение на совершение квалифицированного преступления»². Исходя из этого, действия Л. следовало бы квалифицировать как покушение на убийство при отягчающих обстоятельствах по ст. 15 и п. «ж» ст. 102 УК. Но в данном случае с таким предложением согласиться нельзя, поскольку потерпевшей причинена смерть и налицо оконченное преступление.

В. Ф. Кириченко полагает, что в подобных случаях действия виновного должны квалифицироваться как оконченное преступление без отягчающих обстоятельств и как покушение на аналогичное преступление при отягчающих обстоятельствах, поскольку такая квалификация позволяет непосредственно установить фактически совершенное привлекаемым к ответственности лицом. Свое предложение он мотивирует тем, что, «совершая покушение на квалифицированное преступление, лицо может и не достигнуть стадии, на которой простое преступление считается законченным»³.

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1965, № 11, с. 10.

² Курс советского уголовного права, т. II. М., «Наука», 1970, с. 339.

³ Кириченко В. Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. М., изд-во АН СССР, 1952, с. 58.

Для некоторых преступлений такое решение вопроса и аргументация приемлемы. При убийстве же, подлежащем квалификации по п. «ж» ст. 102 УК, не может быть стадий в указанном смысле. Покушение на такое убийство всегда является покушением на убийство при отягчающих обстоятельствах. Оно ни в какой стадии не может быть квалифицировано по ст. 103 УК. Кроме того, квалификация убийства по ст. 15, п. «ж» ст. 102 и по ст. 103 УК даст основание для утверждения, что виновный совершил два преступления, хотя в действительности он совершил одно. При таком положении, как нам кажется, меньшей неточностью будет признание убийства при указанных обстоятельствах окончанным и применение п. «ж» ст. 102 УК.

3. При фактической ошибке, когда виновный предполагает об *отсутствии* данного обстоятельства, отягчающего убийство, он не должен нести ответственность по п. «ж» ст. 102 УК, поскольку нет его заведомой осведомленности о беременности потерпевшей. На это обстоятельство указал Президиум Верховного Суда РСФСР по делу П., который был осужден по ст. 15 и п. «ж» ст. 102 УК за то, что он на почве неприязненных отношений покушался на убийство жены, зная, что она беременна. Президиум указал, что в материалах дела нет данных о том, что П. знал о беременности жены. Из справки больницы видно, что на день совершения преступления беременность потерпевшей была менее двух недель. В женскую консультацию она обратилась через полтора месяца после совершения преступления, где и была установлена беременность. Осужденный утверждал, что он не знал о беременности жены. Исходя из установленных по делу данных, Президиум пере-квалифицировал действия П. на ст. ст. 15 и 103 УК¹. Здесь налицо фактическая ошибка, исключающая применение п. «ж» ст. 102 УК.

Убийство двух или более лиц (п. «з» ст. 102 УК).

1. Отнесение убийства двух или более лиц к обстоятельствам, отягчающим это преступление, объясняется тяжестью наступивших последствий и в связи с этим опасностью личности виновного, лишаящего жизни нескольких человек.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда СССР в п. 12 постановления от 27 июня 1975 г., при квалификации преступлений, предусмотренных п. «з» ст. 102 УК, необходимо исходить из того, что действия виновного при умышленном убийстве охватывались единством умысла и совершены, как правило, одновременно.

О единстве преступного намерения свидетельствуют умысел на убийство двух или более лиц и один и тот же мотив лишения жизни этих лиц.

Умысел на убийство двух или более лиц — обязательный признак, указывающий на единство преступного намерения виновного. При признании одновременного убийства двух или более лиц, объединенного единством преступного намерения, должен быть установлен только прямой умысел, а при одновременном убийстве — возможен не только прямой, но и косвенный умысел.

Один и тот же мотив лишения жизни каждого из потерпевших также может свидетельствовать о единстве намерений. Его значение для правильного применения п. «з» ст. 102 УК видно на следующем примере. М., будучи в пьяном виде, из хулиганских побуждений убил сожительницу А. Затем на велосипеде поехал в соседнюю деревню, где по тому же мотиву убил сестру А. и покушался на убийство других лиц. Верховный Суд РСФСР признал правильной квалификацию действий М. по пп. «б» и «з» ст. 102 УК. По нашему мнению, о единстве преступного намерения М. на убийство двух или более лиц свидетельствует не только умысел, но и один и тот же мотив совершения преступления. Однако мотив не может считаться во всех случаях обязательным признаком единства преступного намерения виновного. Вполне возможна квалификация по п. «з» ст. 102 УК,

¹См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1962, № 11, с. 5.

когда два лица убиты одно за другим по разным мотивам, например смерть одному потерпевшему причинена из хулиганских побуждений, а другому — в связи с выполнением им общественного долга.

К одновременному убийству двух или более лиц следует отнести такие убийства, при которых потерпевшие лишены жизни без разрыва во времени. Это может быть, например, убийство двух человек одним выстрелом либо причинение смерти потерпевшим одному за другим.

В литературе была предпринята попытка подменить требование одновременности более «емким» понятием «непрерывность» преступной деятельности, при которой «причинение смерти каждому из потерпевших является звеном одного и того же акта преступного поведения»¹. Вот это, последнее, как раз и могут подтвердить или не подтвердить в каждом конкретном случае разобранные выше критерии. «Непрерывность» преступной деятельности при убийстве двух или более лиц дополнительно для уяснения вопроса ничего не дает, а подмена «непрерывностью» требования одновременности только запутает его.

Таким образом, в тех случаях, когда убийство двух или более лиц совершается не одновременно и не охватывается единством преступного намерения, п. «з» ст. 102 УК не применяется. Эти убийства подлежат квалификации в зависимости от мотивов и конкретных обстоятельств их совершения, а последнее убийство должно быть квалифицировано по п. «и» ст. 102 УК как повторное.

2. В судебной практике возник вопрос о том, как квалифицировать одновременное совершение убийства одного лица и покушение на убийство другого. При его решении определились две позиции. Одна из них выражена в деле по обвинению К., который был осужден Пермским областным судом по ст. 15, пп. «б» и «з» ст. 102, а также по пп. «б» и «ж» ст. 102 УК. К. признан судом виновным в том, что из хулиганских побуждений он совершил убийство своей жены, находившейся в состоянии беременности, и покушался на убийство тещи. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР признала квалификацию действий осужденного неправильной и указала, что при установлении умысла виновного на лишение жизни двух или более лиц убийство одного и покушение на жизнь другого следует квалифицировать как оконченное преступление по п. «з» ст. 102 УК. Судебная коллегия сохранила квалификацию действий К. по пп. «б» и «ж» этой статьи. Эта позиция была отражена в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве».

Другая позиция состоит в том, что действия виновного квалифицируются по ст. 15, п. «з» ст. 102 и ст. 103 УК. По приговору Калужского областного суда так были квалифицированы действия В., покушавшегося на убийство С. и совершившего убийство Г. Признав такую квалификацию правильной, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР сослалась на то, что преступление в отношении одного человека не доведено до конца и обстоятельства, отягчающие убийство и покушение на убийство, отсутствуют. Именно такое решение вопроса предложил Пленум Верховного Суда СССР в п. 12 постановления от 27 июня 1975 г. В нем подчеркивается, что убийство одного человека и покушение на жизнь другого не может рассматриваться как оконченное преступление — убийство двух или более лиц, поскольку данное преступление не доведено до конца. В зависимости от обстоятельств Пленум предложил квалифицировать такое убийство по ст. ст. 103 или 102 и ст. 15 и п. «з» ст. 102 УК.

Обе позиции непротиворечивы. Однако менее точной представляется вторая позиция, поскольку в этом случае покушение на жизнь одного человека превращается в покушение

¹ Сарыев Б. Указ. соч., с. 24—25.

на жизнь двух и более лиц, а оконченное убийство не получает юридической оценки по п. «з» ст. 102 УК.

3. По-другому должен решаться вопрос в тех случаях, когда одновременно совершено посягательство на жизнь работника милиции (виновный покушался на его жизнь) и убийство лица, не являющегося работником милиции или народным дружинником. Представляется, что действия виновного в отношении работника милиции должны быть квалифицированы по ст. 191² УК, а убийство другого лица — по п. «з» ст. 102 УК при отсутствии других отягчающих обстоятельств. Такое решение вопроса объясняется тем, что посягательство на жизнь работника милиции является самостоятельным преступлением и должно получить отдельную квалификацию. Как указал Пленум Верховного Суда СССР, «под посягательством на жизнь работника милиции или народного дружинника в связи с их деятельностью по охране общественного порядка надлежит рассматривать убийство или покушение на убийство этих лиц»¹. Следовательно, в данной ситуации фактически совершены покушение на убийство и убийство, которые получают указанную выше квалификацию по совокупности.

4. На практике возникает вопрос об отграничении убийства двух или более лиц от убийства способом, опасным для жизни многих людей (п. «д» ст. 102 УК). Суды часто не учитывают различий условий квалификация этих убийств. Так, по приговору Верховного Суда Мордовской АССР был осужден Т. по ст. 15, пп. «д» и «з» ст. 102 УК за то, что он тремя выстрелами из ружья покушался на убийство братьев Анатолия и Василия П. и К. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР признала неправильной квалификацию по ст. 15, п. «д» ст. 102 УК и указала: в обоснование такой квалификации суд в приговоре сослался на то, что Т. стрелял в группу людей, причинив братьям П. телесные повреждения, при этом жизни К. угрожала опасность. Однако суд не учел, что группа состояла из тех трех лиц, на жизнь которых он и покушался. Если же виновный подвергал опасности жизнь тех лиц, на убийство которых был направлен умысел, квалификация по п. «д» ст. 102 УК не требуется². Анализ, данный Судебной коллегией по делу Т., дает основания подчеркнуть, что при посягательстве на жизнь одного человека и при угрозе лишения жизни других лиц убийство квалифицируется по п. «д», а п. «з» ст. 102 УК не применяется.

Вопрос о квалификации убийства по совокупности этих признаков, по нашему мнению, должен разрешаться следующим образом. В тех случаях, когда лицо, совершая преступление, ставит перед собой конкретную цель — убийство двух или более лиц и осуществляет его способом, при котором создается опасность для жизни других лиц, применению подлежат как п. «з», так и п. «д» ст. 102 УК. Здесь способ убийства двух или более лиц одновременно свидетельствует о его опасности для жизни многих людей. Преступление будет квалифицироваться по совокупности пп. «з» и «д» ст. 102 УК и в том случае, если виновный совершит убийство двух или более лиц независимо от характера умысла способом, опасным для жизни многих людей, в отношении которых он действовал с косвенным умыслом.

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1963, № 5, с. 15.

² См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1968, № 10, с. 9.

ГЛАВА 5. УМЫШЛЕННОЕ УБИЙСТВО ПРИ СМЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

5.1 Убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения

1. Умышленное убийство в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения признается убийством, совершенным при смягчающих обстоятельствах. Это объясняется тем, что такое убийство обусловлено особым эмоциональным состоянием виновного — сильным душевным волнением, которое в судебной психиатрии и психологии называется физиологическим аффектом. Он представляет собой «крайне резко выраженную, по кратковременную эмоцию, возникающую в ответ на воздействие чрезвычайного раздражения»¹. От физиологического аффекта необходимо отличать патологический аффект, который является одним из видов временного расстройства душевной деятельности и исключает вменяемость (ст. 11 УК). Физиологический аффект, наоборот, не исключает вменяемости, поскольку даже в самый сильный момент аффективной вспышки человек может «взять себя в руки»². Лица, совершающие те или иные действия в состоянии физиологического аффекта, признаются вменяемыми, поскольку у них «сохраняется в той или иной мере способность самообладания, не наблюдается глубокого помрачения сознания, сохраняется возможность действовать в известном соответствии с поводом, вызвавшим аффективную реакцию»³. Учитывая это особое состояние сознания, закон рассматривает совершение преступления в состоянии сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего, как обстоятельство, смягчающее ответственность (п. 5 ст. 38 УК). Одно из конкретных проявлений этого общего указания закона — ст. 104 УК⁴. Для квалификации убийства по этой статье особо важное значение имеет анализ субъективной стороны, которая характеризуется не только умыслом, мотивом, но и эмоциями, дающими специфическую окраску данному преступлению.

2. При убийстве в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения умысел может быть как *прямым*, так и *косвенным*. Мы не можем разделить высказанное В. И. Ткаченко мнение о том, что такое убийство совершается только с косвенным умыслом. Это утверждение не вытекает из закона и ничем не подтверждено автором. Его довод о том, что «умысел в этом случае возникает внезапно, человек в значительной мере теряет

¹Практикум по психологии, под ред. А. Н. Леонтьева и Ю. Б. Гипшенрейтер. М., изд-во МГУ, 1972, с. 208.

²Иванов П. И. Психология. М., Учпедгиз, 1959, с. 276.

³Судебная психиатрия. М., Госюриздат, 1954, с. 301.

⁴В Уголовных кодексах некоторых союзных республик, в статьях, предусматривающих ответственность за убийство в состоянии аффекта, отсутствуют слова: «а равно вызванного иными противозаконными действиями потерпевшего, если эти действия повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких» (ст. 96 УК Киргизской ССР, ст. 82 УК Узбекской ССР, ст. 101 УК Латвийской ССР, ст. 107 УК Литовской ССР, ст. 103 УК Эстонской ССР). В ст. 106 УК Грузинской ССР после слов: «вызванного противозаконным насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего» следуют слова: «в отношении виновного или его близких».

контроль над своими поступками, не может регулировать их интенсивность»¹, характеризует лишь момент возникновения умысла, а не его форму.

Не всегда правильно определяется соотношение состояния сильного душевного волнения и мотива убийства, предусмотренного ст. 104 УК. Б. В. Харазишвили, например, считает, что сильное душевное волнение является самостоятельным мотивом преступления². Это неверно. В действительности сильное душевное волнение — особое психическое состояние человека, которое оказывается почвой для формирования тех или иных мотивов, побуждающих к определенному поведению³. Именно от точного установления мотива в целом ряде случаев зависит правильное решение вопроса о квалификации убийства по ст. 104 УК. Хотя мотив здесь и не определяет квалификацию, но выяснение его нередко необходимо для ответа на вопрос, было ли состояние сильного душевного волнения у лица, совершившего убийство. Изучение практики показывает, что убийство, предусмотренное ст. 104 УК, в большинстве случаев совершается по мотиву мести или ревности. Эти мотивы чаще всего выступают побудительными причинами действий лица, виновного в таком убийстве.

3. Состояние сильного душевного волнения должно быть внезапно возникшим. Внезапность его возникновения тесно связана с возникновением мотива. Дело в том, что мотивы могут формироваться как спустя определенное время после появления обстоятельств, вызвавших их, так и внезапно, сразу же за этими обстоятельствами. В данном случае мотивы мести, ревности и другие возникают как непосредственная реакция на неправомерные действия потерпевшего. Мотив и внезапность возникновения сильного душевного волнения при убийстве не только тесно связанные, но и параллельно существующие категории, возникающие одновременно. В этом смысле можно говорить о внезапности возникновения и сильного душевного волнения, и мотива при убийстве, подлежащем квалификации по ст. 104 УК. Нельзя внезапность возникновения сильного душевного волнения подменять «внезапностью совершения преступления»⁴. Это не равнозначные ситуации. Убийство может быть совершено внезапно, а внезапности возникновения сильного душевного волнения, чего требует ст. 104 УК, может и не быть. Если же внезапность отсутствует, то отпадает и возможность относить совершенное преступление к данному виду убийства.

Внезапность возникновения сильного душевного волнения состоит в том, что оно является немедленно как ответная реакция на тяжкое оскорбление или насилие. Из этого следует, что разрыв во времени между тяжким оскорблением или насилием и сильным душевным волнением невозможен. Если допустить такой разрыв, то сильное душевное волнение будет лишено внезапности возникновения, которая характерна для физиологического аффекта.

4. Для правильного применения ст. 104 УК важное значение имеет разрешение вопроса о моменте возникновения и приведения в исполнение умысла на убийство и об условиях, в которых он возникает.

Внезапность, характеризующая возникновение сильного душевного волнения, мотива убийства, предусмотренного ст. 104 УК, характерна и для возникновения умысла на убийство. Такое убийство не может быть заранее задуманным, предумышленным, а следо-

¹Ткаченко В. И. Квалификация убийств и телесных повреждений, совершенных в состоянии сильного душевного волнения. — «Вопросы криминалистики», М., Госюриздат, 1964, № 12, с. 49.

²См.: Харазишвили Б. В. Вопросы мотива поведения преступника в советском праве. Тбилиси, 1963, с. 59.

³См.: Наумов А. В. Мотивы убийств, с. 100—101.

⁴В определении по делу П. утверждается: «Необходимым условием для признания убийства совершенным в состоянии сильного душевного волнения является внезапность совершения преступления как непосредственная реакция на насилие или тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего». — «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1968, № 2, с. 5.

вательно, какие-либо приговорительные действия к убийству исключают применение ст. 104 УК¹.

Характерным для убийства в состоянии аффекта является не только внезапность возникновения, но и «немедленное приведение в исполнение умысла на преступные действия»². Во всяком случае обстоятельства дела при квалификации убийства по ст. 104 УК должны свидетельствовать о том, что умысел на его совершение приведен в исполнение до окончания состояния внезапно возникшего сильного душевного волнения, которое «продолжается иногда всего лишь несколько минут»³.

По-иному должен решаться вопрос в тех случаях, когда возникший в состоянии сильного душевного волнения умысел на убийство не был приведен в исполнение сразу, а осуществлен после того, как это состояние прошло. Статья 104 УК при этих обстоятельствах не может быть применена. Такие убийства при отсутствии отягчающих обстоятельств подлежат квалификации по ст. 103 УК. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР признала правильной квалификацию действий Б., осужденного по ст. 103 УК за умышленное убийство Л., сославшись на то, что виновный после оскорбления его потерпевшим пошел домой, взял ружье, зарядил его, ходил к соседу и производил до совершения убийства другие действия. Верховный Суд РСФСР, таким образом, подчеркнул, что убийство не может быть квалифицировано по ст. 104 УК, если умысел на убийство не реализован сразу же в состоянии аффекта.

5. Анализ признаков, указанных в ст. 104 УК, позволяет, во-первых, выявить наличие или отсутствие физиологического аффекта и, во-вторых, признать или не признать имевший место физиологический аффект смягчающим обстоятельством, достаточным для квалификации убийства по этой статье.

Физиологический аффект может быть вызван как *физическим* насилием (причинение телесных повреждений, нанесение побоев и т. п.), так и *психическим* (угроза причинить физическое насилие, огласить заведомо клеветнические, позорящие сведения). Чаще всего в следственной и судебной практике в связи с убийством встречается состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванное физическим насилием.

Характерная черта насилия — противозаконность действий потерпевшего. В связи с этим не может быть квалифицировано по ст. 104 УК убийство, совершенное в таком состоянии лицом, которое подвергалось насилию на законном основании. Кроме того, во всех случаях, когда насилие явилось поводом для возникновения сильного душевного волнения и убийства, не исключается возможность и необходимой обороны или превышения ее пределов. В судебной практике встречаются убийства в состоянии необходимой обороны или с превышением ее пределов, когда лицо, совершившее убийство, находилось в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения. На это обстоятельство было указано в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г. «О практике применения судами законодательства о необходимой обороне»⁴.

Следовательно, прежде чем решить вопрос о квалификации действий лица, совершившего убийство в состоянии физиологического аффекта, вызванного насилием, необходимо исключить возможность квалификации убийства по ст. 105 УК (превышение пределов необходимой обороны) или прекращения дела по ст. 13 УК.

В некоторых случаях допускается неправильное понимание процесса возникновения сильного душевного волнения. По приговору Архангельского областного суда Л. был осуж-

¹ В связи с этим вряд ли верно утверждение о том, что для преступления, совершаемого в состоянии аффекта как сложного волевого действия, присуще «планирование, которое включает в себя выбор средств и путей, ведущих к достижению цели» (Дубинина М. И. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые в состоянии сильного душевного волнения. Автореф. канд. дисс., М., 1971, с. 5).

² Калашник Я. М. Судебная психиатрия. М., Госюриздат, 1961, с. 165.

³ Иванов П. И. Указ. соч., с. 276.

⁴ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973, с. 361.

ден за умышленное убийство Ш. В судебном заседании подсудимый утверждал, что он совершил убийство в состоянии аффекта. Суд, не согласившись с ним, указал в приговоре, что потерпевший после насилия над виновным «повернулся спиной» и «уже уходил». Президиум Верховного Суда РСФСР не согласился с доводами областного суда и переqualificировал действия Л. на ст. 104 УК. Следует отметить, что соображения, которые приводились в приговоре по этому делу, могут иметь значение при установлении наличия или отсутствия состояния необходимой обороны, но они не имеют значения при решении вопроса о применении ст. 104 УК. В этом случае вовсе не требуется, чтобы насилие продолжалось, достаточно установить факт только что совершенного насилия, вызвавшего состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения.

Тяжкое оскорбление как повод для возникновения внезапного сильного душевного волнения в практике встречается реже, чем насилие. Но определение понятия тяжкого оскорбления представляет большую сложность, чем определение понятия насилия. Некоторые авторы, рассматривающие этот вопрос, ограничиваются утверждением о том, что признание того или иного оскорбления тяжким является вопросом факта и входит в компетенцию суда¹. Против этого вряд ли можно возражать. Вместе с тем с нашей точки зрения, есть основания попытаться хотя бы в общих чертах выяснить, в чем же состоит тяжкое оскорбление, достаточное для того, чтобы вызвать состояние физиологического аффекта.

Для определения наличия или отсутствия состояния аффекта при убийстве, вызванного тяжким оскорблением, важное значение имеет *степень тяжести* оскорбления. Прежде всего следует подчеркнуть, что далеко не всякое оскорбление можно считать в такой степени тяжким, чтобы оно вызвало состояние аффекта и повлекло убийство.

Изучение следственной и судебной практики показывает, что степень тяжести оскорбления не всегда правильно определяется, когда речь идет о наличии или отсутствии состояния аффекта при убийстве. Суды в ряде случаев необоснованно отказываются признать убийство совершенным в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, ссылаясь на то, что оскорбление не было тяжким. При этом не всегда учитываются в совокупности все действия и поведение потерпевшего как перед убийством непосредственно, так и совершенные им несколько раньше.

Кемеровский областной суд осудил З. за убийство своего мужа М. В судебном заседании подсудимая признала себя виновной и показала, что М. систематически издевался над нею (избивал и оскорблял) и в день убийства вновь оскорбил, заявив, что он не является отцом ребенка, которым она беременна, и поэтому совместную жизнь продолжать больше не будет. В ответ на это З. схватила топор и несколько раз ударила М. по голове. Суд не признал оскорбление З. тяжким и осудил ее за убийство из мести. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР не согласилась с решением о тяжести оскорбления З., сославшись на то, что М. систематически скандалил, пьянствовал, оскорблял и истязал З. Все это переполнило «чашу терпения» и при очередном оскорблении, унижающем достоинство З., привело ее в состояние физиологического аффекта. Тем более что, как утверждала З., она не хотела убить мужа и не помнит обстоятельств убийства. Кроме того, при решении вопроса о тяжести оскорбления, а следовательно, и о наличии внезапно возникшего сильного душевного волнения суд обязан был учесть, что З. была беременна.

При определении тяжести оскорбления не могут не учитываться индивидуальные особенности виновного, совершившего убийство. Известно, что к таким особенностям относятся и беременность, при которой наблюдается повышенная возбудимость психики женщины. Вместе с тем нельзя переоценивать значение индивидуальных особенностей личности виновного при решении вопроса о том, является ли оскорбление тяжким, как это

¹См.: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. Л., изд-во ЛГУ, 1962, с. 216; Уголовный кодекс Эстонской ССР. Комментированное издание. Таллин, 1968, с. 278.

делает, например, В. И. Ткаченко. Он считает, что при определении тяжести оскорбления «необходимо всегда учитывать состояние физического и психического здоровья человека»¹. Это привело бы к утрате общепринятого эталона поведения в обществе. По нашему мнению, субъективная оценка виновным характера нанесенного оскорбления без учета всех данных, имеющих в доле, не может служить основанием для признания убийства совершенным в состоянии аффекта.

В юридической литературе спорным считается вопрос о том, следует ли признать оскорбление тяжким при нарушении супружеской верности в присутствии одного из супругов. На этот вопрос ответить заранее для всех случаев, по нашему мнению, невозможно. Из анализа дел об убийстве следует, что существуют самые различные обстоятельства, которые учитываются судами по таким делам при решении вопроса о применении ст. 104 УК.

Президиум Верховного Суда РСФСР, например, признал тяжким оскорблением, вызвавшим внезапно возникшее сильное душевное волнение у Г., который убил в своей квартире жену, обнаружив ее в постели с неизвестным мужчиной. Президиум указал, что состояние аффекта у осужденного было вызвано тяжким оскорблением его супружеских чувств со стороны потерпевшей. По другому делу Л. был осужден за то, что совершил убийство жены в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, застав ее ночью в квартире наедине со своим товарищем С. Президиум отменил приговор и признал, что действия потерпевшей нельзя считать тяжким оскорблением для Л., поскольку он с женой в течение двух недель не проживал, пытался создать семью с другой женщиной, в квартиру жены зашел случайно, без намерения возобновить супружеские отношения.

Сопоставление обстоятельств убийства по каждому из этих дел показывает, что Президиум Верховного Суда РСФСР не просто учитывал один факт измены супруга, а оценивал все данные в совокупности.

В ст. 104 УК указывается также на то, что сильное душевное волнение может быть вызвано, кроме насилия или тяжкого оскорбления, также *иными противозаконными действиями* потерпевшего, если эти действия, повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких. Необходимость такого указания в ст. 104 УК объясняется тем, что насилие и тяжкое оскорбление не исчерпывают всех возможных поводов возникновения внезапно сильного душевного волнения, повлекшего причинение смерти потерпевшему. Под иными противозаконными действиями следует понимать такие действия, совершенные потерпевшим, которые не могут быть признаны ни насилием, ни оскорблением и вместе с тем характеризуются грубым нарушением прав и законных интересов виновного или его близких (причинение смерти либо вреда здоровью не в результате насилия, самоуправство, клевета и т. п.). Однако само совершение иных противозаконных действий еще недостаточно для того, чтобы признать установленным факт физиологического аффекта. Необходимо, чтобы эти противозаконные действия *повлекли или могли повлечь наступление тяжких последствий для виновного или его близких*. Это обстоятельство на практике не всегда учитывается. Так, одним из народных судов Владимирской области по ст. ст. 15 и 104 УК были квалифицированы действия Н., покушавшегося на убийство инспектора рыбохозяйства, который составил акт о якобы имевшем место нарушении Н. правил ловли рыбы и потребовал штраф. Было установлено, что Н. в действительности никаких правил не нарушал. Хотя инспектор рыбохозяйства действовал незаконно, по данному делу нет достаточных оснований признать, что Н. находился в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения. Действия инспектора не повлекли и не могли повлечь для виновного тяжких последствий, о которых упоминает закон.

¹ Ткаченко В. И. Указ. соч., с. 41.

В качестве примеров возникновения состояния аффекта в результате иных противозаконных действий, повлекших тяжкие последствия, можно привести убийство шофера автобуса отцом ребенка, который был задавлен в присутствии виновного в результате нарушения потерпевшим правил уличного движения, убийство лица, совершившего поджог дома или иного имущества.

Из ст. 104 УК следует, что внезапное сильное душевное волнение и как следствие его умысел на убийство могут возникнуть не только у того лица, которому причинено насилие или нанесено оскорбление, но и у других лиц, которым об этом факте стало известно. На практике этот вопрос возникал и решался положительно. Так, Ц. был осужден за убийство В., который жестоко избил его несовершеннолетнего сына. Вечером в дом Ц. соседи принесли его сына, рассказав, что мальчика избивал палкой В. Сын Ц. находился без сознания и был весь окровавлен, его одежда порвана. Еще в детстве он лишился одного глаза, а теперь второй глаз после избиения оказался залитым кровью. Возмущенный Ц. схватил ружье, выбежал на улицу, и, встретив недалеко от своего дома В., застрелил его. Президиум Верховного Суда РСФСР признал, что Ц. совершил убийство в состоянии аффекта. В данном случае действия Ц. были вызваны насилием в отношении сына, оно возмутило Ц., но к нему не относилось. Действия же потерпевшего были противозаконными, повлекшими тяжкие последствия для близкого Ц. человека¹.

Противозаконные действия в отношении другого лица и особенно в отношении детей, женщин и стариков вызывают справедливое чувство негодования у каждого человека. Тем более оно присуще родственникам или знакомым лица, подвергшегося насилию или тяжкому оскорблению. Поэтому было бы неправильным считать это чувство третьих лиц низким или отягчающим ответственность в случае убийства в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения.

Обязательным условием применения ст. 104 УК при убийстве являются насилие, тяжкое оскорбление или иные противозаконные действия *потерпевшего*, которые вызвали состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения. Отсутствие этого условия Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР признала основанием для отмены приговора в отношении Ч., осужденной по ст. 104 УК за убийство своего мужа Х. при следующих обстоятельствах. Х. в пьяном виде заснул на берегу реки Камы. Увидев мужа в таком состоянии и убедившись, что в карманах его одежды нет полученной в тот день зарплаты, а на руках — часов, Ч. нанесла ему множество ударов палкой по голове. От полученных повреждений Х. умер. Судебная коллегия подчеркнула, что состояние сильного душевного волнения Ч. было вызвано не противоправными действиями потерпевшего, а иными причинами, не указанными в законе в качестве условия применения ст. 104 УК.

Возникает еще один вопрос, имеющий равное значение для определения понятия как насилия, тяжкого оскорбления, так и иных противозаконных действий: о субъективной стороне всех этих действий потерпевшего. С нашей точки зрения, отношение потерпевшего к своим действиям не может быть одинаковым при насилии, тяжком оскорблении и при совершении иных противозаконных действий.

Что касается насилия и тяжкого оскорбления, которые могут вызвать состояние физиологического аффекта, то каждое из них должно быть нанесено умышленно. При изучении следственной и судебной практики нам не встретилось ни одного случая квалификации убийства по ст. 104 УК, когда оно было бы совершено в состоянии сильного душевного волнения, внезапно возникшего в результате насилия или тяжкого оскорбления со стороны потерпевшего, причиненных по неосторожности. Такое положение не случайно. Насилие, причиненное по неосторожности, в силу его характера не дает достаточных осно-

¹См. также дело по обвинению Г. — «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1973, № 1, с. 8—9.

ваний расценивать возникшее в связи с этим сильное душевное волнение как смягчающее обстоятельство. Оскорбить же по неосторожности вообще немислимо.

По-другому должен решаться вопрос об отношении потерпевшего к иным противозаконным действиям, которые вызывают физиологический аффект. Они могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности. Выше уже приводился пример, когда шофер, управляя автобусом, наехал на мальчика и задавил его. Эти противозаконные действия он совершил по неосторожности, однако состояние аффекта при убийстве, совершенном отцом мальчика в результате этих действий, бесспорно. В качестве примера умышленного совершения потерпевшим иных противозаконных действий можно привести самоуправство.

6. В литературе обсуждался вопрос о необходимости проведения судебной экспертизы для определения внезапно возникшего сильного душевного волнения. Были высказаны различные мнения. Одни авторы предлагают проводить судебно-психологическую экспертизу¹, другие — комплексную психологическо-психиатрическую экспертизу². На практике встречаются случаи назначения судебно-психиатрической экспертизы.

Как уже отмечалось, состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения — это особое эмоциональное состояние психически здорового человека. На этом основании нам представляется правильным мнение тех авторов, которые высказываются за назначение в таких случаях судебно-психологической, а не судебно-психиатрической экспертизы, исследующей болезненное состояние психики.

Что касается предложения о назначении комплексной психологическо-психиатрической экспертизы, то ее вовсе исключить нельзя для тех случаев, когда необходимо разграничить физиологический и патологический аффекты. Однако назначать такую экспертизу во всех случаях для определения состояния физиологического аффекта нет никакой необходимости. Длительное изучение следственной и судебной практики не выявило ни одного случая, когда бы такой вопрос возникал. Не приводит их и автор этого предложения.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что пределы компетенции эксперта-психолога ограничены выявлением наличия или отсутствия состояния физиологического аффекта. Исследования психологов подтверждают принципиальную возможность обоснованного ответа на этот вопрос. Установлено, что следы от каждого пережитого аффекта остаются в психике довольно долгое время. Дело в том, что во время аффекта «в организме происходит ряд функциональных сдвигов, большинство которых выходит из-под контроля сознания. Это выражается в изменениях биохимических, физиологических и психологических процессов»³.

Вопрос о внезапности возникновения сильного душевного волнения эксперт-психолог, по нашему мнению, не может решать. Это оценочная категория. Верховный Суд РСФСР, квалифицируя действия Д. по ст. 104 УК, подчеркнул, что «при решении вопроса о том, являлось ли сильное душевное волнение лица внезапно возникшим, суд должен исходить из совокупности конкретных обстоятельств дела»⁴.

7. В тех случаях, когда лицо, ранее совершившее умышленное убийство, совершает убийство в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, последнее преступление должно квалифицироваться по ст. 104 УК. Из п. «и» ст. 102 УК следует, что

¹См.: Фрейеров О. Е. О пределах компетенции эксперта-психиатра в уголовном процессе. — «Сов. государство и право», 1964, № 8, с. 114; Экмекчи А. О судебно-психиатрической экспертизе. — «Сов. юстиция», 1968, № 6, с. 11.

²См.: Ткаченко В. Для установления сильного душевного волнения необходимо проведение экспертизы. — «Сов. юстиция», 1971, № 5, с. 12.

³Практикум по психологии, с. 208—209.

⁴«Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1973, № 8, с. 6.

умышленное убийство не может считаться повторным, если прежнее убийство было признано совершенным в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения. Такое решение является принципиальным. Нельзя устанавливать равную ответственность за повторное умышленное убийство, предусмотренное ст. ст. 102 или 103 УК, и за умышленное убийство, предусмотренное этими же статьями, совершенное лицом, ранее совершившим убийство при смягчающих обстоятельствах. Равным образом поэтому не может быть квалифицировано по п. «и» ст. 102 УК убийство, совершенное в состоянии аффекта, лицом, ранее уже совершившим умышленное убийство, предусмотренное ст.ст. 102 и 103 УК¹.

8. Как уже отмечалось, некоторая часть следователей и судей придерживается мнения о том, что так называемое убийство в драке должно квалифицироваться по ст. 103 УК. Не говоря уже о том, что убийство в драке далеко не всегда исключает применение ст. 102 УК, необходимо отметить, что о возможности применения при определенных условиях по таким делам ст. 104 УК вообще зачастую забывают. В качестве примера можно привести дело по обвинению Г., который был осужден за умышленное убийство без отягчающих обстоятельств. Суд указал, что Г. убил П. в драке. Президиум Верховного Суда РСФСР установил, что П. на улице подошел к незнакомому ему Г. и беспричинно ударил его кулаком по лицу. В ответ Г. ударил кулаком П. Затем П. нанес еще несколько ударов по лицу Г. и отбежал. Г. достал из висевшей на боку сумки сапожный нож и ударил им П. в грудь. От полученного ранения П. умер. Президиум указал, что Г. совершил убийство в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, которое было вызвано хулиганскими действиями потерпевшего.

Таким образом, в ряде случаев так называемое убийство в драке, квалифицированное по ст. 103 УК, при более внимательном и глубоком исследовании обстоятельств совершенного преступления оказывается убийством в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения.

5.2 Убийство при превышении пределов необходимой обороны

1. Институт необходимой обороны в советском уголовном праве является одним из средств укрепления общественного порядка, защиты интересов Советского государства, общества и отдельных граждан.

Действия, направленные на отражение общественно опасного посягательства, вытекают из неотъемлемого права советских граждан на оборону, они не только не содержат состава преступления как не представляющие общественной опасности, но, наоборот, способствуют укреплению социалистического правопорядка, а правильное разрешение уголовных дел, связанных с применением института необходимой обороны, способствует активизации населения в борьбе с преступностью². Только при превышении пределов необходимой обороны лицо, обороняющееся от общественно опасного посягательства, подлежит привлечению к уголовной ответственности. Но и в этом случае преступление признается совершенным при смягчающих обстоятельствах (п. 6 ст. 38 УК), однако оно, как правило, не влечет иную квалификацию. Убийство же при превышении пределов необходимой обороны подлежит квалификации по ст. 105 УК.

Для решения вопроса о том, было ли совершено убийство при превышении пределов необходимой обороны, должно быть выяснено, было ли состояние необходимой обороны.

¹См. также гл. 2, где рассматриваются вопросы квалификации убийств, совершенных одновременно и при отягчающих и при смягчающих обстоятельствах.

²См.: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г. «О практике применения судами законодательства о необходимой обороне». — Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973, с. 360.

Очевидно, что нельзя превысить пределы необходимой обороны, если выясняется, что ее вообще не было.

Для правильной квалификации убийства по ст. 105 УК первостепенное значение имеет установление критерия, позволяющего сделать вывод о том, что пределы необходимой обороны действительно были превышены. Таким критерием закон считает *явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства* (ч. 2 ст. 13 УК). Такое указание законодателя значительно облегчает следственным и судебным органам решать в каждом конкретном случае вопрос о наличии или отсутствии превышения пределов необходимой обороны. Вместе с тем практика свидетельствует о том, что данный вопрос не во всех случаях разрешается правильно. Как будет показано, по многим аспектам, связанным с превышением пределов необходимой обороны, нет единого мнения и в литературе.

По нашему мнению, формулировка ч. 2 ст. 13 УК дает основания утверждать, что пределы необходимой обороны могут быть превышены как в результате несоразмерности средств защиты и нападения, включая интенсивность действий сторон и ценность защищаемого блага, так и в результате несвоевременной (запоздалой) обороны.

2. Изучение судебной практики показывает, что превышение пределов необходимой обороны в результате несоразмерности средств защиты и нападения, включая оценку интенсивности действий сторон и ценности защищаемого блага, встречается чаще, чем превышение пределов необходимой обороны в результате несвоевременности защиты.

В ч. 1 ст. 13 УК указано, что право на необходимую оборону возникает, когда осуществляется защита от общественно опасного посягательства, направленного против интересов Советского государства, общественных интересов, личности или прав обороняющегося или другого лица. Из этого следует, что общественно опасное посягательство должно быть таким, чтобы в результате этого посягательства были поставлены под угрозу интересы Советского государства, общества или законные права личности.

Анализируя практику применения ст. 105 УК, когда пределы необходимой обороны оказываются превышенными в результате несоразмерности защиты с интенсивностью нападения и характером защищаемого интереса, необходимо отметить, что наиболее распространенной ошибкой по делам этой категории является сужение прав граждан на необходимую оборону. При этом лишение жизни нападающего в состоянии необходимой обороны ошибочно признается убийством при превышении пределов необходимой обороны. Пределы необходимой обороны признаются превышенными в тех случаях, когда интенсивность защиты или ее средства не соответствуют точно интенсивности или средствам нападения¹.

Пленум Верховного Суда СССР в упомянутом постановлении от 4 декабря 1969 г. подчеркнул, что некоторые суды полагают, что защищающийся имеет право отражать нападение только соразмерными средствами, и без учета конкретных обстоятельств дела признают пределы необходимой обороны превышенными в тех случаях, когда нет соразмерности между актом нападения и актом защиты в отношении как средств защиты, так и наступивших последствий. Пленум далее указал: «Разрешая вопрос о наличии или отсутствии признаков превышения пределов необходимой обороны, суды не должны механически исходить из требования соразмерности средств защиты и средств нападения, а также соразмерности интенсивности защиты и нападения, а должны учитывать как степень и характер опасности, угрожавшей обороняющемуся, так и его силы и возможности по отражению нападения (количество нападавших и оборонявшихся, их возраст, физическое состояние, наличие оружия, место и время посягательства и др. обстоятельства, которые могли повлиять на реальное соотношение сил посягавшего и защищавшегося)».

Таким образом, разрешение вопроса о правомерности вреда, причиненного нападающему лицом, осуществляющим оборону, зависит от: характера (ценности) защищаемого интереса; соразмерности средств защиты и нападения; интенсивности средств защиты и

¹См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1962, № 1, с. 16; 1971, № 4, с. 17.

нападения; ряда других обстоятельств, характеризующих соотношение сил нападающего и обороняющегося и обстановку посягательства.

А. Защита от общественно опасного посягательства уже в силу ее необходимости предполагает соответствие интереса (блага) защищаемого (важность его сохранения в неприкосновенности) тому вреду, который может быть причинен, но лишь в самых общих чертах. Закон признает неправомерным вред только при явном несоответствии ценности блага, которое защищалось, тому вреду, который причинен нападающему. Поэтому мы согласны с А. Я. Груном, который считает, что от нападения, опасного для жизни обороняющегося или другого лица, можно защищаться любыми средствами и способами, не угрожающими здоровью или жизни третьих лиц¹. В то же время это не означает, что от нападения, не угрожающего жизни, ни при каких обстоятельствах нельзя защищаться способом, угрожающим жизни нападающего. Очевидно, что женщина, подвергшаяся нападению лица, покушавшегося на изнасилование, вправе защищаться любыми средствами и причинить тяжкий вред нападающему.

Изучение практики в Верховном Суде СССР показало, что не всегда правильно оценивается ценность блага, на которое совершается посягательство. В ряде случаев право необходимой обороны признается за лицом только при преступном посягательстве на него самого или на его права, хотя согласно закону граждане имеют право защищать от такого посягательства интересы Советского государства, общественные интересы, а также личность и права другого лица, которое подвергается посягательству. Кстати, иногда под «преступным посягательством» понимаются лишь те преступления, которые связаны с нападением, хотя граждане, осуществляя свое право на необходимую оборону, вправе защищать указанные интересы и от других посягательств².

Б. Соразмерность средств защиты и нападения — это прежде всего вопрос о том, какими средствами пользовался посягающий при нападении и чем, каким образом защищался обороняющийся. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 4 декабря 1969 г. обязал суды при его разрешении учитывать то обстоятельство, что в случаях душевного волнения, вызванного нападением, его внезапностью, обороняющийся не всегда в состоянии точно взвесить характер опасности и избрать соразмерные средства защиты, что, естественно, может повлечь и более тяжкие последствия, за которые он не может нести ответственности³.

Изучение практики показывает, что при определении соразмерности средств защиты и нападения чаще всего разрешается вопрос о правомерности применения оружия или предметов, его заменяющих, при защите от общественно опасного посягательства. Органам следствия и суду его приходится обсуждать почти по каждому уголовному делу, где речь идет о необходимой обороне или о превышении ее пределов. В тех случаях, когда обороняющийся применяет те же средства защиты, что и посягающий для нападения, этот вопрос, как правило, не вызывает больших трудностей. Он возникает тогда, когда при защите применены более эффективные средства, чем при нападении. В судебной практике встречаются случаи механического признания превышения пределов необходимой обороны лишь на том основании, что обороняющийся применил оружие, а нападающий не был

¹См.: Грун А. Я. Назревшие вопросы необходимой обороны. — «Соц. законность», 1958, № 1, с. 22. Под третьими лицами имеются в виду не участники нападения. Если таким лицам причиняется вред при превышении пределов необходимой обороны, то ответственность виновного, по нашему мнению, должна наступать в зависимости от формы вины за умышленное или неосторожное преступление (например, убийство или телесное повреждение).

²См.: Дзентис Я. Судебная практика по делам о необходимой обороне. — «Сов. юстиция», 1970, № 2, с. 5.

³Состоянию сильного душевного волнения при необходимой обороне законодательство некоторых социалистических стран придает решающее значение. Так, в ст. 17 УК ГДР говорится, что обоснованное волнение высшей степени (аффект), вызванное нападением и ставшее причиной превышения пределов необходимой обороны, может служить основанием для освобождения от уголовной ответственности.

вооружен. Нередко такой подход приводит к необоснованному осуждению. Так, Минским областным судом З. была осуждена по ст. 103 УК БССР за убийство К. при превышении пределов необходимой обороны. Суд установил, что осужденная и потерпевший в течение нескольких лет часто встречались. Затем З. прекратила встречи с К. и уговаривала его оставить ее в покое. Однажды К., находясь в нетрезвом состоянии, пришел в дом, где проживала З., и стал стучать в дверь, но она его не пустила. В этот момент они нанесли друг другу оскорбления. Продолжая требовать открыть ему дверь, К. стал угрожать З. убийством, затем начал ломать дверь. Когда он выломал филенку двери, З. взяла висевшее на стене ружье, зарядила его и в пролом двери произвела два выстрела, которыми убила К.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда БССР отменила приговор, а дело производством прекратила, указав на то, что З. находилась в состоянии необходимой обороны. Однако это определение было отменено Пленумом Верховного Суда БССР и при новом рассмотрении дела в кассационном порядке действия З. были квалифицированы по ст. 103 УК БССР.

Пленум Верховного Суда СССР не согласился с такой оценкой действий З. и указал, что средства защиты, примененные ею, соответствуют конкретной обстановке, сложившейся в результате неправомерных действий К., степени и характеру угрожавшей опасности, а также силам и возможностям З. по отражению нападения. Пленум признал осуждение З. необоснованным.

Приведенный пример убедительно показывает несостоятельность попыток заранее предопределить неправомерность вооруженной защиты от невооруженного нападения.

В. Анализ соотношения интенсивности нападения и защиты по многим делам этой категории имеет важное значение. В самом деле, чем интенсивнее действует нападающий, тем большую угрозу для обороняющегося он создает, заставляя его также действовать интенсивнее.

В настоящее время взгляд, согласно которому лицо, подвергшееся общественно опасному посягательству, вправе *активно* защищаться от нападения, в литературе считается общепризнанным. В судебной практике, к сожалению, до последнего времени встречаются случаи, когда правомерность активной защиты от нападения ставится под сомнение, если лицо, подвергшееся нападению, имеет возможность спастись бегством, обратиться к органам власти, к гражданам или избрать какие-либо иные способы защиты, не носящие характера активного сопротивления посягающему.

Так, прокуратурой Брянской области был привлечен к уголовной ответственности работник милиции А. за убийство М. при следующих обстоятельствах. А. в 12 часов ночи шел домой из дома культуры по пустынной улице районного центра, прилегающей к парку. Неожиданно из-за столба выскочил М., бывший в нетрезвом состоянии, напал на А., угрожая «рассчитаться по всем правилам», а когда А. попытался убежать, то М. настиг его со словами: «Теперь ты от меня не уйдешь». В этот момент А. обнажил оружие, предупредил М. окриком и выстрелом вверх, но М. продолжал наступать с ножом в руке. А. выстрелил в М. и убил его.

Суд оправдал А., считая, что он действовал в состоянии необходимой обороны. По протесту прокурора оправдательный приговор был отменен. Только Президиум Верховного Суда РСФСР признал оправдательный приговор правильным и указал в постановлении, что у А. были все основания для активной обороны от общественно опасного посягательства.

Отступление от лица, совершающего общественно опасное посягательство, или бегство от него ни при каких условиях не может способствовать борьбе с правонарушениями. Наоборот, это создавало бы обстановку безнаказанности для правонарушителей. Тем более недопустимо выдвигать такое условие правомерности действий для работников милиции,

призванных охранять общественный порядок. Бегство работника милиции от нападающего преступника при наличии возможности пресечь преступление должно рассматриваться как грубое нарушение им своих служебных обязанностей.

Выяснение соотношения интенсивности нападения и защиты по большинству дел позволяет более полно и всесторонне выяснить характер и опасность посягательства. В то же время необходимо учитывать, что понятие интенсивности нападения не всегда применимо для характеристики нападения. Нельзя, к примеру, один выстрел из ружья произвести более или менее интенсивно. Здесь общественная опасность достаточно полно характеризуется средством нападения.

Г. Чтобы правильно решить вопрос о наличии или отсутствии превышения пределов необходимой обороны в случае причинения смерти нападавшему, необходимо учитывать также обстоятельства, характеризующие соотношение сил сторон и обстановку посягательства. Учет такого рода обстоятельств по некоторым делам может иметь решающее значение для вынесения законного и обоснованного приговора. Так, не может не учитываться соотношение сил нападающего и обороняющегося, способность последнего к отражению посягательства. Имеет значение возраст, пол, физическая подготовка и сила. Например, для отражения нападения физически сильного невооруженного мужчины престарелым человеком или подростком будет оправдано применение в качестве средств защиты оружия или предметов, его заменяющих, и соответственное причинение вреда нападающему. Наоборот, для отражения нападения физически слабого человека лицом, обладающим достаточной физической силой, применение оружия может повлечь превышение пределов необходимой обороны.

Число лиц, совершающих общественно опасное посягательство, оказывает определенное влияние на его оценку. Пленум Верховного Суда СССР, признавая необоснованным осуждение Н. за убийство при превышении пределов необходимой обороны (он ударил потерпевшего И. камнем по голове), указал: «Н. применил средства защиты непосредственно в момент нападения, когда его здоровью и жизни угрожала реальная опасность, и примененные им средства защиты, имея в виду численное превосходство нападающих, уже дважды избивавших его в этот вечер... соответствовали характеру и опасности посягательства».

Даже тогда, когда нападение осуществляет одно лицо, а другие сообщники не проявляют активности и поддерживают его лишь своим присутствием, опасность посягательства возрастает. Для обороняющегося в таких случаях очевидно, что в любую минуту в результате вмешательства других лиц соотношение сил может резко измениться в пользу нападающего.

Имеет значение и обстановка, в которой происходит посягательство. Например, в лесу или на пустынной улице нападение требует более решительных средств защиты, чем нападение, совершенное днем на людной улице, где есть возможность прибегнуть к помощи других лиц. Правда, при этом необходимо иметь в виду, что при наличии общественно опасного посягательства, угрожающего жизни, не всегда есть возможность обратиться за помощью к другим лицам. Во всяком случае, как уже подчеркивалось, обращение за помощью к другим лицам не должно оказывать влияния на решение вопроса о правомерности причиненного вреда.

Приведенные выше обстоятельства, относящиеся к характеристике защищаемого блага, соразмерности средств защиты и нападения, их интенсивности, соотношения сил сторон и обстановки, в которой совершается посягательство, для правильного разрешения вопроса о квалификации убийства по ст. 105 УК должны оцениваться в совокупности. Разумеется, значимость указанных обстоятельств в каждом конкретном случае различна и подлежит индивидуальной оценке.

3. Закон (ст. 13 УК) не содержит указания об определении начала и окончания состояния необходимой обороны.

Представляется, что не может быть состояния необходимой обороны до того, как возникла непосредственная угроза нападения и охраняемые законом права и интересы оказались в опасности. Вместе с тем право на необходимую оборону возникает не только при осуществлении нападения, но и в тех случаях, когда имеется реальная опасность приведения угрозы расправой в немедленное исполнение¹. С другой стороны, лицо, подвергнувшееся нападению, имеет право на оборону в течение всего общественно опасного посягательства до того момента, когда для него становится очевидным, что нападение окончилось. Это общие положения, которые, по нашему мнению, могли бы служить основой для определения границ состояния необходимой обороны во времени. В литературе по данному вопросу нет единого мнения. Многие авторы допускают возможность превышения пределов необходимой обороны не только вследствие несоразмерности защиты и характера происходящего нападения, но и вследствие несвоевременности обороны².

В. Ф. Кириченко, И. И. Слуцкий и некоторые другие криминалисты полагают, что превышение пределов необходимой обороны возможно только при несоразмерности интенсивности защиты с интенсивностью нападения и характером защищаемого интереса³. Несвоевременность защиты эти авторы либо рассматривают как второстепенный, дополняющий признак, либо вообще не относят к превышению пределов необходимой обороны, ссылаясь на то, что при нарушении границ необходимой обороны во времени отсутствует состояние необходимой обороны и потому не может быть и речи о превышении ее пределов.

По нашему мнению, наиболее обоснованна позиция, которую занимал А. А. Пионтовский. По его мнению, В. Ф. Кириченко и И. И. Слуцкий «правы лишь наполовину. В тех случаях, когда... опасность посягательства не была еще наличной, нельзя говорить о возникновении права на необходимую оборону. Поэтому причинение вреда лицу, которое может лишь в будущем совершить нападение, нельзя рассматривать как превышение пределов необходимой обороны⁴. Превышение пределов необходимой обороны при ее несвоевременности будет лишь тогда, когда преступное посягательство имело место в

¹По Уголовному кодексу ЧССР в состоянии необходимой обороны предотвращается «непосредственно грозящее или продолжающееся нападение на интерес, охраняемый настоящим законом» (§ 13).

²См.: *Шаргородский М. Д.* Преступления против жизни и здоровья. М., Юриздат, 1948, с. 233; *Пионтовский А. А., Меньшагин В. Д.* Курс советского уголовного права. Часть Особенная, т. II, М., Юриздат, 1955, с. 554; *Владимиров В. А.* Признаки и квалификация преступлений, совершаемых в результате превышения пределов необходимой обороны. — «Труды Высшей школы МВД СССР», вып. 3, М., 1959, с. 139—146; *Якубович М. И.* Вопросы теории и практики необходимой обороны. М., изд-во Высшей школы МВД, 1961, с. 128—136; *Тишкевич И. С.* Условия и пределы необходимой обороны. М., «Юридическая литература», 1969, с. 86—92, и др.

³См.: *Кириченко В. Ф.* Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве. М., изд-во АН СССР, 1948, с. 86—87; *Слуцкий И. И.* Необходимая оборона в советском уголовном праве. — «Ученые записки ЛГУ», № 129, вып. 3, 1951, с. 216—217; *Кригер Г. А.* К вопросу о разграничении убийства в состоянии аффекта и убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны. — «Вестник Московского университета», 1961, № 1, с. 38, и др.

⁴Ни один из авторов, отстаивающих возможность превышения пределов необходимой обороны при так называемой преждевременной обороне, не может привести случая из практики последних лет. И. С. Тишкевич ссылается на постановления Президиума Верховного Суда РСФСР по делу А., который, сидя верхом на лошади, с расстояния 5—6 м выстрелил в Ш., угрожавшего убийством и с ножом в руках приближавшегося к А., несмотря на предупреждение последнего, что он будет стрелять (см.: Тишкевич И. С. Условия и пределы необходимой обороны. М., «Юридическая литература», 1969, с. 86). Однако в данном случае не было преждевременной обороны. Суд квалифицировал действия А. по ст. 103 УК, не признав, что нападение Ш. на А. было действительным и реальным. Президиум Верховного Суда РСФСР эти доводы суда счел неубедительными и указал, что А. совершил убийство при превышении пределов необходимой обороны (см.: Сборник постановлений Пленума, Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, 1961—1963 гг., с. 107). Следовательно, Президиум нашел, что нападение было действительным и реальным, но А. превысил пределы необходимой обороны. Преждевременной обороны в данном случае не было, поэтому, вполне понятно, о ней в постановлении Президиума ничего не говорится.

действительности, а потому и существовало право на необходимую оборону у потерпевшего или у других лиц, но преступник уже прекратил нападение: опасность нападения миновала или преступный результат уже полностью осуществлен. В этих случаях при *определенных условиях* (курсив наш. — С. Б.) можно говорить о превышении пределов необходимой обороны»¹.

А. А. Пионтковский правильно исходил из того, что лицо, только что подвергшееся общественно опасному посягательству, не должно нести ответственность за причиненный вред нападавшему на общих основаниях. Ответственность в таких случаях должна быть менее строгой потому, что лицо находится еще под впечатлением произведенного на него нападения. Такая позиция подтверждается практикой Президиума Верховного Суда РСФСР. По приговору Хакасского областного суда Б. был осужден за убийство Л. из мести и за покушение на убийство К. Обстоятельства совершения преступления заключались в следующем. Б. проживал в г. Абакане в собственном доме по соседству с К. и Л., которые неоднократно выражали ему свою неприязнь. В один из дней они вызвали Б. из дома на улицу и начали беспричинно избивать его кулаками, ногами, обутыми в сапоги, и палкой. Во время избиения Б. вырвал у К. палку, забежал во двор и закрыл калитку. К. и Л., подбежав к калитке, начали ее дергать. Б. в это время забежал в дом, взял ружье и выстрелил в К., ранив его. Затем Б. выстрелил в пытавшегося убежать Л., который вскоре от полученного ранения умер. Рассмотрев дело, Президиум Верховного Суда РСФСР указал, что со стороны К. и Л. имело место неожиданное и ничем не спровоцированное нападение на Б. и избиение его. «Вместе с тем из описанных обстоятельств преступления видно, что после того, как Б. произвел первый выстрел и легко ранил К., нападение фактически было окончено. Стреляя после этого в Л., который пытался убежать, Б. совершил убийство с превышением пределов необходимой обороны».

В данном случае Б., стреляя в Л., действовал сразу же, без промедления. Его действия по сути дела явились продолжением отражения нападения, но были совершены в тот момент, когда для него было очевидно, что нападение фактически окончилось.

Анализ данного примера приводит к выводу, что впечатление о совершенном нападении, которым руководствуется виновный, «отражая» явно чрезмерными средствами защиты уже оконченное нападение, должно быть ограничено *мгновенными* ответными действиями. Если же после окончания общественно опасного посягательства виновный совершает убийство через более или менее длительный промежуток времени, то оно должно расцениваться в зависимости от конкретных обстоятельств дела совершенным либо в состоянии аффекта (ст. 104 УК), либо на почве мести (ст. 103 УК).

Изучение судебной практики показывает, что встречаются и такие случаи, когда защита применяется после окончания нападения при отсутствии внезапно возникшего сильного душевного волнения. Такое убийство, как правило, свидетельствует о проявлении различного рода низменных побуждений, с которыми в нашем обществе ведется решительная борьба. В таких случаях необходимо руководствоваться п. 4 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г., в котором говорится: «Не признаются законом совершенными в состоянии необходимой обороны действия обороняющегося, причинившие вред нападавшему, лишь в том случае, если они были совершены уже после того, как нападение было предотвращено или окончено и в применении средств защиты уже явно миновала необходимость, и, следовательно, эти действия выступали как акт мести — самочинной расправы. В этих случаях ответственность наступает на общих основаниях, как за умышленное преступление».

Таким образом, в зависимости от конкретных обстоятельств дела при запоздалой обороне, сопряженной с лишением жизни нападавшего, применение ст. 105 УК должно строго ограничиваться от других видов убийства. Проведенный выше анализ судебной практи-

¹Курс советского уголовного права, т. II. М., «Наука», 1970, с. 374.

ки показывает, что отграничение в этих случаях одного вида убийства от другого зависит от соотношения во времени нападения и применения в ответ на него средств защиты. В зависимости от этого применение одних и тех же средств защиты от одного и того же нападения может привести к различной квалификации убийства. Оно может быть признано совершенным, во-первых, при превышении пределов необходимой обороны, когда применение средств защиты последовало немедленно за окончившимся нападением, во-вторых, в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, когда нападение закончилось, но лицо, подвергшееся насилию, находилось в состоянии аффекта, в-третьих, в зависимости от других данных дела без отягчающих или при отягчающих обстоятельствах, когда состояние аффекта прошло и смерть нападавшему причиняется как акт самочинной расправы¹.

Наконец, когда нападение и защита совпадают во времени, лишение жизни может быть признано совершенным в состоянии необходимой обороны. Следовательно, убийство при превышении пределов необходимой обороны (ст. 105 УК) следует отграничивать и от состояния необходимой обороны. Это тем более важно, что в практике в отдельных случаях правомерные действия обороняющегося, причинившего смерть нападавшему, под предлогом запоздалой обороны признаются совершенными с превышением пределов необходимой обороны. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 4 декабря 1969 г. разъяснил судам, что «состояние необходимой обороны наступает не только в самый момент нападения, но и в тех случаях, когда налицо реальная угроза нападения. Точно так же состояние необходимой обороны не может считаться устраненным и в том случае, когда акт самозащиты последовал непосредственно за актом хотя бы и оконченного нападения, но по обстоятельствам дела для обороняющегося не был ясен момент окончания нападения».

Пленум в данном случае исходит из того, что человек не всегда в состоянии быстро реагировать на изменение обстановки, тем более в сложных условиях отражения общественно опасного посягательства. Верховным Судом Татарской АССР в кассационном порядке был отменен приговор народного суда в отношении Н., осужденной по ст. 105 УК за убийство своего мужа. Было установлено, что муж Н. систематически пьянствовал, издевался над семьей, выгонял из дома, угрожал убийством. Во время очередного скандала он пытался задушить Н. Затем взял нож и приставил к ее спине, угрожая убийством. Н. в этот момент вырвала нож и нанесла им мужу удар в грудь, от которого он вскоре умер. Верховный суд Татарской АССР прекратил дело в отношении Н., признав, что она действовала в состоянии необходимой обороны. Такое решение является обоснованным. В данном случае нельзя считать, что Н. превысила пределы необходимой обороны, поскольку она подверглась нападению пьяного хулигана и после того, как вырвала у него нож, судя по обстоятельствам дела, имела все основания ждать продолжения нападения. Следовательно, в момент нанесения удара ножом потерпевшему Н. не утратила права на необходимую оборону.

4. Для правильной квалификации убийств, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, первостепенное значение имеет анализ субъективной стороны этого преступления. По данному вопросу были высказаны различные суждения. В. Ф. Кириченко полагает, что убийство при превышении пределов необходимой обороны может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности. По его мнению, логически допустимы «четыре комбинации форм виновности: умысел и неосторожность в отношении причинения результата при неосторожном превышении пределов необходимой обороны и

¹Об отграничении убийства при превышении пределов необходимой обороны от других убийств см. п. 5 этого параграфа.

умысел и неосторожность в отношении причинения результата при умышленном превышении пределов необходимой обороны»¹.

Соображения, высказанные по этому вопросу В. Ф. Кириченко, подробно разбирались в нашей литературе. Теоретически предлагаемая им конструкция форм вины при превышении пределов необходимой обороны возможна. Но вряд ли правильно анализировать субъективную сторону состава данного преступления отдельно по отношению к превышению пределов необходимой обороны и отдельно — к наступившим последствиям². Для практики такое дробление единого деяния не имеет какого-либо значения, и, видимо, поэтому не было ею воспринято.

Другой взгляд высказал М. И. Якубович, который не только допускает неосторожное совершение убийства при превышении пределов необходимой обороны, но и считает эту форму вины единственно возможной, исключая умысел. Он пишет: «В самом деле, можно ли согласиться с утверждением о том, что обороняющийся, защищаясь от преступного посягательства на него или другое лицо, имеет умысел на лишение жизни нападающего. Нет, этого утверждать нельзя, ибо, причиняя вред нападающему, обороняющийся преследует единственную цель — отразить, пресечь преступное посягательство»³. Это положение также нельзя признать правильным. Прежде всего обороняющийся не всегда при превышении пределов необходимой обороны преследует единственную цель защиты. Сам же М. И. Якубович в той же работе пишет: «Применение явно чрезмерных средств защиты, когда защищающийся *сознает*, что он может без всякого риска для себя устранить грозящую опасность менее интенсивным способом, *следует считать превышением* пределов необходимой обороны»⁴ (курсив наш. — С. В.). Очевидно, что в этом случае М. И. Якубович признает возможность умышленного превышения пределов необходимой обороны. Кроме того, и в тех случаях, когда единственной целью обороняющегося является защита от нападения, это обстоятельство не устраняет умысла, так как умысел на убийство и цель защиты от нападения — разные понятия, не исключающие друг друга.

Неубедительно и другое соображение М. И. Якубовича о том, что признанием убийства при превышении пределов необходимой обороны умышленным преступлением якобы совершается скачок от непроступления к умышленному преступлению, минуя промежуточное звено, т. е. неосторожную вину. Оно могло бы служить доводом в пользу излагаемой М. И. Якубовичем позиции только при том условии, если бы законодательство и теория советского уголовного права признавали неосторожность «промежуточным звеном» между непроступлением и преступлением. Между тем и законодательство и теория умысел и неосторожность признают самостоятельными формами вины.

Против признания превышения пределов необходимой обороны при убийстве неосторожным преступлением говорит и ч. 2 ст. 13 УК, в которой превышением пределов необходимой обороны признается *явное* несоответствие защиты характеру и опасности посягательства, что, по нашему мнению, исключает признание превышения пределов необходимой обороны неосторожным преступлением. Из Особенной части Уголовных кодексов всех союзных республик вытекает, что убийство при превышении пределов необходимой обороны является умышленным преступлением (см. п. «и» ст. 102 УК). Сложившаяся судебная практика также исходит из того, что убийство при превышении пределов необходимой обороны — это умышленное преступление. Пленум Верховного Суда СССР при рассмотрении дела по обвинению И. указал на то, что суд, отвергая наличие умысла на

¹ Кириченко В. Ф. Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве, с. 76.

² В данном случае и из закона не вытекает необходимость установления так называемой двойной вины, как, например, это требуется при анализе тяжкого телесного повреждения, окончившегося смертью потерпевшего (ч. 2 ст. 108 УК).

³ Якубович М. И. Вопросы теории и практики необходимой обороны, с. 147.

⁴ Там же, с. 142.

лишение жизни, не мог квалифицировать действия осужденного как убийство при превышении пределов необходимой обороны¹. Такое решение вопроса представляется принципиальным, ориентирующим на то, что признание причинения смерти по неосторожности исключает квалификацию убийства по ст. 105 УК. Это, очевидно, должно служить критерием для разграничения квалификации убийств, подпадающих под признаки ст. ст. 105 и 106 УК².

5. Правильная квалификация убийства при превышении пределов необходимой обороны зависит также от критериев отграничения этого преступления от умышленных убийств, предусмотренных ст. ст. 104 и 103 УК.

А. Отграничение убийства при превышении пределов необходимой обороны от убийства, предусмотренного ст. 104 УК, необходимо проводить по признакам объективной и субъективной сторон.

В литературе по этому вопросу высказывался Г. А. Кригер. Он считает, что при разграничении убийства в состоянии аффекта и убийства при превышении пределов необходимой обороны очень важно выяснить характер противозаконного насилия, примененного потерпевшим и являвшегося первопричиной его смерти. Он пишет: «... в ст. 104 УК РСФСР прежде всего имеются в виду случаи убийства, когда насилие, являющееся первопричиной смерти, было по своему характеру заведомо опасно для жизни и здоровья человека, а угрожало лишь его телесной неприкосновенности (удары, побои и т. п.). Когда же насилие было заведомо опасным для жизни либо здоровья лица или половой неприкосновенности женщины, у лица, подвергшегося такому насилию, возникает право на необходимую оборону, в процессе которой вполне возможно и причинение смерти нападавшему»³.

В принципе это правильные соображения, но их нельзя принять без оговорок. Дело в том, что Г. А. Кригер оставляет без внимания некоторые ситуации, при которых насилие, хотя и «заведомо опасное для жизни либо здоровья лица или половой неприкосновенности женщины», в случае причинения смерти нападавшему вовсе не обязательно влечет применение ст. 105 УК. Хотя Г. А. Кригер и упоминает о «своевременности защиты» как признаке, имеющем значение для разграничения применения ст. ст. 104 и 105 УК, однако рассматривает его вне связи с характером насилия, исключая вообще возможность превышения пределов необходимой обороны при запоздалой обороне⁴. Г. А. Кригер правильно критикует М. Д. Шаргородского, который считал, что под понятие насилия, предусмотренного ст. 104 УК, подходят удары, побои, телесные повреждения, изнасилование, угрозы и т. п.⁵, и который исключал, таким образом, право женщины на необходимую оборону в случае причинения смерти насильнику. Вместе с тем изнасилование, причинение тяжкого телесного повреждения, покушение на убийство, явившиеся, как выражается Г. А. Кригер, «первопричиной» смерти потерпевшего, могут при определенной ситуации повлечь квалификацию действий виновного не по ст. 105 УК, например убийство нападавшего третьим лицом, которое пришло в состояние аффекта после того, как нападавший причинил кому-либо тяжкое телесное повреждение, или же убийство в состоянии аффекта, совершенное лицом, на жизнь которого покушался потерпевший, после окончания нападения и в некоторых других подобных случаях. Таким образом, рассмотрение в совокупности своевременности защиты и нападения с характером и интенсивностью посягательства дает основания для правильного разграничения применения ст. ст. 104 и 105 УК.

¹См.: «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1953, № 3, с. 2.

²О квалификации убийства по неосторожности см. гл. 6.

³Кригер Г. А. К вопросу о разграничении убийства в состоянии аффекта и убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны. — «Вестник Московского университета», 1961, № 1, с. 35.

⁴Вопрос о значении своевременности защиты для разграничения убийств рассмотрен выше.

⁵Советское уголовное право. Часть Особенная. М., Госюриздат, 1962, с. 135.

По форме вины убийства, предусмотренные ст. ст. 105 и 104 УК, одинаковы, они могут быть совершены только умышленно. Для разграничения этих преступлений используются мотивы их совершения. Прежде всего следует подчеркнуть, что при превышении пределов необходимой обороны, по нашему мнению, мотив и цель совпадают, равно как и при совершении убийства из корыстных побуждений и с корыстной целью. Отражая общественно опасное посягательство, лицо руководствуется *мотивами* необходимости *защиты* интересов Советского государства, общественных интересов, своих прав или прав других лиц. *Целью* при отражении общественно опасного посягательства также является *защита* указанных прав и интересов. Поэтому представляется неудавшейся попытка В. Н. Козака разграничить цель и мотив при превышении пределов необходимой обороны¹.

Как уже подчеркивалось, мотивом убийства, предусмотренного ст. 104 УК, может быть месть, ревность и другие побуждения, порожденные аффективным состоянием психики субъекта. При этом необходимо иметь в виду, что пределы необходимой обороны могут быть превышены также лицом, находящимся в состоянии аффекта, вызванного общественно опасным посягательством.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 4 декабря 1969 г. обратил внимание на важность отграничения убийства при превышении пределов необходимой обороны от умышленного убийства в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, имея в виду, что для преступлений, совершенных в состоянии сильного душевного волнения, характерно причинение вреда потерпевшему *не с целью защиты* от посягательства и, следовательно, не в состоянии необходимой обороны. Кроме того, для убийства, предусмотренного ст. 104 УК, состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения является обязательным признаком, тогда как для убийства, предусмотренного ст. 105 УК, состояние сильного душевного волнения не составляет обязательного признака. И совсем не имеет никакого значения, было ли оно внезапно возникшим.

Б. Убийство при превышении пределов необходимой обороны чаще всего приходится отграничивать от простого умышленного убийства (ст. 103 УК) в случаях, когда можно предположить, что последнее было совершено по мотиву мести или в драке.

Как уже подчеркивалось, при отражении общественно опасного посягательства лицо, превысившее пределы необходимой обороны, руководствуется необходимостью защиты от общественно опасного посягательства. До тех пор пока оно руководствуется данным мотивом, причинение смерти посягавшему в такой ситуации квалифицируется по ст. 105 УК. Когда же необходимость защиты от общественно опасного посягательства миновала, а подвергшийся нападению тем не менее причиняет смерть нападавшему, эти действия, как подчеркнул Пленум Верховного Суда СССР в упомянутом постановлении, выступают «как акт мести — самочинной расправы». Такие действия при отсутствии отягчающих обстоятельств подпадают под признаки ст. 103 УК.

Сложнее решить вопрос о разграничении квалификации убийства по ст. 105 или ст. 103 УК, когда оно совершено в *драке*. Практика свидетельствует о том, что по общему правилу убийство в драке квалифицируется по ст. 103 УК, если отсутствуют отягчающие обстоятельства². Однако представляется, что убийство в драке само по себе не исключает возможности рассматривать его совершенным с превышением пределов необходимой обороны или даже как лишение жизни в состоянии необходимой обороны. К сожалению, в постановлении от 4 декабря 1969 г. Пленум Верховного Суда СССР не дал каких-либо рекомендаций по данному вопросу. Между тем такие ошибки на практике продолжают встречаться³. В литературе указывалось на то, что органами следствия и судами нередко смешиваются два разных понятия: драка, т. е. взаимное нанесение ударов, и избиение —

¹См.: Козак В. Н. Право граждан на необходимую оборону. Саратов, 1972, с. 158—159.

²См. гл. 3.

³См., например, «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1970, № 2, с. 9—10.

нанесение одним человеком побоев другому. В результате этого действия обороняющегося неправильно признаются умышленным преступлением против жизни и здоровья, не связанным с необходимой обороной. А это в свою очередь завершается осуждением лица, отражавшего нападение, за умышленное преступление без применения законодательства о необходимой обороне.

В. Н. Козак пишет о двух вариантах, когда в драках может возникать состояние необходимой обороны, дающее право на защиту от противоправного посягательства: а) состояние необходимой обороны лица, пытающегося предотвратить драку, а поэтому втянутого в нее; б) состояние необходимой обороны для обороняющихся лиц¹. Но таких вариантов может быть больше, например вступление в драку с тем, чтобы защитить слабого. Но дело, очевидно, не только и не столько в этом. Важно подчеркнуть необходимость анализа субъективной стороны действий участников драки.

Для разграничения квалификации убийства по ст. ст. 105 и 103 УК нужно выяснить прежде всего следующие вопросы: а) подверглось ли нападению лицо, причинившее смерть; б) каков характер данного посягательства; в) с какой целью действовало лицо, подвергшееся нападению. Для анализа убийства в драке необходимо установить, подвергалось ли нападению лицо, совершившее убийство. Военная коллегия Верховного Суда СССР при рассмотрении дела С, обвинявшегося в убийстве в драке (ст. 103 УК), отклонила жалобу адвоката о перекалфикации действий С. на ст. 105 УК, указав, что осужденный не находился в состоянии необходимой обороны, так как на него не было нападения².

В тех случаях, когда установлено, что лицо, совершившее убийство в драке, действительно подверглось нападению, угрожавшему его здоровью или жизни, действовало с целью защиты от этого нападения, может идти речь о состоянии необходимой обороны или о превышении ее пределов. В данном случае применение ст. 103 УК исключается.

Если в действиях лица, причинившего смерть, не установлена цель защиты, то при отсутствии отягчающих обстоятельств и состояния внезапно возникшего сильного душевного волнения его действия должны быть квалифицированы по ст. 103 УК.

Особую сложность для разграничения квалификации представляют убийства в драке, в которой участвует несколько человек. В таких случаях правильную юридическую оценку можно дать только при всестороннем анализе обстоятельств, характеризующих обстановку происшествия. Тщательному разбору подлежат действия каждого участника драки, их роль в ее возникновении и продолжении, в особенности в момент, предшествовавший нанесению удара, повлекшего смертельный исход. Разумеется, вопрос разрешается с учетом обстоятельств, указывающих на состояние необходимой обороны или на превышение ее пределов.

В. Убийство при превышении пределов необходимой обороны следует отграничивать от убийства, совершенного вследствие установки так называемых предохранительных предупредительных устройств.

Судебная практика показывает, что в отдельных случаях к убийствам при превышении пределов необходимой обороны относятся такие убийства, которые совершаются при помощи так называемых предупредительных мер (различного рода капканы, включение электрического тока в оголенный провод и т. д.), предпринимаемых в целях охраны от «возможных воров». Свердловский областной суд признал, например, что К. совершил убийство Н. при превышении пределов необходимой обороны. К. обмотал забор оголенной проволокой, через которую пропустил электрический ток. Чтобы украсть яблоки, Н. проник в сад, но, задев рукой провод, был убит. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР не согласилась с такой квалификацией и указала, что действия

¹См.: Козак В. Н. Указ. соч., с. 99.

²См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 1, с. 31–34

К. следует рассматривать как умышленное убийство¹. К., обмотав забор проволокой и пропустив электрический ток, создал угрозу для жизни граждан, и некоторые из них от случайного соприкосновения с проволокой ранее уже получали ожоги.

В таких случаях нет и не может быть необходимой обороны потому, что она допустима лишь против конкретного посягательства, которое уже происходит или неминуемо произойдет. Лица, устраивающие опасные для жизни людей приспособления «на всякий случай», не находятся в состоянии необходимой обороны и не могут превысить ее пределов.

6. Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, следует отличать от деяний, повлекших причинение смерти при мнимой обороне.

Под мнимой обороной понимают защиту от несуществующего в действительности нападения, когда лицо, применяющее средства защиты, ошибочно полагает, что оно отражает общественно опасное посягательство.

Вопросы о правовой природе мнимой обороны, о пределах уголовной ответственности за совершение деяния при мнимой обороне и при превышении пределов допустимого вреда в условиях аналогичного реального нападения в нашей литературе пока еще не разработаны. Нет каких-либо указаний по этому вопросу и в законодательстве.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 4 декабря 1969 г. указал, что «мнимая оборона исключает уголовную ответственность лишь в тех случаях, когда вся обстановка происшествия давала достаточные основания полагать лицу, применившему средства защиты, что имело место реальное посягательство, и оно не признавало ошибочности своего предположения».

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР по делу К. указывается, что «мнимая и необходимая оборона предполагает одно обязательное условие: необходимая оборона — наличие реального посягательства, мнимая оборона — совершение действий, принятых за посягательство». Комментируя это постановление, Н. Д. Дурманов подчеркнул: «Все обстоятельства, характеризующие необходимую оборону, при мнимой обороне отсутствуют, но в представлении лица, действующего в состоянии мнимой обороны, эти обстоятельства, прежде всего наличие общественно опасного посягательства, имеются»².

Из этого следует, что основания освобождения от уголовной ответственности при мнимой обороне и при необходимой обороне различны.

Ответственность за вред, причиненный в состоянии мнимой обороны, наступает по общим правилам ответственности за фактическую ошибку. Если фактическая ошибка исключает умысел или неосторожность, то устраняется и уголовная ответственность за действия, совершенные в состоянии мнимой обороны. Поэтому причинение смерти в состоянии мнимой обороны, когда не установлены ни умысел, ни неосторожность, не влечет уголовной ответственности. Лицо, действующее в состоянии необходимой обороны, никакой ошибки не допускает. Оно освобождается от ответственности за вред, причиненный лицу, совершившему общественно опасное посягательство, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны.

В упомянутом постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г. говорится, что при так называемой мнимой обороне в зависимости от обстоятельств дела лицо может отвечать за неосторожные действия либо вообще не подлежит привлечению к уголовной ответственности, причем уголовная ответственность исключается в тех случаях, когда вся обстановка происшествия давала достаточные основания полагать лицу,

¹В отдельных случаях убийство в результате устройства так называемых предохранительных приспособлений может быть квалифицировано по ст. 106 УК (см.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1969, № 1, с. 22—24).

²«Бюллетень Верховного Суда СССР», 1974, № 2, с. 22.

применившему средства защиты, что имело место реальное посягательство, и оно не создавало ошибочности своего предположения.

В том же постановлении Пленума указывается, что «в тех случаях, когда при мнимой обороне лицо причинило потерпевшему вред, явно превышающий пределы допустимого вреда в условиях соответствующего реального посягательства, оно подлежит ответственности, как за превышение пределов необходимой обороны».

Таким образом, в различных ситуациях, возникающих при мнимой обороне, подлежит применению законодательство о необходимой обороне или о превышении его пределов с соблюдением рассмотренных выше условий.

В связи с этим представляет интерес постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу С., осужденного Владимирским областным судом за убийство Н. при следующих обстоятельствах. Осужденный, потерпевший и Л. поздно вечером случайно встретились в магазине, складчину купили бутылку водки, которую распили. Затем С. пошел домой. В пути следования он обратил внимание на то, что Н. и Л. идут за ним. Полагая, что они хотят его ограбить, С. пошел быстрее, а потом побежал. Н. и Л. побежали за ним. В проломе забора Н. догнал С. и схватил его за плечо. С. в этот момент вытащил имевшийся у него нож и ударил им в грудь Н., который здесь же умер.

Пленум Верховного Суда СССР, рассмотрев это дело, указал, что характер действий Н. и Л. вполне мог породить у С. представление о том, что он подвергается реальному нападению и, следовательно, имеет право защищаться. Какие-либо другие причины нанесения удара ножом по делу не установлены. Следует также иметь в виду, что обстоятельства дела позволяют признать, что С. не сознавал ошибочности своего предположения о том, что на него совершается разбойное нападение, тем более что действительные намерения Н. так и остались неустановленными. Придя к выводу о том, что С. действовал в состоянии мнимой обороны, надлежит вместе с тем признать, что тот вред, который он причинил потерпевшему, явно превышал пределы допустимого вреда в условиях аналогичного реального нападения, в силу чего С. должен нести ответственность, как за убийство, явившееся результатом превышения пределов необходимой обороны.

При решении вопроса о том, было ли допущено превышение пределов обороны при отражении мнимого нападения, следует абстрагироваться, как полагает И. С. Тишкевич, от того факта, что нападение было кажущимся, т. е. предположить, что мнимое нападение было реальным, и установить, вправе ли был защищающийся причинить тот же вред при тех же условиях, отражая реальное нападение¹.

Изучение дел этой категории показывает, что при оценке фактической стороны происшествия не учитываются показания осужденных об отражении (по их мнению, в момент защиты) общественно опасного посягательства. Между тем показания этих лиц заслуживают самого серьезного внимания. В то же время обстоятельства, относящиеся к характеристике нападения, было бы неправильно рассматривать лишь с позиции лица, ссылающегося на то, что оно оборонялось от нападения. Эти объяснения должны быть обязательно сопоставлены с другими данными дела. Лицо, причинившее смерть другому человеку, может быть необъективным, объясняя свои действия, а в ряде случаев может ссылаться на необходимую оборону сознательно, желая избежать уголовной ответственности за совершенное преступление. При оценке фактических обстоятельств происшедшего нельзя не учитывать и состояние лица, которое в момент защиты добросовестно считало, что оно отражает общественно опасное посягательство. Может быть и так, что неправомерные в его представлении действия вызвали душевное волнение, которое могло помешать правильному восприятию происходящих событий. Все это следует обязательно иметь в виду при обсуждении вопроса о причинении смерти при обстоятельствах, свидетельству-

¹См.: *Тишкевич И. С.* Указ. соч., с. 43.

ющих о наличии мнимой обороны или превышения ее пределов в условиях, аналогичных реальному посягательству.

7. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство» впервые в общесоюзном уголовном законодательстве дал общую юридическую оценку действиям, направленным на задержание преступника. В ст. 16 этого Указа говорится: «Действия граждан, направленные на пресечение преступных посягательств и задержание преступника, являются в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик правомерными и не влекут уголовной или иной ответственности, даже если этими действиями вынуждено был причинен вред преступнику»¹. Однако эти указания не получили дальнейшей конкретизации ни в общесоюзном законодательстве, ни в Уголовных кодексах союзных республик². Лишь в Уголовных кодексах Украинской и Узбекской союзных республик с момента их принятия содержатся определенные конкретные нормы. В ч. 3 ст. 15 УК УССР говорится: «Действия, совершенные потерпевшим и другими лицами непосредственно после совершения посягательства с целью задержания преступника и доставления его соответствующим органам власти, как правомерные, приравниваются к необходимой обороне, если они были необходимы для задержания и соответствовали опасности посягательства и обстановке задержания преступника». Аналогична по содержанию ч. 3 ст. 13 УК Узбекской ССР.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 4 декабря 1969 г. разъяснил, что «действия граждан по задержанию преступника в целях пресечения его преступного посягательства или предпринятые непосредственно после посягательства для доставления преступника в соответствующие органы власти, должны рассматриваться судами как совершенные в состоянии необходимой обороны. Уголовная ответственность за причинение вреда преступнику в указанных случаях может наступить лишь при условиях, если действия, причинившие вред преступнику, не являлись необходимыми для его задержания, явно не соответствовали характеру и опасности посягательства и обстановке задержания»³.

Действия, совершаемые лицом при задержании преступника, по своей юридической природе близки к действиям, совершаемым в состоянии необходимой обороны. Поэтому вопрос о правомерности лишения жизни задерживаемого преступника должен разрешаться применительно к правилам о необходимой обороне.

Изучение судебной практики позволяет подчеркнуть некоторые, как нам представляется, важные моменты, которые должны учитываться при разрешении вопроса о виновном или правомерном лишении жизни задерживаемого.

Особенность задержания, отличающая его от необходимой обороны, состоит в том, что активно действует, как правило, не преступник, а лицо, предпринимающее меры к его задержанию. В то же время не исключено, что их роли могут меняться. Преступник может предпринять активные действия с тем, чтобы избавиться от преследователя и совершить

¹Процессуальные основания задержания лица, совершившего преступление, перечислены в ст. 122 УПК РСФСР.

²Указом Президиума Верховного Совета Эстонской ССР от 29 апреля 1970 г. Уголовный кодекс дополнен ст. 13¹ которая фактически повторила ст. 16 упомянутого Указа. В ней говорится: «Не является преступлением действие, подпадающее под признаки деяния, предусмотренного настоящим кодексом, направленное на задержание преступника, даже если этими действиями причинен вред преступнику».

³В. И. Ткаченко высказал мнение о том, что Пленум Верховного Суда СССР применил аналогию закона и вышел за пределы своей компетенции, распространив законодательство о необходимой обороне на случаи задержания преступника. Он оспаривает правильность решения вопроса и по существу даже для судов Украинской и Узбекской союзных республик (см.: Ответственность за вред, причиненный при задержании преступника. — «Соц. законность», 1970, № 8, с. 39). Вряд ли можно спорить о том, что вопрос должен быть разрешен в законодательном порядке. Такие предложения вносились и ранее. Что касается существа разрешения вопроса, то мы не разделяем позицию В. И. Ткаченко по соображениям, которые нами приводятся.

нападение. В связи с этим очень важно исчерпывающе выяснить все обстоятельства, при которых была причинена смерть задерживаемому лицу.

К необходимой обороне могут быть приравнены только те действия, которые совершены с целью задержания. Они по обстоятельствам происшествия должны быть необходимыми. Это означает, что, применяя такие средства задержания преступника, которые повлекут его смерть, задерживающий должен сознавать, что иного выхода нет. Например, преступник совершил вооруженный разбой и пытается скрыться, лишение его жизни в такой ситуации будет правомерным только при отсутствии других средств задержания. Если же лицо, преследующее преступника, видит, что на помощь спешат работники милиции, и, несмотря на это, наносит смертельный удар задерживаемому, такие действия не могут быть признаны правомерными. Причинение смерти при сложившейся обстановке не вызывалось необходимостью. Действия по задержанию из общественно полезных превращаются в общественно опасные.

Субъективное мнение лица о необходимости применения крайних мер в отношении пытающегося скрыться преступника должно согласовываться с характером совершенного общественно опасного посягательства, личностью виновного и с обстановкой, в которой происходит задержание.

Соблюдение этих условий обязательно. В самом деле, лишение жизни пытающегося скрыться преступника при задержании может быть оправдано только тогда, когда он является совершившим новое преступление особо опасным рецидивистом либо лицом, совершившим умышленное убийство, бандитизм, разбой, изнасилование или другое тяжкое преступление. Круг этих преступлений должен быть ограничен преступлениями, перечисленными в ст. 7¹ Основ уголовного законодательства. При совершении таких преступлений оставление виновного на свободе может привести к тому, что он совершит и другие общественно опасные действия. Поэтому лишение жизни лица, совершившего тяжкое преступление, при невозможности его задержания следует рассматривать как средство пресечения деятельности, особо опасной для общества. Такие действия, безусловно, являются правомерными.

В то же время применение такой меры, как лишение жизни с целью задержания, например, в отношении пытающегося скрыться лица, подозреваемого в совершении преступления, не представляющего большой опасности для общества, не может быть приравнено ни к необходимой обороне, ни к превышению ее пределов. Например, участковый инспектор В. вел наблюдение за домом П., в квартире которой накануне были обнаружены и изъяты похищенные из магазина вещи. В 12 часов ночи из этого дома вышли два подростка, которых В. посчитал причастными к краже. Остановив их, он спросил, кто они такие. Ребята нагрубили ему, а затем побежали. В. произвел выстрел и убил одного из подростков. В. был осужден за убийство по ст. 103 УК¹. Очевидно, что такие действия не могут быть приравнены к превышению пределов необходимой обороны.

Вместе с тем возникает вопрос: в каких случаях причинение смерти при задержании должно признаваться совершенным с превышением пределов необходимости и приравниваться к убийству, предусмотренному ст. 105 УК?

В следственной и судебной практике дела этой категории встречаются. Так, Архангельским областным судом Р. был осужден за убийство К. в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения. Как видно из дела, К. дебоширил в чайной, откуда был

¹См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1969, № 4, с. 8—9. В связи с этим нельзя согласиться с М. Д. Шаргородским, который считал, что убийство вора, вытаскившего кошелек с незначительной суммой денег, должно рассматриваться как превышение пределов необходимой обороны (см.: Преступления против жизни и здоровья, с. 239). В действительности же в таком случае совершается умышленное убийство либо в состоянии аффекта либо без смягчающих и отягчающих обстоятельств. Кошелек с незначительной суммой денег можно вернуть, не прибегая к насилию, опасному для жизни, и тем более к причинению смерти.

выведен, при этом ударил ножом Р. в плечо и побежал. Р. предложил находившемуся там же Ж. догнать К., отобрать у него нож и отвести в сельский Совет. Когда Р. догнал К. и пытался его задержать, К. нанес Р. четыре ножевых ранения. Затем подбежал Ж. и попытался схватить сзади К., который укусил ему палец. В этот момент Р. вырвал у К. нож и нанес ему несколько ударов в грудь, от которых он умер.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР признала, что Р., принимая меры к задержанию К., действовал в интересах охраны общественного порядка. Однако его действия, хотя и направленные на задержание правонарушителя, были сопряжены с причинением смерти последнему, что при данных условиях не вызывалось необходимостью. Судебная коллегия признала, что Р. должен нести ответственность за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны. Как видно из определения, Судебная коллегия, признав действия Р. совершенными при превышении пределов необходимой обороны, сослалась на то, что причинение смерти К. в данных условиях *не вызывалось необходимостью*.

М. И. Якубович, специально рассматривавший этот вопрос, также по существу ограничивается указанием на то, что он должен разрешаться по правилам о необходимой обороне¹. Подобные рекомендации нельзя не признать слишком общими и неконкретными. Во всяком случае они не могут считаться критерием для разграничения причинения смерти при задержании, когда превышены пределы необходимой обороны, и причинения смерти при задержании, которое является умышленным убийством без смягчающих обстоятельств. В приведенных примерах убийство вора после кражи кошелька, так же как и убийство, совершенное Р. при задержании К., не вызывалось необходимостью. Следовательно, признание этого обстоятельства установленным не может служить, например, основанием для решения вопроса о разграничении применения ст. ст. 105 и 103 УК. Кроме того, формула «не вызывалось необходимостью» также не может быть признана достаточной при всех возможных ситуациях и для разграничения причинения смерти в момент задержания, когда уголовная ответственность исключается или когда она наступает по ст. 105 УК.

При решении поставленного вопроса, как мы полагаем, необходимо исходить из следующих положений.

Прежде всего, степень тяжести совершенного преступления лицом, о задержании которого идет речь, *сама по себе* не может служить критерием для решения вопроса о том, было ли допущено превышение пределов необходимой обороны. Степень тяжести преступления является лишь условием, при котором причинение смерти в момент задержания может признаваться или не признаваться правомерным. В связи с этим все возможные случаи причинения смерти преступнику при задержании для решения вопроса об их правомерности подлежат разграничению на две группы: 1) когда по тяжести совершенного преступления ни при каких обстоятельствах не могут применяться такие средства, в результате применения которых может быть причинена смерть задерживаемому²; 2) когда по тяжести совершенного преступления при задержании могут быть применены любые средства, не ставящие под угрозу безопасность третьих лиц³.

Очевидно, что о превышении пределов необходимой обороны нельзя говорить при задержании лиц, отнесенных нами к первой группе, если такие лица не оказывают сопротивления при задержании. Только при оказании активного сопротивления вопрос о правомерности действий лица, производящего задержание, в случае причинения смерти

¹См.: Якубович М. И. Указ. соч., с. 191.

²К этой группе должно относиться и задержание лиц, в отношении которых в целях задержания запрещается применение оружия.

³К этой группе должно относиться и задержание осужденных, совершивших побег из мест лишения свободы.

преступнику подлежит разрешению по общим правилам применения ст. ст. 13 и 105 УК. В случае причинения смерти при задержании лицам, которые не оказывали сопротивления, а лишь пытались уклониться от задержания, причинение смерти должно признаваться убийством без смягчающих и без отягчающих обстоятельств соответственно при отсутствии признаков ст. ст. 104 и 102 УК. Например, действия Ш., совершившего убийство браконьера, пытавшегося скрыться, были квалифицированы по ст. 103 УК. Это дело рассматривалось Пленумом Верховного Суда СССР, который признал, что, хотя Ш. перед прицельным выстрелом произвел предупредительный выстрел, его действия являются актом самочинной расправы и не могут быть признаны совершенными при превышении пределов необходимой обороны.

Что касается лиц, отнесенных нами ко второй группе, то в случае причинения им смерти в момент задержания при определенных обстоятельствах может возникнуть вопрос об ответственности лица, производившего задержание, по ст. 105 УК.

При задержании в таких случаях мыслимы три ситуации: а) преступник скрывается (убегает, уезжает и т. п.); б) оказывает сопротивление; в) не пытается скрыться и не оказывает сопротивления.

При *первой* ситуации причинение смерти преступнику приравнивается к убийству с превышением пределов необходимой обороны тогда, когда лицо, имея реальную возможность задержать преступника без причинения ему смерти, должно было и могло предвидеть эту возможность. Если же лицо сознавало, что имеется реальная возможность для задержания преступника без причинения ему смерти, и тем не менее не воспользовалось этой возможностью, причинение смерти необходимо признавать умышленным убийством без смягчающих обстоятельств.

При *второй* ситуации, когда преступник оказывает сопротивление, вопрос об ответственности за причинение ему смерти должен решаться по общим правилам ответственности за совершение деяния в состоянии необходимой обороны или при превышении ее пределов.

При *третьей* ситуации (встречающейся крайне редко) ответственность за лишение жизни задерживаемого наступает, как за умышленное убийство, которое квалифицируется по общим правилам применения ст. ст. 102, 103 и 104 УК.

Вопрос об ответственности лица, производившего задержание, при причинении смерти преступнику не следует связывать с тем, причинена ли смерть в момент общественно опасного посягательства, непосредственно после него или спустя какое-то время. Лишение жизни лица в момент совершения им общественно опасного посягательства вообще не относится к вопросу о причинении смерти при задержании преступника, поскольку попытка задержать преступника в этом случае является пресечением общественно опасного посягательства и ничем не отличается от причинения смерти лицу в состоянии необходимой обороны или при превышении ее пределов. Поэтому нельзя согласиться с тем, что причинение смерти при пресечении общественно опасного посягательства относится к задержанию¹. Не имеет значения и время, истекшее с момента совершения виновным преступления до задержания. Необходимо лишь, чтобы во всех этих случаях лицо было заведомо уверено (твердо убеждено), что меры для задержания применяются именно в отношении преступника, подлежащего задержанию.

В связи с этим представляется спорным и, по меньшей мере, не обязательным для каждого случая указание ст. 15 УК Украинской ССР о том, что действия, направленные на задержание преступника, должны быть совершены *непосредственно* после общественно опасного посягательства. Преступнику иногда удается скрыться сразу после совершения преступления, а спустя некоторое время потерпевший либо работники милиции или народные дружинники его опознают. Вряд ли есть достаточные основания не признавать

¹См.: Якубович М. И. Указ. соч., с. 193; Паше-Озерский Н. Н. Указ. соч., с. 78.

правомерными в таких случаях активные меры для задержания опасного преступника и считать, что при причинении ему тяжкого вреда лица, производившие задержание, должны отвечать за это по общим правилам уголовной ответственности, а не по правилам ответственности за действия, совершенные в состоянии необходимой обороны или при превышении ее пределов. Кроме того, указание, что задержание должно следовать непосредственно за преступлением, совершенным лицом, подлежащим задержанию, исключает возможность рассматривать по правилам необходимой обороны вопросы об ответственности лиц, задерживающих осужденных, бежавших из мест лишения свободы.

ГЛАВА 6. НЕОСТОРОЖНОЕ УБИЙСТВО

1. Неосторожное убийство по сравнению с умышленными убийствами, особенно предусмотренными ст. ст. 102 и 103 УК, несомненно менее опасно. Его общественная опасность определяется не столько опасностью субъекта, его действия или бездействия, сколько тяжестью наступающего последствия — лишения жизни человека.

В ст. 106 УК установлена ответственность лишь того лица, которое причинило по неосторожности смерть другому человеку. Ответственность за «грубейшую неосторожность» (нарушение правил обращения с оружием, правил охоты и т. п.), заключающую в себе реальную опасность для жизни человека, но фактически не приведшую к определенным последствиям, в ст. 106 УК не предусмотрена¹.

Статья 106 УК не разграничивает ответственность за неосторожное убийство в зависимости от вида неосторожности: преступной самонадеянности или преступной небрежности. Чаще всего формой вины в неосторожном убийстве является небрежность.

Вопрос о разграничении вида неосторожности не во всех кодексах союзных республик решается одинаково. Например, в ч. 2 ст. 99 УК Киргизской ССР предусмотрена ответственность за неосторожное убийство в результате сознательного несоблюдения правил предосторожности, а равно за неосторожное убийство двух или более лиц². Следовательно, здесь в качестве признаков,отягчающих неосторожное убийство, выдвигаются: 1) преступная самонадеянность, 2) тяжесть последствий, которые могут наступить в результате как преступной самонадеянности, так и небрежности. Такому конструированию ответственности за неосторожное убийство следует отдать предпочтение в связи с тем, что, во-первых, убийство в результате преступной самонадеянности, как правило, представляет большую общественную опасность, чем убийство по небрежности, во-вторых, несомненна повышенная опасность убийства по неосторожности двух или более лиц.

Различие общественной опасности убийства в результате самонадеянности и убийства по небрежности объясняется неодинаковым психическим отношением лица к возможности наступления смерти потерпевшего. Если в первом случае виновный предвидит эту возможность, по легкомысленно надеется ее предотвратить, то во втором — он не предвидит этой возможности, но должен был и мог ее предвидеть. Повышенная опасность убийства в результате самонадеянности, как следует, например, из ст. 99 УК Киргизской ССР, объясняется тем, что здесь речь идет о сознательном нарушении каких-либо правил предосторожности, охраняющих человеческую жизнь.

При причинении смерти потерпевшему в результате преступной самонадеянности виновный сознательно нарушает определенные правила предосторожности. Это нарушение может быть следствием: 1) умышленного преступного действия, 2) действия, запрещенного законом, но не являющегося преступным, 3) действия, запрещенного каким-либо правилом, например превышение скорости на автотранспорте, нарушение спортивных правил и т. д., 4) действия, противоречащего данным науки и профессиональным прави-

¹См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, № 5, с. 25.

²Аналогично решается данный вопрос в Уголовных кодексах Литовской (ст. 109), Молдавской (ст. 93) и Таджикской (ст. 109) союзных республик. В ч. 2 ст. 104 УК БССР и ч. 2 ст. 111 УК Туркменской ССР содержится только один отягчающий признак: неосторожное убийство двух или более лиц.

лам, 5) действия, нарушающего нормальные правила предосторожности в общежитии, 6) действия или занятия профессией, на которые данное лицо не имело права¹.

Различие общественной опасности убийства в результате самонадеянности и небрежности обязывает каждый раз устанавливать вид неосторожности при совершении деяния и в тех случаях, когда виновный привлекается к ответственности по Уголовному кодексу, предусматривающему единый состав неосторожного убийства. Это необходимо сделать для того, чтобы отграничить, с одной стороны, неосторожное убийство от умышленного, а с другой — от случайного причинения смерти.

2. Для правильного применения ст. 106 УК прежде всего имеет значение отграничение неосторожного убийства от убийства, совершенного умышленно.

Изучение практики показывает, что следователи и суды не всегда правильно определяют форму вины лица, совершившего убийство, что нередко объясняется сложностью решения данного вопроса. В связи с этим не являются исключением факты, когда приговоры по таким делам пересматриваются в судебных инстанциях неоднократно. Допускаемые ошибки вызываются различными причинами. В одних случаях они являются следствием неполноты собранных по делу доказательств, обрисовывающих обстоятельства убийства. В других случаях, что чаще встречается, ошибки оказываются следствием, неправильного применения закона. При этом необходимо отметить, что такие ошибки носят сравнительно односторонний характер и состоят в том, что убийство по неосторожности необоснованно признается умышленным².

Вопрос о разграничении убийства по неосторожности и умышленного убийства имеет различные аспекты, которые выявляются при изучении следственной и судебной практики.

А. Из дел, рассмотренных Верховным Судом РСФСР, видно, что суды иногда смешивают убийство по неосторожности и умышленное убийство в случаях, когда действия виновного выражались в небрежном обращении с оружием, приведшем к смерти потерпевшего. Например, народным судом г. Ржева Т. был осужден за умышленное убийство своей знакомой В. Было установлено, что осужденный и потерпевшая длительное время находились в дружеских отношениях. Однажды они возвращались домой с танцев из д. Гладкое. У Т. имелось ружье. Шедшая рядом В. спросила, зачем он брал с собой ружье. Т. ответил, что намеревается пострелять дичь. В. забежала вперед, подняла руки и сказала: «Стреляй, сдаюсь». Последовал выстрел, и В. упала. Увидев В. лежащей на земле, Т. крикнул: «Что я наделал!» и побежал вызвать врача. Затем он сопровождал В. до больницы, а когда она умерла, явился в милицию и рассказал о случившемся. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассматривавшая дело в порядке надзора, признала, что характер отношений между потерпевшей и осужденным, обстановка, в которой было совершено преступление, поведение Т. после его совершения свидетельствуют о том, что у него не было умысла на убийство и преступление он совершил по неосторожности. Из дела видно, что в судебном заседании Т. утверждал, что он забыл о наличии боевого патрона в стволе.

По другому делу народным судом Борисоглебского р-на Ярославской области был осужден Ж., 17 лет, за умышленное убийство девочки Н., 13 лет. Возвращаясь с охоты, Ж. встретил Н. и решил ее поугубить. Для этого наставил на нее ружье, забыв, что там оставлен заряженный патрон, нажал на спусковой крючок и происшедшим выстрелом убил Н. Труп потерпевшей Ж. спрятал в кустах. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР признала, что Ж. совершил убийство по неосторожности, а за умышленное убийство осужден необоснованно.

¹См.: Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья, с. 199.

²Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» обратил внимание судов на то, что они в ряде случаев неправильно устанавливают субъективную сторону — не отграничивают умышленное убийство от убийства по неосторожности.

Как в первом, так и во втором случае обстоятельства совершения убийства существенно отличаются от обычно приводимых в литературе примеров убийства по неосторожности вследствие небрежного обращения с оружием, когда виновный нечаянно задел спусковой крючок, или уронил ружье, которое выстрелило, или стрелял из чужого оружия, полагая, что оно не заряжено, и т. д. В таких случаях не возникает сомнений в том, что виновный, не сознавая фактической стороны совершаемых им действий, допускал небрежность, т. е. должен был и мог предвидеть возможность причинения смерти другим лицам (народная мудрость гласит: «И незаряженное ружье раз в год стреляет»). Наоборот, в указанных выше случаях виновный сознавал фактическую сторону своих действий: лично заряжал ружье, наставлял его на потерпевшего, умышленно нажимал спусковой крючок. Эти обстоятельства и признавались нижестоящими судами свидетельством совершения Т. и Ж. умышленного убийства. С внешней стороны эти обстоятельства как бы подтверждают умысел на убийство. Но в связи с этим возникает вопрос: опровергают ли приведенные выше обстоятельства заявление Т. и Ж. о том, что каждый из них «забыл» о наличии патрона в патроннике? Очевидно, что утвердительно ответить на этот вопрос с уверенностью нельзя, так как о субъективной стороне убийства не всегда можно судить только по одним данным, характеризующим образ действий виновного. Для этого необходимо учитывать все материалы, собранные по делу, и в первую очередь взаимоотношения между потерпевшим и осужденным, обстановку совершения убийства, действия виновного после убийства¹. Вместе с тем следует заметить, что действия виновного после убийства сами по себе не имеют самостоятельного значения для правильного решения вопроса. Необходимо учитывать, что сокрытие трупа, как это сделал Ж. в приведенном примере, или уклонение виновного от следствия и суда нельзя считать доказательством, свидетельствующим об умысле на убийство.

Б. В судебной практике не единичны факты отнесения неосторожных убийств к умышленным, когда смерть потерпевшего наступила в результате падения от сильного толчка или удара, нанесенного виновным. Так, по приговору Верховного Суда Марийской АССР О. был осужден за умышленное убийство своей мачехи. Между осужденным и потерпевшей на почве неприязненных отношений возникла ссора, во время которой О. сильно толкнул потерпевшую, от чего она упала и ударилась головой о деревянное корыто, стоявшее неподалеку. В результате этого потерпевшая получила перелом костей свода и основания черепа и умерла. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР признала, что О. осужден за умышленное убийство необоснованно, сославшись на то, что не собрано никаких доказательств вины О. в умышленном убийстве. Сильно толкая потерпевшую, он не предвидел возможность наступления смерти, но должен был и мог это предвидеть. Его действия фактически образуют неосторожное убийство.

Принятие правильного решения о квалификации причинения смерти О., очевидно, затруднялось тем, что действия осужденного носили умышленный характер. Это привело

¹Пленум Верховного Суда СССР, признав неправильным осуждение С. за умышленное убийство Ф., основывал свой вывод о совершении им неосторожного убийства на том, что: 1) Ф. была невестой С. и они собирались пожениться, 2) отношения между ними были хорошими, 3) осмотр места происшествия и трупа потерпевшей подтверждают показания С. об отсутствии умысла на убийство, 4) не установлено каких-либо причин для совершения умышленного убийства, 5) С. не мог рассчитывать на сокрытие следов преступления. Оценивая все эти обстоятельства в совокупности, Пленум признал, что «С. не предвидел возможности наступления общественно опасных последствий своих действий, хотя должен был и мог их предвидеть». — «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1960, № 4, с. 45.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР указала по делу Г.: «Неосторожное лишение жизни неправильно квалифицировано как убийство из хулиганских побуждений в связи с тем, что судом не учтены данные о взаимоотношениях подсудимого с потерпевшим и не подвергнуты анализу в совокупности все обстоятельства, при которых было совершено убийство». — Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам, 1959—1971 гг., с. 225.

к тому, что сознательное отношение виновного к фактической стороне своих действий суд неправильно признал свидетельством предвидения им смерти потерпевшей¹.

Таким образом, для отграничения неосторожного убийства по небрежности от умышленного убийства в подобных случаях всякий раз необходимо установить *отсутствие* при небрежности и *наличие* при умысле предвидения виновным конкретных общественно опасных последствий своих действий.

В. При разграничении неосторожного и умышленного убийства решающее значение имеет выяснение различий преступной самонадеянности и косвенного умысла. Эти различия вытекают из сопоставления ст. ст. 8 и 9 Основ уголовного законодательства, но в литературе не всегда последовательно проводятся. Так, Н. И. Загородников пишет, что при преступной самонадеянности «виновный может и должен предвидеть, что обстоятельства, на которые он рассчитывает при сложившихся условиях, *не могут* предотвратить наступления смерти»² (курсив наш. — С. Б.). Здесь явная неточность. Получается, что виновный при преступной самонадеянности может и должен предвидеть как результат своих действий неизбежность наступления смерти другого лица. Но это уже умышленная вина.

Допускаются ошибки и в судебной практике. Ленинградским областным судом Ш. был осужден по ст. 103 и ч. 2 ст. 163 УК. Занимаясь незаконным ловом рыбы, он, чтобы предупредить возможную кражу, сделал сигнализацию от мостков на берегу реки к дому, где установил звонок, включив от сети электрический ток. О сигнализации Ш. рассказал соседям. Подросток О., желая отключить сигнализацию, попытался разъединить провод, но был убит электрическим током. Рассматривая дело, Пленум Верховного Суда СССР признал, что суд, квалифицируя содеянное Ш. как умышленное убийство, не учел, что он сделал электропроводку не в целях использования электротока как средства поражения, что давало бы основания признать наличие у него умысла по отношению к смерти потерпевшего, а только для питания электрического устройства — сигнализации, не рассчитанного на причинение повреждений человеку. С учетом изложенного вывод суда о виновности Ш. в умышленном убийстве следует признать неправильным. Материалы дела дают основание заключить, что в данном случае Ш. проявил преступную самонадеянность, поскольку он знал об опасности, которую представляет для человека электрический ток напряжением в 220 вольт, но легкомысленно надеялся на предотвращение тяжких последствий. При этом он рассчитывал не на случайность, а на такие объективные факторы, которые, по его мнению, исключали возможность наступления тяжких последствий. Следовательно, Ш. совершил убийство по неосторожности, предусмотренное ст. 106 УК³.

При убийстве в результате преступной самонадеянности виновный предвидит возможность⁴ наступления смерти потерпевшего в *аналогичных* случаях, но легкомысленно считает, что при данных конкретных обстоятельствах этот результат не наступит. При совершении убийства с косвенным умыслом виновный предвидит не только возможность, но и *вероятность* наступления смерти потерпевшего *именно в данном случае*. Отношение к смерти потерпевшего при *самонадеянности* состоит в том, что лицо рассчитывает на определенные конкретные обстоятельства, которые предотвратят ее, но расчет оказывается *легкомысленным*. Если виновный, предвидя наступление смерти потерпевшего,

¹Эти вопросы возникают и при разграничении неосторожного убийства и тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего (см. гл. 8).

²Загородников Н. И. Преступления против жизни, с. 217. Эту неточность в его книге отмечает и М. К. Анианц (см. указ. соч., с. 148).

³См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1969, № 1, с. 24.

⁴А. А. Пионтковский писал: «...предвидение этой возможности при самонадеянности носит абстрактный характер в силу *отсутствия сознательного допущения наступления предвиденных общественно опасных последствий*. Оно лишено здесь той конкретной определенности, которой обладает предвидение при косвенном умысле. *Этим самонадеянность отличается от косвенного умысла*». — В кн.: Курс советского уголовного права, т. II. с. 312—313.

рассчитывает на *счастливый случай*, или, как говорят, на «авось», или на какие-то иные тому подобные обстоятельства, то он действует с *косвенным умыслом*. С учетом этого должен решаться вопрос и о том, можно ли считать убийство совершенным в результате преступной самонадеянности, если виновный легкомысленно рассчитывал на его предотвращение в результате действия сил природы. Здесь, по нашему мнению, Н. И. Загородников обоснованно считает, что по делам об убийстве расчет на силы природы как признак самонадеянности исключается¹.

Дело в том, что расчет на силы природы не создает полной уверенности в предотвращении смерти потерпевшего. В сознании виновного остаются сомнения о возможности предотвратить гибель человека, но он все же идет на это, не исключая по существу вероятность наступления смерти. Следовательно, психическое отношение виновного к последствиям характеризуется безразличием. т. е. косвенным умыслом.

Г. При разграничении умысла и неосторожности при убийстве возникают и другие вопросы, например: каково значение предупреждения со стороны потерпевшего или других лиц о том, что определенные действия виновного при их продолжении могут повлечь наступление смерти? Так, П. совершил убийство 12-летней Г. — ученицы 6 класса. Группа учеников с двумя учителями отдыхала во время экскурсии на берегу реки Старицы под крутым обрывом. П. проходил мимо над обрывом. Увидев внизу людей, он взял ящик гудрона весом 10 кг и бросил к реке в направлении сидевших учеников. Ящик застрял в кустах. Учителя предупредили П. о том, что ящиком можно убить кого-нибудь. Несмотря на это, П. взял другой ящик с гудроном в два раза тяжелей и бросил его вниз в том же направлении. Этим ящиком и была убита Г. Омский областной суд квалифицировал эти действия по пп. «б» и «д» ст. 102 УК, а Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР переквалифицировала их на ст. 106 УК. Судебная коллегия сослалась на то, что П., по его словам, хотел лишь попугать учеников. Других доводов в определении не приводится, а значению предупреждения со стороны учителей не дается никакой оценки. С решением Судебной коллегии можно было бы согласиться, если бы последствия наступили после того, как П. бросил первый ящик. В данном случае предупреждение об опасности причинить смерть при продолжении начатых действий дает основание считать, что П. действовал с косвенным умыслом — безразлично относился к последствиям, которые могут наступить. В самом деле, вряд ли можно утверждать, что в этой ситуации виновный только должен был и мог предвидеть наступление смерти потерпевшей. Разумеется, это нельзя сформулировать как общее правило, но предупреждение в указанном смысле в конкретных случаях должно всегда получить соответствующую оценку.

Д. О признании убийства совершенным по неосторожности возникает вопрос и при так называемом *отклонении действия*. Это вид фактической ошибки, когда осуществление преступного намерения в отношении другого потерпевшего происходит не вследствие того, что виновный ошибочно принимает его за человека, которого он намерен лишить жизни, а вследствие каких-то других причин, которые от него не зависят. К-н осужден за неосторожное убийство Ш. и покушение на убийство О. и К. Было установлено, что О. и К. напали на улице на К-на, избили его, а позже пришли к его дому, кричали, вызывали его для расправы, разбили стекло в окне. К-н схватил ружье, зарядил его одним патроном, выбежал на улицу и выстрелил в убежавших О. и К. В это время к дому К-на по склону оврага поднималась группа молодежи, среди которой находилась Ш. Она-то и была убита картечью. По обстоятельствам, которые изложены, К-н не предвидел, но мог и должен был предвидеть причинение смерти не только О. и К., но и другим лицам. В данном случае умышленное действие, направленное на убийство О. и К., повлекло смерть

¹См.: Загородников Н. И. Указ. соч., с. 217.

Ш. Эта смерть явилась результатом неосторожности К-на. Совершенное им преступление судом правильно квалифицировано в этой части по ст. 106 УК¹.

Отклонение действия необходимо отграничивать от ошибки в объекте (при убийстве — в личности потерпевшего). В действиях К-на налицо совокупность неосторожного убийства с покушением на умышленное убийство в состоянии аффекта, т. е. «двойная вина». Ошибка в личности потерпевшего при убийстве не изменяет формы вины и не оказывает влияния на квалификацию.

3. Убийство, совершенное по неосторожности, необходимо отграничивать от случайного причинения смерти, когда уголовная ответственность за лишение жизни другого человека не наступает, поскольку лицо, причинившее смерть, не предвидело этих последствий и не могло их предвидеть. Это положение прямо в законе не отражено, но оно вытекает из общего указания о том, что уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления.

Случайное причинение смерти должно отграничиваться от обоих видов неосторожного убийства, совершаемых в результате как преступной самонадеянности, так и небрежности.

Если лицо предвидит возможность причинения смерти другому человеку и предпринимает с должной осторожностью и предусмотрительностью все необходимые меры для предотвращения ее наступления, но смерть все же наступает по причинам, от него независящим, оно не может нести ответственность за последствия, так как оно не проявило самонадеянности и наступивший результат является «случаем». При этом условии отсутствует сознание противоправности и общественной опасности совершаемых действий. При самонадеянности же у виновного всегда имеется сознание противоправности (общественной опасности) своего поведения.

При расследовании и рассмотрении дел об убийстве указанное различие не всегда учитывается. Так, за неосторожное убийство был осужден Б., который, являясь директором кинотеатра, не обеспечил соблюдения правил пожарной безопасности, в результате чего во время возникшей паники погибло пять человек. Суд установил, что при демонстрации кинофильма начал тлеть трансформатор и в зрительном зале появился дым. В этот момент раздался крик неизвестной женщины; «Горим, пожар!» Все бросились к дверям, в результате образовалась давка и наступили указанные тяжкие последствия.

Вышестоящий суд, рассмотрев дело в кассационном порядке, признал осуждение Б. по ст. 106 УК неправильным. Экспертиза установила, что кинотеатр отвечал всем требованиям противопожарной безопасности, все предписания пожарной охраны администрацией выполнялись, никакой реальной опасности гибели граждан от пожара не существовало. Трагедия произошла в результате паники, возникшей после крика неизвестной женщины.

В судебной практике случайное причинение смерти рассматривается как убийство по небрежности чаще, чем как убийство в результате самонадеянности.

Для отграничения неосторожного убийства от случайного причинения смерти имеет значение наличие или отсутствие условий, позволяющих сделать обоснованный вывод о возможности предвидения лицом наступления смерти потерпевшего. Эти условия зависят от конкретных обстоятельств, в которых совершается деяние. Характерно в этом отношении дело Ж., осужденного за неосторожное убийство по ст. 106 УК. Общественные инспектора Ж. и Б. со своими знакомыми, выехав на охоту, одновременно совершили рейс по реке Суре на моторной лодке по пресечению возможных случаев браконьерства. Но у лодки испортился мотор, и она медленно плыла по течению. Находившиеся на берегу А., М. и К., заподозрив, что проплывавшие забрали установленные ими на берегу удочки, сели в моторную лодку и на большой скорости стали догонять удаляющуюся лодку. Подплыв к лодке Ж. и увидев направленный в их сторону ствол ружья, которое держал

¹См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1973, № 1, с. 9—10.

в руках Ж., А. схватил за ствол ружья. Ж., зная, что его ружье заряжено, и не предупредив об этом, держась за шейку приклада, стал резко вырывать его у А. и в это время случайно нажал спусковой крючок, вследствие чего произошел выстрел, которым был убит А. Пленум Верховного Суда СССР, признав осуждение Ж. неправильным, указал в постановлении: «... если даже согласиться с судом, что Ж., отнимая свое ружье у А., мог случайно нажать на крючок, то и в этом случае нельзя признать за ним неосторожной вины. Необходимо учесть, что в создавшейся обстановке, при том быстротечном развитии событий, когда М., К. и А., догнавшие лодку Ж., без всяких оснований стали выхватывать у него и ехавших с ним ружья, в борьбе с А. за ружье, которая длилась несколько секунд, Ж. практически не мог ни предвидеть возможность столь неожиданной развязки, ни предупредить А. о том, что ружье заряжено»¹.

Таким образом, Пленум пришел к обоснованному выводу о том, что смерть А. наступила без вины Ж.

С нашей точки зрения, при тех же обстоятельствах, но не содержащих быстротечности событий, нельзя было бы исключить ответственность Ж. за неосторожное убийство. Он, как опытный охотник (общественный инспектор), имел бы возможность проявить осторожность: предупредить потерпевшего о том, что ружье заряжено, и об опасности своих действий.

Ответственность исключается и при отсутствии причинной связи между действиями лица и наступившими последствиями. Сложнее решить вопрос тогда, когда условия, в которых наступило последствие, были созданы сознательными действиями лица, с которыми это последствие находится в причинной связи.

Как уже подчеркивалось, для ответственности за наступившие последствия по небрежности не имеет значения, сознавало ли лицо фактическую сторону своих действий. Важно установить, была ли исключена возможность осознания лицом наступления общественно опасных последствий. Если такая возможность была исключена, то ответственность лица не наступает. Если же такая возможность не исключается и лицо *должно было* (объективный критерий) и *могло* (субъективный критерий) предвидеть наступление общественно опасных последствий, оно отвечает за допущенную небрежность. Именно на эти обстоятельства указано в ст. 9 Основ уголовного законодательства.

Только в результате сочетания объективного и субъективного критериев при оценке конкретных условий деяния можно прийти к правильному выводу о разграничении убийства, совершенного по небрежности, и случайного причинения смерти.

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 6, с. 27—29.

ГЛАВА 7. ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА

1. Установление признаков, необходимых для наступления уголовной ответственности за доведение до самоубийства по ст. 107 УК, одновременно означает и установление признаков, необходимых для квалификации¹.

Из ст. 107 УК следует, что прежде всего необходимо установить *материальную или иную зависимость* потерпевшего от виновного. Изучение практики показывает, что чаще всего это материальная зависимость, основанная на сложившихся семейных отношениях между супругами, родителями и детьми. Но зависимость, возникающая между членами семьи, может быть не только материального характера. Президиум Верховного Суда РСФСР, например, по делу Б., осужденного по ст. 107 УК, признал, что потерпевшая — жена Б. «состояла с осужденным в брачных отношениях и имела от брака трех малолетних детей. Эти семейные отношения создавали определенную зависимость между супругами, и такая зависимость, основанная на брачных отношениях, может явиться одним из условий уголовной ответственности, предусмотренной ст. 107 УК РСФСР»².

Ошибки чаще всего допускаются в тех случаях, когда под «иной зависимостью» потерпевшего от виновного понимают зависимость, возникающую в результате сожительства, прекращение которого или отказ от регистрации брака расценивается как причина доведения до самоубийства. Простое сожительство никакой зависимости не создает³, и, следовательно, прекращение его или отказ от регистрации брака не может рассматриваться как причина доведения до самоубийства.

Для материальной или иной зависимости предпосылкой является наличие каких-либо отношений между потерпевшим и виновным. Они могут возникать не только в сфере семейных отношений или отношений между мужчиной и женщиной, но и по службе или при совместном проживании посторонних лиц на жилой площади, принадлежащей одному из них. Практика показывает, что в некоторых случаях ст. 107 УК применяется, когда между потерпевшим и виновным вообще не было отношений, которые бы могли породить зависимость. По приговору Дахадаевского районного народного суда Дагестанской АССР С. был осужден по ст. 107 УК за доведение до самоубийства сестры своей жены Ш., которая проживала с мужем отдельно. С. распустил по селению слух, что у него три жены, имея в виду жену, тещу и Ш. Он рассказывал всем, что Ш. находится с ним в интимных отношениях, чего в действительности не было. В результате этого от Ш. ушел муж и она покончила жизнь самоубийством. В данном случае ни материальной, ни какой-либо иной зависимости Ш. от С. не было и, по нашему мнению, действия осужденного в связи с этим квалифицированы по ст. 107 УК неправильно. В соответствии с действующим законом их следовало квалифицировать по ч. 1 ст. 130 УК.

Однако если расценивать действия С. по существу, то они явились причиной самоубийства Ш. Он, в полном смысле этого слова, довел потерпевшую до самоубийства путем распространения злостных клеветнических измышлений. Представляется, что дело С.

¹См. также гл. гл. 1, 2 и 8.

²«Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1967, № 6, с. 9.

³См.: Сборник постановлений Пленума, Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, 1961—1963 гг., с. 77—78.

подтверждает несовершенство редакции ст. 107 УК. Как уже подчеркивалось, ряд кодексов союзных республик помимо ч. 1, соответствующей ст. 107 УК РСФСР, имеют еще ч. 2 следующей редакции: «Доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство вследствие систематической травли или клеветы со стороны лица, от которого потерпевший не был в материальной или иной зависимости» (ч. 2 ст. 99 УК Украинской ССР). Преступление, совершенное С., прямо предусмотрено приведенной из Уголовного кодекса УССР нормой. Сказанное дает основания считать целесообразным дополнить ст. 107 УК РСФСР ч. 2 аналогичного содержания.

2. Необходимым условием применения ст. 107 УК является также содержащееся в ней требование, чтобы доведение до самоубийства явилось результатами *жестокости обращения* виновного с потерпевшим или *систематического унижения его личного достоинства*.

Изучение дел этой категории показывает, что чаще всего самоубийство или покушение на самоубийство происходит в результате сочетания жестокости и унижения личного достоинства. Так, Г. был осужден по ст. 107 УК за доведение до самоубийства своей жены путем жестокого обращения и унижения ее личного достоинства: систематически избивал потерпевшую, не оставлял продуктов и денег на питание, в ночное время зимой без одежды выгонял на улицу, оскорблял при посторонних. Все это привело к тому, что потерпевшая пыталась повеситься, но была вынута из петли и в тяжелом состоянии отправлена в больницу. Здесь трудно разграничить жестокое обращение виновного с потерпевшей и унижение ее личного достоинства. По нашему мнению, жестокое обращение, если оно совершается систематически, одновременно является и унижением личного достоинства.

Унижение личного достоинства потерпевшего реже, чем жестокое обращение, оказывается самостоятельным признаком применения ст. 107 УК. М., например, был осужден по этой статье за доведение до самоубийства жены. Суд установил, что М. сожительствовал с соседкой, которой делал подарки, и даже отдавал заработанные женой деньги. О своих действиях М. рассказывал потерпевшей и другим лицам. В результате жена М. отравилась. Как видно из приговора по этому делу, суд оценил эти действия М. как систематически унижающие личное достоинство потерпевшей.

Унижение личного достоинства может выразиться и в распространении клеветнических слухов, в ложном обвинении в совершении тяжкого преступления.

Жестокое обращение и систематическое унижение личного достоинства в ряде случаев содержат состав самостоятельного преступления. В связи с этим возникает необходимость в дополнительной квалификации преступных действий виновного.

3. Практика показывает, что единого взгляда на квалификацию преступлений, составляющих идеальную совокупность со ст. 107 УК, не имеется.

Чаще других наряду со ст. 107 применяется ст. 113 УК. Но и этот вопрос разрешается по-разному. Березниковским городским народным судом Пермской области З. осужден за то, что систематически избивал свою жену, в результате чего она отравилась, выпив смертельную дозу уксусной эссенции. Суд квалифицировал действия З. по ст. ст. 107 и 113 УК. По другому делу Зареченским народным судом г. Тулы П. осужден только по ст. 107 УК, хотя его действия ничем от действий З. не отличались. Он также систематически избивал жену, которая покончила собой, нанеся себе смертельное ранение ножом.

Такие же вопросы возникают при квалификации доведения до самоубийства по совокупности с причинением телесных повреждений (ч. 1 ст. 108, ст.ст. 109 и 112 УК), с угрозой убийством (ст. 207 УК).

О квалификации преступлений, совершенных при идеальной совокупности, в литературе высказаны различные мнения. Л. Андреева полагает, что «при совершении преступлений способом, образующим в свою очередь самостоятельное преступление с иным объектом посягательства, когда к тому же этот способ в числе признаков первого пре-

ступления конкретно не перечислен, следует содеянное квалифицировать как идеальную совокупность двух преступлений»¹.

Эта позиция подверглась критике Ю. Ронжиным и Б. Волковым. Они рассуждают следующим образом. Нельзя согласиться с тем, что если тот или иной способ не указан в диспозиции соответствующей статьи, то он всегда должен найти отражение в квалификации. Признание того или иного способа совершения преступления признаком состава зависит не только и не столько от того, упоминается ли он в диспозиции соответствующей статьи, сколько от его специфики и содержания. При этом важно учитывать степень общественной опасности как самого совершенного преступления, так и способа действия виновного. Доведение до самоубийства имеет ту отличительную особенность, что с внешней стороны оно может выражаться в самых различных и по содержанию и по форме посягательствах против личности, в том числе и таких, которые предусмотрены в качестве самостоятельных преступлений. Однако их объединяет и служит основанием для выделения в один состав то, что эти действия выступают как непосредственная причина более тяжких последствий — самоубийства или покушения на него. Это обстоятельство имеет важное значение в оценке и квалификации доведения до самоубийства².

В тех случаях, когда жестокое обращение выражается в насильственных действиях, представляющих по сравнению с доведением до самоубийства меньшую общественную опасность, они не должны получать самостоятельного отражения в квалификации. Например, самоубийство, явившееся результатом таких действий, как побои, телесные повреждения, истязание, систематические оскорбления, должно квалифицироваться только по ст. 107 УК без применения других, соответствующих перечисленным деяниям, статей Уголовного кодекса. Они теряют значение самостоятельного состава и оказываются лишь этапом доведения до самоубийства.

Если же жестокое обращение состояло в совершении действий, которые расцениваются законом как более тяжкое преступление, чем доведение до самоубийства (например, причинение тяжкого телесного повреждения), то они должны квалифицироваться по совокупности ст. ст. 107 и 108 УК.

Ю. Ронжин и Б. Волков исходят из того же принципа, что и Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 16 октября 1972 г., в котором речь идет о квалификации хулиганства по совокупности только с более тяжким, чем хулиганство, преступлением³. По нашему мнению, это правильное решение вопроса. Менее тяжкие преступления, совершаемые при доведении до самоубийства, следует расценивать лишь как способ доведения до самоубийства, как один из признаков его объективной стороны. В тех же случаях, когда совершается более тяжкое преступление, чем доведение до самоубийства, оно становится конкурирующим деликтом, выходящим по своим последствиям за пределы объективной стороны доведения до самоубийства и поэтому заслуживающим самостоятельной юридической оценки.

Доведение до самоубийства может оказаться совершенным в совокупности с другим преступлением, когда самоубийство потерпевшего оказывается результатом действий, составляющих объективную сторону другого преступного деяния (например, посягательства на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов — ст. 227 УК), либо является последствием, характеризующим также объективную сторону другого преступления (например, изнасилования, повлекшего особо тяжкие последствия, — ч. 3 ст. 117 УК).

¹ Андреева Л. Спорные вопросы квалификации по совокупности преступлений. — «Сов. юстиция», 1969, № 3, с. 20.

²См.: Ронжин Ю., Волков Б. Судебная практика по делам о доведении до самоубийства. — «Сов. юстиция», 1970, № 11, с. 8.

³См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973, с. 543.

По приговору Московского областного суда Ф., А. и С. были осуждены по ст. ст. 107 и 227 УК за то, что они, действуя как руководители и проповедники религиозной секты пятидесятников-«трясунов», доводили до самоубийства вовлеченных в секту людей. Эти лица систематически проводили сборища и моления сектантов, которые сопровождались изуверскими обрядами, доведшими их до иступления. А. и С. в своих проповедях и беседах с верующей К. внушали мысль о том, что «ради жизни вечной и господа бога» необходимо идти на любые жертвы. В результате К. пыталась толкнуть несовершеннолетнюю дочь под автомашину, а также столкнуть ее с обрыва в реку. Доведенная до состояния депрессии, К. покончила жизнь самоубийством, бросилась под поезд. Такими же действиями была доведена до самоубийства покончившая собой верующая Н. Заключение судебно-психиатрической экспертизы было подтверждено, что К. и Н. покончили жизнь самоубийством вследствие истерического психоза, развившегося в результате исполнения изуверских обрядов в секте¹.

Таким образом, К. и Н., вступив в секту, подпали под влияние опытных преступников, оказались в зависимости от них и подвергались систематическому жестокому обращению. Действия осужденных составляют объективную сторону одновременно двух преступлений, однако последствия, предусмотренные ст. ст. 107 и 227 УК, различны. Поэтому квалификация совершенных осужденными преступлений была признана Верховным Судом РСФСР правильной.

По-другому должен решаться вопрос о квалификации изнасилования, повлекшего самоубийство потерпевшей. Здесь самоубийство оказывается особо тяжким последствием, предусмотренным ч. 3 ст. 117 УК. Определение Военной коллегии Верховного Суда СССР по делу Ч., осужденного за изнасилование Л., покончившей затем жизнь самоубийством, опубликовано под таким заголовком: «Самоубийство несовершеннолетней потерпевшей в связи с совершенным над ней насилием дает основание для квалификации изнасилования как повлекшего особо тяжкие последствия»². Кроме того, для применения ст. 107 УК в данном случае нет оснований, так как отсутствуют признаки, характеризующие доведение до самоубийства, совершенного в идеальной совокупности с изнасилованием.

4. Анализ действий потерпевшего, покончившего жизнь самоубийством, в каждом случае должен показать, что оно явилось результатом его умышленных действий. Это обстоятельство не всегда учитывается на практике. Так, Р. был осужден народным судом за причинение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшей (по п. «в» ст. 88 УК Узбекской ССР). После распития спиртных напитков между Р. и его женой возникла ссора, во время которой Р. стал избивать жену. Убегая, она выпрыгнула из окна со второго этажа. Внизу под окном стояла кровать с торчащими вверх железными прутьями. При падении потерпевшая, ударившись о прутья кровати, получила тяжелую травму. Р. также выпрыгнул в окно и продолжал избивать жену, находившуюся в тяжелом состоянии. В результате полученных тяжких телесных повреждений жена Р. на следующий день скончалась. Судебная коллегия по уголовным делам, Президиум и Пленум Верховного Суда Узбекской ССР расценили действия Р. как доведение до самоубийства и квалифицировали по ст. 87 УК Узбекской ССР. Пленум Верховного Суда СССР признал решения этих судебных инстанций неправильными. Доведение до самоубийства по смыслу закона предполагает умышленное лишение себя жизни потерпевшим, доведенным до этого действиями виновного, предусмотренными в диспозиции ст. 87 УК Узбекской ССР³.

Мы уже подчеркивали, что лишение жизни себя по неосторожности не является самоубийством.

¹См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1961, № 4, с. 8—9.

²«Бюллетень Верховного Суда СССР», 1969, № 3, с. 39, 40.

³См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1969, № 6, с. 9.

5. От доведения до самоубийства необходимо отличать подстрекательство к самоубийству и пособничество ему. Советским уголовным законодательством ответственность за эти деяния не установлена. Между тем они представляют значительную опасность для общества и, с нашей точки зрения, должны влечь уголовную ответственность¹, когда они совершены не только в отношении несовершеннолетнего или невменяемого (здесь, как отмечалось, налицо убийство), но и в отношении психически здорового и совершеннолетнего, покончившего жизнь самоубийством. Представляется, что Уголовные кодексы союзных республик следовало бы дополнить специальной нормой.

Не предусмотрена уголовная ответственность по советскому праву и за попустительство самоубийству, которое может проявляться в форме непринятия мер предупреждения готовящегося самоубийства в тех случаях, когда лицу об этом достоверно известно. К попустительству следует отнести случаи невоспрепятствования самоубийству в момент его совершения, когда лицо имеет возможность пресечь его. Не наступает уголовная ответственность и за недоносительство о достоверно известном готовящемся или совершенном самоубийстве. Здесь, как нам кажется, должны применяться меры общественного воздействия.

¹Ответственность за подстрекательство к самоубийству или содействие ему предусмотрена Уголовными кодексами ряда стран: Болгарии (ст. 127), Венгрии (ст. 255), Польши (ст. 228), Румынии (ст. 179), Чехословакии (ст. 230), Югославии (ст. 139) и др.

ГЛАВА 8. ОТГРАНИЧЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ ОТ ДРУГИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРИЧИНЕНИЕМ СМЕРТИ

1. При квалификации преступлений против жизни возникают многочисленные вопросы отграничения их от других преступлений, связанных с угрозой жизни или с причинением смерти человеку. Они возникают при отграничении *убийства* или покушения (приготовления) на него от преступлений, предусмотренных ст. ст. 66—69, 77, 77¹, 79, 85, 98, 99, 108—111, 114, 116, 140, 149, 150, 172, 191², 193, 207, 211—217, 220, п. «в» ст. 240, 252—254 УК. Что касается *доведения до самоубийства*, то эти вопросы возникают при отграничении его от убийства¹.

Разрешая вопрос об отграничении убийства от других преступлений, включающих в свой состав умышленное или неосторожное причинение смерти человеку, следует исходить прежде всего из определения понятия убийства². Вместе с тем необходимо учитывать, что оно, как и определение понятия любого преступления, является общим, отражающим лишь наиболее существенные черты (объект, на который направлено посягательство, субъективную сторону деяния, противоправность, а также наступление последствий — для оконченного преступления). Поэтому сопоставление понятий преступлений позволяет сделать только предварительный вывод о том, какое совершено преступление. Для квалификации, а следовательно, и для отграничения одного преступления от другого необходим анализ всех сторон составов сопоставляемых преступлений.

В основе отграничения одного преступления от другого лежит объект посягательства, который в значительной мере определяет природу данного преступления и его общественную опасность. По объекту главным образом мы определяем характер преступления, например убийство или хищение, убийство или оскорбление, убийство или взяточничество и т. д. Во всех этих случаях отграничение других преступлений от убийства по объекту посягательства трудности не составляет, поскольку их объекты настолько различны, что не может быть сомнений, в каком случае совершено убийство, а в каком — хищение, оскорбление и взяточничество. Однако значительно сложнее правильно решить вопрос о разграничении преступлений, когда непосредственным объектом посягательства выступает жизнь человека. Отграничить убийство от другого преступления, сопряженного с посягательством на жизнь, по объекту преступления можно только путем выяснения наличия или отсутствия посягательства наряду с жизнью человека и на другой объект, специально охраняемый законом. Так, при бандитизме в случае совершения убийства объектом преступления наряду с жизнью человека выступают основы общественной безопасности; при причинении тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, объектом преступления наряду с жизнью оказывается и здоровье граждан и т. д.

Но объект посягательства не всегда может служить критерием отграничения убийства от других преступлений. Например, при доведении до самоубийства, как уже указывалось, объектом преступного посягательства является также жизнь человека. Поэтому для отграничения убийства от других преступлений, связанных с причинением смерти человеку,

¹См. гл. 7.

²См. гл. 1.

немаловажное значение имеет выяснение субъективной стороны преступного посягательства и главным образом вины, т. е. психического отношения субъекта к своим действиям и наступившим последствиям. Наличие прямого или косвенного умысла на лишение жизни человека, как правило, свидетельствует о совершении убийства. Вместе с тем установление умысла на лишение жизни не во всех случаях влечет квалификацию преступления по статьям Уголовного кодекса, предусматривающую ответственность за убийство. Например, при совершении террористического акта всегда имеется умысел на лишение жизни человека, но наличие другого признака субъективной стороны состава преступления — цели ослабления Советского государства исключает квалификацию преступления по ст. ст. 102 или 103 УК.

В отдельных случаях при отграничении убийств от других посягательств может иметь значение и субъект преступления. Например, уголовная ответственность за бандитизм наступает с 16 лет, а за убийство с 14 лет. Поэтому, если вовлеченное в банду лицо в возрасте от 14 до 16 лет совершит убийство, оно будет нести ответственность не за бандитизм, а за убийство.

Для отграничения убийств от других преступлений в некоторых случаях может иметь значение и объективная сторона состава преступления. Вместе с тем она не может быть решающей. В самом деле, убийство чаще всего совершается путем действий виновного, но оно может быть совершено и путем бездействия. Наступление смерти потерпевшего как последствие преступления характерно не только для убийства. Наличие причинной связи между действием виновного и смертью потерпевшего необходимо для всех преступлений, при совершении которых может наступить смерть человека.

Таким образом, путем сопоставления признаков состава преступления в каждом конкретном случае имеется возможность отграничить убийство от других преступлений, связанных с лишением жизни человека.

Изучение практики показывает, что вопрос об отграничении убийств от некоторых преступлений, связанных с причинением смерти, представляет значительную сложность и поэтому нуждается в более обстоятельном рассмотрении. Спорные вопросы возникают при отграничении убийства, покушения (приготовления) на него от таких преступлений, как причинение умышленных тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, — тяжких или менее тяжких умышленных и неосторожных телесных повреждений, — тяжких или менее тяжких телесных повреждений, причиненных в состоянии аффекта или при превышении пределов необходимой обороны, умышленное уничтожение государственного или общественного имущества либо личного имущества граждан, оставление в опасности, транспортные преступления, угроза убийством, халатность.

2. На практике распространенной ошибкой является осуждение за умышленное убийство лица, причинившего *тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть потерпевшего*. Допускаемые ошибки объясняются в какой-то степени тем, что эти преступления по внешним признакам (всем признакам объективной стороны) совершенно одинаковы. У них могут совпадать и некоторые признаки субъективной стороны, например мотивы и цель преступления. Это, очевидно, иногда приводит к тому, что в результате не критического анализа фактических обстоятельств совершенного преступления со стороны следственных органов и судов действия виновного, причинившего тяжкие телесные повреждения, повлекшие смерть потерпевшего, расцениваются как умышленное убийство, исходя не из преступного намерения, а лишь из наступивших последствий — смерти потерпевшего. Так, Ф. был осужден по п. «г» ст. 102 и по ч. 1 ст. 145 УК за убийство В. и кражу денег у С. Суд признал, что Ф. и В. при распитии водки не поделили украденные деньги. На этой почве между ними возникла ссора, во время которой Ф. нанес множество ударов В. руками и ногами в различные части тела. Уходя с места происшествия, Ф. положил под голову В. пиджак, чтобы тот «не захлебнулся рвотными массами». В. был обнаружен мертвым.

Судебно-медицинская экспертиза констатировала, что его смерть наступила от закрытой тупой травмы живота. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР признала, что действия Ф. расценены судом как умышленное убийство неправильно, исходя не из его отношения к содеянному и направленности умысла, а из наступивших последствий. Суд не учел характера действий и последующего поведения Ф., свидетельствующих об отсутствии у него умысла на убийство. Его действия предусмотрены ч. 2 ст. 108 УК¹.

В других случаях при наличии данных о том, что виновный имел умысел на убийство, его действия расцениваются как причинение тяжких телесных повреждений. Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда признала правильной квалификацию по ч. 2 ст. 108 УК действий К., который ударил ножом в пах С, от чего наступила его смерть. Президиум Московского городского суда отменил определение Судебной коллегии и указал: «Из дела видно, что К. был знаком с гр-кой К-ой и встречался с ней. В день происшествия он, выпив водки, приехал к К-ой, у которой застал С.

К-ва попросила его уйти и сообщила, что она намерена с С. вступить в брак. К., угрожая С. убийством, ушел, а через несколько минут возвратился с заранее приготовленным раскрытым ножом и нанес С. удар в левый пах, после чего скрылся. . . С. был доставлен в больницу в состоянии, близком к клинической смерти». В соответствии с этими данными и с учетом высказанной К. угрозы убийством Президиум признал, что действия К. следует расценивать как умышленное убийство².

В данном случае нанесение удара ножом в жизненно важную часть тела, сопровождаемое угрозой смертью, является бесспорным свидетельством умысла на убийство.

Разграничение этих преступлений должно проводиться по субъективной стороне, точнее по форме вины. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» обратил внимание судов на то, что они не всегда, разграничивают умышленное убийство и причинение тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть потерпевшего. При этом не учитывается, что при убийстве требуется наличие прямого или косвенного умысла на причинение смерти, а при тяжком телесном повреждении — умысла лишь на причинение телесного повреждения, отношение же к смерти потерпевшего выступает в форме неосторожной вины.

Таким образом, ч. 2 ст. 108 УК применяется в тех случаях, когда установлены умысел виновного на причинение тяжких телесных, повреждений и неосторожность — в отношении смерти потерпевшего³. Прямой или косвенный умысел на причинение смерти свидетельствует об умышленном убийстве. Сказанное позволяет подчеркнуть, что при разграничении умышленного убийства и тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть, должно быть выяснено субъективное отношение виновного и к *действиям* (причинение телесных повреждений), и к *последствиям* (смерти потерпевшего).

Изучение практики показывает, что установление умысла на причинение тяжких телесных повреждений не представляет серьезных трудностей. Доказать же умысел на убийство в тех случаях, когда отсутствуют прямые доказательства (личные объяснения, свидетельские показания, письма и т. п.), значительно труднее.

Сложность состоит в том, что привлеченный к ответственности, как правило, отрицает умысел на убийство, нередко утверждает, что он намеревался причинить только телесное повреждение. Пленум Верховного Суда СССР в упомянутом постановлении от 27 июня 1975 г. рекомендовал судам, решая вопрос о содержании умысла виновного, исходить из со-

¹См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1973, № 7, с. 6—7.

²См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1962, № 6, с. 16.

³В Уголовном кодексе Эстонской ССР прямо указывается, что ч. 2 ст. 107 применяется, когда в результате нанесения умышленного тяжкого телесного повреждения причиняется по неосторожности смерть потерпевшему. Аналогично решен вопрос в ч. 2 ст. 105 УК Латвийской ССР.

вокупности всех обстоятельств совершенного преступления, в частности учитывать предшествующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения, причины прекращения преступных действий виновного, способы и орудия преступления, а также характер ранений (например, в жизненно важные органы человека) и т. д.

Преданный суду по п. «б» ст. 102 и ч. 3 ст. 206 УК К. не отрицал злостного хулиганства и причинения тяжких телесных повреждений Д., но утверждал, что у него не было умысла на убийство. Саратовский областной суд осудил К. по ч. 2 ст. 108 и ч. 3 ст. 206 УК. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР отменила приговор и указала, что умысел К. на убийство Д. подтверждается обстоятельствами нанесения удара ножом в голову потерпевшего. «Удар К. нанесен в жизненно важный орган — в висок головы и с большой силой, отчего лезвие ножа сломалось и осталось в голове потерпевшего. Удар наносился охотничьим ножом большого размера»¹.

Из примера следует, что Верховный Суд РСФСР при определении наличия умысла на убийство исходил прежде всего из характера действий виновного. Характер действий виновных по таким делам бывает ясен из их объяснений (если они не отрицают нанесения удара, ранения или повреждения потерпевшему), а также может быть установлен путем допроса свидетелей или другими доказательствами. О характере действий могут свидетельствовать и те повреждения, которые обнаружены на теле потерпевшего и зафиксированы в протоколе осмотра трупа или в заключении судебно-медицинского эксперта.

Такой подход к определению наличия или отсутствия умысла вполне оправдан. В связи с рассмотрением данного вопроса заслуживает внимания указание К. Маркса о значении действий субъекта для установления его намерения. «Различны объекты, не менее различны и действия, направленные на эти объекты, следовательно различны должны быть и намерения, ибо какое же объективное мерило можем мы приложить к намерению, помимо содержания действия и его формы?»².

Анализ практики показывает, что действия лиц, совершивших умышленное убийство, различаясь между собой по фактическим обстоятельствам, имеют общие для всех них признаки. К ним относятся: 1) направленность действий виновного на нарушение функций или анатомической целостности жизненно важного органа потерпевшего³; 2) применение такого орудия или средства, которым может быть причинена смерть; 3) интенсивность действий виновного⁴, достаточная для нарушения функций или анатомической целостности жизненно важного органа человека.

Отсутствие хотя бы одного из указанных признаков свидетельствует о том, что обвинение в убийстве (если только вывод о наличии у виновного умысла на убийство сделан, исходя из характера его действий) является недостаточно обоснованным. И, наоборот, наличие таких признаков, как правило, подтверждает умысел на убийство, поскольку по направленности, интенсивности и по примененным средствам (орудиям) исключается какой-либо иной, кроме смертельного, исход. Об опасности для жизни человека такого рода повреждений известно каждому лицу, которое может быть привлечено к уголовной ответственности.

В приведенном постановлении Пленума правильно подчеркивается важность установления характера предшествующих убийству действий виновного и потерпевшего. Однако изучение практики показывает, что о содержании умысла могут свидетельствовать действия виновного, последовавшие за причинением потерпевшему телесных повреждений,

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1967, № 10, с. 7.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 122.

³ Обобщение судебной практики по делам об убийстве показывает, что при наличии умысла на убийство действия виновного чаще всего бывают направлены на нарушение анатомической целостности: головы, шеи, левой стороны груди, печени, левого и правого пахов.

⁴ Интенсивность действий виновного может характеризоваться как силой удара, так и количеством нанесенных телесных повреждений.

когда он, например, препятствует оказанию медицинской помощи. По приговору Алтайского краевого суда Н. был осужден за то, что нанес удары ножом своим знакомым: Т. — в верхнюю часть левого бедра, повредив большую бедренную артерию, и В. — в нижнюю часть бедра. В результате ранения у Т. открылось обильное кровотечение и он потерял сознание. Затем Н. воспрепятствовал шоферу колхоза готовить автомашину для перевозки раненых в больницу, отогнал его от машины, ударив ножом в руку. Оставшись по вине Н. без медицинской помощи, Т. через некоторое время умер от потери крови. Н. сознавал, что его действия могут привести к наступлению смерти Т., и поэтому был осужден за умышленное убийство.

В тех случаях, когда виновный действовал с умыслом на убийство, продолжительность времени, прошедшего от момента нанесения повреждений потерпевшему до его смерти, не имеет значения для квалификации его действий. Ивановским областным судом И. был осужден за умышленное убийство своего сына. Не желая продолжать жизнь с семьей, с целью уклонения от уплаты алиментов, И. дал своему 10-месячному сыну чай с каустической содой, в результате чего мальчик умер через 347 дней от поздних осложнений химического ожога пищевода. Судебно-медицинский эксперт дал заключение о том, что раствором каустической соды высокой концентрации ребенку были причинены, безусловно, смертельные телесные повреждения. Уличенный в совершенном преступлении, И. сознался, что намеревался умертвить сына. В данном случае, который является исключительным, смерть потерпевшего наступила почти через год после совершения преступления.

3. Вопрос об отграничении от *тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего*, возникает и при квалификации убийства, совершенного по неосторожности (ст. 106 УК). Определенные трудности, встречающиеся на практике, объясняются тем, что эти преступления имеют общий признак неосторожного отношения виновного к наступившим последствиям — смерти потерпевшего. Суды часто не учитывают, что ответственность по ч. 2 ст. 108 УК наступает только при условии, если виновный, совершая противоправные действия, предвидел возможность причинения тяжких телесных повреждений и желал либо сознательно допускал наступление такого результата. Народным судом Х. была осуждена по ч. 2 ст. 108 УК за причинение тяжких телесных повреждений О., которые повлекли его смерть. Было установлено, что находившийся в нетрезвом состоянии О. на кухне в коммунальной квартире затеял ссору, а затем драку. Х. ударила несколько раз О. головой о стену, когда же они оказались на лестнице, толкнула его вниз. О. ударился головой об угол и от полученных повреждений на следующий день умер. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР признала, что обстоятельства причинения смерти О. не дают оснований для вывода о том, что Х. умышленно причинила потерпевшему тяжкие телесные повреждения. Толкая О. с лестницы, Х. могла и должна была предвидеть возможность наступления тяжких последствий, в том числе и смерти, ввиду чего ее действия надлежит квалифицировать по ст. 106 УК¹.

Вопрос о квалификации действий виновного в подобных случаях не может быть разрешен по заранее определенному рецепту. Многое зависит от конкретных обстоятельств преступления, личности виновного и потерпевшего, их отношений до совершения преступления и поведения виновного после него. Представляется, что в подобных ситуациях, когда, например, виновный толкает потерпевшего с лестницы, наносит сильный удар кулаком, зная специальные приемы нанесения таких ударов, не всегда исключается умысел в отношении наступления тяжких последствий. Во всяком случае, как подчеркнула Военная коллегия Верховного Суда СССР по делу С., при разграничении применения ч. 2 ст. 108 и ст. 106 УК необходимо исходить из того, что неосторожное убийство предполагает

¹См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1973, № 3, с. 12—13.

отсутствие умысла виновного как на причинение тяжких телесных повреждений, так и на причинение смерти потерпевшему¹.

4. При отграничении покушения на убийство от *тяжких телесных повреждений* (ч. 1 ст. 108 УК) необходимо учитывать, что объективная сторона этих преступлений одинакова. Их следует разграничивать по содержанию умысла. В настоящее время общепризнан взгляд, согласно которому покушение на убийство возможно только с прямым умыслом. Следовательно, при разграничении покушения на убийство и тяжких телесных повреждений решающее значение приобретает установление вида умысла. О прямомумысле на причинение смерти могут свидетельствовать высказывания виновного о намерения совершить убийство еще до покушения на него, угроза убийством, попытка воспрепятствовать оказанию медицинской помощи после причинения телесных повреждений и т. д. Отсутствиетаных данных о наличии прямого умысла на причинение смерти потерпевшему при нанесении тяжких телесных повреждений и установление безразличного отношения виновного к возможным последствиям не позволяют рассматривать его действия как покушение на убийство. Это требование не всегда учитывается на практике, что приводит к ошибкам при квалификации преступлений. Так, Подольский городской народный суд осудил Р. по ст. 15 и п. «б» ст. 102 УК за то, что он во время драки ударил Б. ножом в спину, причинив тяжкие телесные повреждения. Московский областной суд признал квалификацию действий неправильной и указал, что, поскольку Р., судя по обстоятельствам дела, действовал с косвенным умыслом, совершенное им преступление следует квалифицировать по ч. 1 ст. 108 УК.

В данном случае областной суд установил, что у Р. не было цели убить потерпевшего, и обоснованно пришел к выводу, что Р. должен нести ответственность за фактически наступившие последствия — причиненное тяжкое телесное повреждение.

Исходя из приведенных соображений, относящихся к анализу применения ч. 1 ст. 108 УК, должен решаться вопрос при отграничении покушения на умышленное убийство от менее тяжких телесных повреждений (ст. 109 УК). Если суд приходит к выводу о том, что имело место не покушение на убийство, а причинение телесных повреждений, применение ч. 1 ст. 108 или ст. 109 УК зависит от степени тяжести этих повреждений, вреда, причиненного здоровью потерпевшего.

5. *Неосторожное тяжкое телесное повреждение* следует отграничивать от неосторожного убийства. По этому вопросу нет единого мнения. Например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР отклонила протест заместителя Прокурора РСФСР на приговор народного суда в отношении Г., причинившего по неосторожности тяжкие телесные повреждения С., которые повлекли его смерть. В протесте ставился вопрос о квалификации действий Г. по ч. 1 ст. 114 УК. Судебная коллегия указала, что действия виновного предусмотрены ст. 106, а не ч. 1 ст. 114 УК, по которой может быть квалифицировано неосторожное тяжкое телесное повреждение без смертельного исхода. По нашему мнению, такое решение вполне обосновано. Из ч. 1 ст. 114 УК вовсе не вытекает, что в данном случае имеются в виду последствия, характеризующие тяжкое телесное повреждение со смертельным исходом, как это утверждалось в протесте.

Таковую же, по существу, позицию заняли авторы Комментария к Уголовному кодексу РСФСР, считая, что ч. 1 ст. 114 УК предусматривает неосторожное тяжкое телесное повреждение с последствиями, указанными в ст. 108 УК². Между тем в ч. 1 ст. 114 УК не случайно ничего не говорится о причинении смерти по неосторожности, так как это преступление предусмотрено ст. 106 УК. Иное решение вопроса потребовало бы назвать критерий, на основании которого можно было бы квалифицировать неосторожное причинение

¹См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, № 6, с. 40—41.

²См.: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР, Л., 1962, с. 231; Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР, изд. 2. М., 1964, с. 97. В Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР (М., «Юридическая литература», 1971, с. 277) этот вопрос оставлен без ответа.

смерти в одних случаях по ч. 1 ст. 114, а в других — по ст. 106 УК. Но такого критерия в рамках неосторожности предложить невозможно. Наступление смерти потерпевшего в результате неосторожных тяжких телесных повреждений, когда виновный должен был и мог ее предвидеть, влечет применение ст. 106 УК.

Квалификация действий виновного по ч. 1 ст. 114 УК при наступлении смерти потерпевшего от неосторожного тяжкого телесного повреждения возможна только тогда, когда между таким повреждением и наступившей смертью отсутствует причинная связь. Такая квалификация допустима и в том случае, когда установлено, что у субъекта, причинившего тяжкие телесные повреждения по неосторожности, отсутствует какая-либо вина по отношению к наступившей смерти. Однако в этих случаях смерть потерпевшего находится за пределами уголовно наказуемого деяния данного лица.

6. При отграничении *умышленного тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения, причиненного в состоянии сильного душевного волнения* (ст. 110 УК), от умышленного убийства, совершенного при тех же обстоятельствах (ст. 104 УК), возможны две ситуации, когда тяжкие телесные повреждения: а) не повлекли смерть потерпевшего (сюда же относятся и менее тяжкие телесные повреждения), б) окончились смертью потерпевшего.

В первой ситуации необходимо исходить из подчеркнутого выше положения о том, что покушение на убийство (в том числе и в состоянии сильного душевного волнения) невозможно с косвенным умыслом. Поэтому при отсутствии данных о наличии прямого умысла на лишение жизни потерпевшего причинение тяжких или менее тяжких телесных повреждений в состоянии аффекта должно быть квалифицировано по ст. 110 УК. Установление прямого умысла на лишение жизни, когда в состоянии аффекта причинено тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение потерпевшему, дает основание для применения ст.ст. 15 и 104 УК.

Сложнее дело обстоит при второй ситуации, когда в результате причинения тяжких телесных повреждений в состоянии аффекта наступила смерть потерпевшего. Разграничение указанных составов преступлений здесь следовало бы проводить в зависимости от отношения виновного к последствиям: при убийстве — умышленное, при тяжких телесных повреждениях — неосторожное. Однако в ст. 110 УК не упоминается о таком последствии, как смерть потерпевшего, в ней речь идет о «тяжких последствиях».

Этот вопрос возникал на практике. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР при рассмотрении дела М. признала, что тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть потерпевшего, совершенное в состоянии сильного душевного волнения, вызванного тяжким оскорблением, должно быть квалифицировано по ст. 104 УК. По ст. 110 УК такие действия квалифицируются лишь в тех случаях, когда они не повлекли смертельного исхода¹.

В литературе было высказано другое мнение. Н. И. Загородников считает, что по ст. 110 УК могут быть квалифицированы как простые тяжкие телесные повреждения (ч. 1 ст. 108), так и телесные повреждения, повлекшие за собой смерть потерпевшего (ч. 2 ст. 108)². По приведенным выше соображениям этот вывод представляется не совсем точным. Применение ст. 110 УК в разбираемых случаях предпочтительнее, чем квалификация, их по ст. 104 УК.

7. В ст. 111 УК предусмотрена ответственность за *тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение, причиненное при превышении пределов необходимой обороны*. В связи с этим встает вопрос об отграничении при квалификации ст.ст. 15 и 105 от ст. 111 УК. При его решении также необходимо исходить из того, что покушение на убийство возможно только с прямым умыслом. Во всех других случаях (при косвенном умысле на

¹См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1966, № 4, с. 5.

²См.: Загородников Н. И. Указ. соч., с. 88—89.

лишение жизни и умысле на причинение телесных повреждений при превышении пределов необходимой обороны) нанесения тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения ответственность должна наступать по ст. 111 УК.

8. *Умышленное уничтожение или повреждение имущества, повлекшее человеческие жертвы*, отграничивается от убийства по объекту преступного посягательства. Эти преступления не направлены против человеческой жизни, они посягают соответственно на социалистическую собственность (ч. 2 ст. 98 УК) или на личную собственность граждан (ч. 2 ст. 149 УК). С субъективной стороны действия виновного характеризуются неосторожной виной в отношении таких последствий этого преступления, как человеческие жертвы. В тех же случаях, когда виновный действует с прямым умыслом на уничтожение имущества и на убийство, последнее является самостоятельным преступлением. Но этим ограничиться было бы неправильно. К убийству необходимо, относить не только те случаи, когда виновный использует уничтожение имущества как способ убийства или средство сокрытия следов убийства, но и те случаи, когда, уничтожая имущество с прямым умыслом, он одновременно действует с косвенным умыслом на убийство. Например, Пензенским областным судом по п. «в» ст. 102 и ч. 2 ст. 149 УК был осужден Д. Желая отомстить бригадиру К. за якобы неправильное начисление заработной платы, Д. ночью обложил его дом тряпками, пропитанными мазутом, и поджег. При этом Д. было известно, что К. с семьей находится в доме. В результате пожара К. получил тяжелые ожоги и вскоре умер, а жене К. и детям удалось выбежать из горящего дома и спастись. Отклоняя кассационную жалобу, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР сослалась на то, что действия К. суд расценил правильно как убийство, поскольку, поджигая дом, в котором находятся спящие люди, он если и не желал, то сознательно допускал наступление тяжких последствий, в том числе и их смерти.

9. В судебной практике возникает вопрос об отграничении убийства от *заведомого оставления в опасности*. Мы имеем в виду заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вообще вследствие своей беспомощности, в случаях, если виновный имел возможность оказать помощь потерпевшему и был обязан иметь заботу о нем либо сам поставил его в опасное для жизни состояние (ч. 2 ст. 127 УК).

Как правило, вопрос об отграничении убийства от заведомого оставления без помощи возникает в тех случаях, когда виновный поставил потерпевшего в опасное для жизни состояние своими собственными действиями. Изучение такого рода дел показывает, что на практике встречаются факты неправильной квалификации действий виновных по закону об убийстве вместо ч. 2 ст. 127 УК. Так, Кемеровский областной суд осудил по ст. 103 УК К., которая, выписавшись из родильного дома, оставила ребенка в кустах, а потом перенесла его в баню, где ухаживала за ним, но ребенок простудился и через несколько дней умер от воспаления легких. Труп ребенка К. закопала в 600 метрах от дома. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР признала осуждение К. за убийство неправильным и квалифицировала ее действия по ч. 2 ст. 127 УК, сославшись на то, что она создала опасное для жизни ребенка состояние, повлекшее его смерть, не совершив каких-либо действий с целью убийства.

Ошибки допускаются и при отграничении заведомого оставления без помощи от покушения на убийство. Приговором Верховного Суда Удмуртской АССР В. был осужден по ч. 1 ст. 211, ст. 15 и пп. «в» и «г» ст. 102 УК. Суд признал, что В., управляя автомашиной, нарушил правила безопасности движения, наехал на В-ва, причинив ему менее тяжкие телесные повреждения. Чтобы скрыть преступление, он увез потерпевшего за город и оставил в поле. Суд указал в приговоре, что В., оставляя потерпевшего в тяжелом состоянии в поле, в холодную погоду, сознавал и допускал возможность наступления смерти, относясь к наступлению такого результата безразлично.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, анализируя обстоятельства совершения преступления, пришла к выводу, что суд исходил из наличия у осужденного косвенного умысла на убийство. В материалах дела нет достаточных данных о наличии у В. умысла, направленного на лишение жизни потерпевшего. Следовательно, его действия не могут быть расценены как покушение на убийство. Однако В. сам поставил потерпевшего в опасное для жизни состояние, заведомо оставил его без помощи, хотя обязан был заботиться о нем. Поэтому содеянное В. в этой части подлежит квалификации по ч. 2 ст. 127 УК¹.

Очевидно, что действия В., совершенные с косвенным умыслом по отношению к возможной смерти потерпевшего, как уже подчеркивалось, не могут свидетельствовать о покушении на убийство. Но это конкретное решение, когда учтена специфика субъективной стороны (невозможность косвенного умысла) при покушении на убийство. В принципе необходимо исходить из того, что субъективная сторона ч. 2 ст. 127 УК характеризуется прямым умыслом в отношении самого факта оставления без помощи лица в опасном для жизни состоянии и косвенным умыслом в отношении наступивших последствий². Следовательно, только в тех случаях, когда установлено наличие у виновного прямого умысла на лишение жизни при заведомом оставлении без помощи лица в опасности, его действия должны быть расценены как умышленное убийство.

10. Вопрос об отграничении убийства (умышленного и неосторожного) от *транспортных преступлений* имеет несколько аспектов. Прежде всего должна проводиться четкая грань между умышленным и неосторожным лишением жизни и нарушениями правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств, предусмотренными ст. ст. 211, 211², 213 и 252 УК. Каждая из этих статей предусматривает наступление в результате указанных нарушений гибели людей. Субъективную сторону названных преступлений по отношению к наступившим последствиям характеризует неосторожность, которая в зависимости от конкретных ситуаций может быть выражена в виде небрежности или самонадеянности.

Если установлено, что причинение смерти охватывалось умыслом виновного, его действия должны рассматриваться как умышленное убийство³. Это относится как к прямому, так и к косвенному умыслу. При прямом умысле транспортные средства в некоторых случаях могут быть использованы как орудие убийства. По делу П. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР подчеркнула: «Используя автомашину в качестве орудия преступления и направляя ее на большой скорости на потерпевших, П. сознавал общественно опасный характер своих действий, предвидел возможность причинения потерпевшим смерти и желал ее наступления. В связи с этим суд правильно пришел к выводу о наличии у П. прямого умысла на совершение преступления»⁴.

Действия лиц, виновных в причинении смерти, квалифицируются по ст. 211 УК только в тех случаях, когда она последовала в результате нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта. Если же такие последствия наступили не в результате нарушений указанных правил, а при погрузке или выгрузке грузов, ремонте транспортного средства, производстве строительных, дорожных, сельскохозяйственных и других нетранспортных работ, действия виновных подлежат квалификации в зависимости от формы вины соответственно как умышленное или неосторожное убийство⁵.

¹См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1968, № 1, с. 6—7.

²Поскольку в ч. 2 ст. 127 УК идет речь о «заведомости», мы не исключаем в рамках этого состава по отношению к последствиям не только косвенный умысел, но и неосторожность в виде преступной самонадеянности.

³См. постановление Пленума Верховного Суда СССР от 6 октября 1970 г. «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях». — Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973, с. 549.

⁴«Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1968, № 5, с. 6.

⁵См. постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 октября 1969 г. «О судебной практике по

В некоторых случаях решение вопроса об отграничении убийства от транспортных преступлений находится в зависимости от вида транспортного средства. Дело в том, что из числа автотранспортных средств должны быть исключены велосипеды и мопеды с рабочим объемом двигателя менее 49,8 куб. см, так как они в соответствии с Правилами дорожного движения не относятся к механическим транспортным средствам, не подлежат регистрации в ГАИ и для их управления не требуется документа, удостоверяющего право на вождение транспортного средства. В связи с этим причинение смерти по неосторожности упомянутыми транспортными средствами должно квалифицироваться по ст. 213 УК в случае нарушения действующих на транспорте правил и во всех других случаях — по ст. 106 УК. Применение ст. 211 УК здесь исключается.

11. Изучение практики показывает, что иногда суды квалифицируют по ст. 172 УК действия медицинских работников, допустивших *халатное отношение* к исполнению своих обязанностей, в результате чего наступает смерть больного.

Вопрос об ответственности медицинских работников в таких случаях один из наиболее сложных. Прежде всего необходимо попытаться установить границу, отделяющую преступление от действий медицинского работника, признанных неправильными, но не преступными. Вполне понятно, что врачу нельзя вменить в вину метод лечения или производство операции, связанные с определенным риском, который неизбежен и оправдан в некоторых случаях, когда врач, чтобы вылечить больного или спасти его жизнь, не добился желаемых результатов. Вместе с тем если врач предвидит, что избранный им метод лечения не исключает возможности смертельного исхода, но легкомысленно рассчитывает на его предотвращение, то при должной осмотрительности и более вдумчивом подходе к исполнению своих обязанностей он должен отказаться от этого метода. При продолжении лечения, повлекшего смерть больного, для врача наступает уголовная ответственность за допущенную преступную самонадеянность. Так, К., врач пункта неотложной помощи при одной из поликлиник Ленинграда, при выезде к больной С. установил наличие внематочной беременности. С. была в крайне тяжелом состоянии, не могла удержать термометр, ее руки и губы были синими. К. не принял мер к срочной госпитализации С., хотя это настоятельно диктовалось особенностями данного случая и было очевидно для К., он оставил больную без медицинского присмотра и только через 45 минут, после посещения другого больного, вызвал санитарную машину. В результате произошло обильное кровотечение в брюшную полость и С. умерла.

По заключению эксперта, при своевременно оказанной помощи жизнь С. была бы спасена. Сам К. заявил в судебном заседании, что он знал, что внематочная беременность может привести к смертельному исходу, но надеялся, что за это время с С. ничего не произойдет. Народным судом его действия были квалифицированы по ст. 172 УК.

Преступная небрежность врача может проявиться в том, что он не предвидит, что избранный им метод лечения может привести не к улучшению, а к ухудшению состояния больного, хотя должен был и мог это предвидеть. Ответственность может наступить лишь при условии, если в этой ситуации такая возможность объективно допускала установление ухудшения состояния больного, а по своим субъективным данным врач, учитывая квалификацию, опыт, стаж работы и т. п., вполне мог предвидеть наступление смерти, если бы проявил должную внимательность. В подобной ситуации к более квалифицированному работнику должны быть предъявлены и более высокие требования, чем к менее квалифицированному; к имеющим большой жизненный и профессиональный опыт — более высокие, чем к тем, которые его не имеют, и т. д.

делам о преступлениях, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их угоном (ст.ст. 211—212¹ УК РСФСР)». — «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1970, № 1, с. 6.

Менее сложно решить вопрос об ответственности медицинского работника, применившего по ошибке лекарственный препарат, повлекший смерть больного. В подобных случаях речь идет не об ошибке при постановке диагноза, когда в ряде случаев имеются весьма серьезные трудности, не учитывать которые нельзя. Выдача ненадлежащих лекарств вследствие преступной небрежности, допущенной при их хранении, не может быть оправдана неясностью симптомов болезни или другими подобными обстоятельствами.

По ст. 172 УК, предусматривающей должностную халатность, могут привлекаться к ответственности те медицинские работники, которые являются должностными лицами (главные врачи больниц, начальники отделений, заведующие аптеками и т. п.) и которые виновны в невыполнении или ненадлежащем выполнении своих должностных обязанностей организационно-распорядительного и административно-хозяйственного характера.

Действия врача и других медицинских работников, связанные с ненадлежащим выполнением ими своих профессиональных обязанностей (неправильное лечение, неверная дозировка лекарства, выдача ненадлежащего лекарства и т. п.), если это повлекло смерть больного, подлежат квалификации не по ст. 172, а по ст. 106 УК, предусматривающей ответственность за неосторожное убийство, при наличии, разумеется, всех признаков состава данного преступления¹. В связи с этим нельзя не согласиться с указанием Верховного Суда РСФСР по делу Г. о том, что, когда смерть больного наступает в результате халатности медицинского работника, не являющегося должностным лицом (например, медицинской сестры), преступление подлежит квалификации как неосторожное убийство по ст. 106 УК².

С нашей точки зрения, за невыполнение или ненадлежащее выполнение своих *профессиональных* обязанностей медицинские работники не должны привлекаться к уголовной ответственности по ст. 172 УК, даже если они при исполнении своих иных служебных обязанностей и могут рассматриваться в качестве должностных лиц. В тех же случаях, когда речь идет о причинении смерти по вине медицинского работника, выполняющего обязанности должностного лица, и в связи с выполнением этих обязанностей, его действия правильно было бы квалифицировать по совокупности ст. ст. 106 и 172 УК, поскольку ст. 172 непосредственно не предусматривает в числе последствий наступление смерти человека. Такая квалификация преступных действий в подобных случаях наиболее полно отражала бы характер совершенного преступления.

12. Для практики имеет значение отграничение приготовления к убийству от *угрозы убийством*. Для наступления уголовной ответственности за угрозу убийством должны быть *основания опасаться осуществления данной угрозы* (ст. 207 УК). Это в каждом случае — вопрос факта. При его решении нужно учитывать, как воспринял угрозу потерпевший. Но одного этого субъективного признака недостаточно, необходимо руководствоваться и объективными данными. Для вывода о реальности угрозы должна быть оценена обстановка, в которой она произнесена. О наличии оснований опасаться осуществления угрозы могут свидетельствовать: а) способ выражения угрозы (например, демонстрация оружия); б) характер взаимоотношений обвиняемого и потерпевшего (крайне неприязненные отношения, частые ссоры и т.п.); в) предшествующее поведение виновного (часто хулиганил, избивал других лиц или потерпевшего); г) личность виновного (например, ранее был судим или, наоборот, всегда отличался хорошим поведением, был уравновешен). Только с учетом всех обстоятельств по конкретному делу может быть принято правильное решение о том, имеются ли основания опасаться реализации угрозы³.

¹Согласно ст. 123 УК Народной Республики Болгарии совершившими убийство признаются и те лица, которые по незнанию или вследствие небрежного исполнения своих обязанностей, например обязанностей врача, шофера и пр., лишат кого-либо жизни.

²См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1963, № 4, с. 6.

³См.: Научный комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. Свердловск, 1964, с. 403.

Угроза убийством, как и всякая угроза, — одна из форм обнаружения умысла на совершение преступления. Обнаружение умысла, или, как принято его называть, «голый умысел», — это начальная стадия развития преступления, характеризующаяся выражением вовне намерения тем или иным способом совершить преступление.

Как стадия развития преступления, обнаружение умысла по советскому уголовному праву не преследуется. Она еще настолько далека от самого преступления, что нельзя говорить о ее общественной опасности, как и об опасности лица, обнаружившего умысел. Эта стадия характеризуется отсутствием общественно опасного действия (бездействия) — этого необходимого условия уголовной ответственности. За угрозу убийством уголовная ответственность установлена не потому, что угроза является стадией в развитии убийства, а потому, что она носит особо серьезный характер и сама по себе при определенных обстоятельствах представляет значительную общественную опасность. Вместе с тем это вовсе не исключает того, что при отграничении приготовления к убийству от угрозы убийством необходимо учитывать, что угроза может предшествовать приготовлению. При угрозе убийством дальнейшие события могут развиваться таким образом, что за ней последует приготовление, покушение и оконченное преступление. Когда угроза сопровождается конкретными действиями, состоящими в приискании или приспособлении средств или орудий убийства, это уже не угроза убийством, предусмотренная ст. 207 УК, а приготовление к убийству. В таких случаях ст. 207 УК не применяется, поскольку угроза убийством оказалась реализованной в более опасном преступлении — приготовлении к убийству. В судебной практике нам не встретилось случаев одновременного применения ст. 207 УК и статьи, предусматривающей ответственность за убийство, покушение или приготовление, когда этому предшествовала угроза тому же лицу.

13. Анализ преступлений против жизни, а также преступлений, связанных с причинением смерти, когда они сопряжены с убийством, показывает, что вопрос об их юридической квалификации должен решаться не всегда одинаково: в одних случаях закон об убийстве вообще не применяется; в других — применяется только закон об одном виде убийства, в третьих — закон о двух видах убийства, в четвертых — применяется не только закон об убийстве, но и закон о каком-либо другом преступлении, связанном с причинением смерти человеку.

А. В Уголовных кодексах союзных республик имеются составы, которые своими признаками полностью охватывают и совершение умышленного убийства. К их числу относятся: террористический акт (ст. ст. 66 и 67 УК), диверсия (ст. 68 УК), бандитизм (ст. 77 УК)¹, сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению служебных обязанностей, когда эти действия сопряжены с убийством (п. «в» ст. 240 УК). Во всех этих случаях совершенное убийство нет необходимости квалифицировать по ст. 102 или ст. 103 УК, достаточно квалифицировать преступление по соответствующей из указанных статей.

Рассматривая вопрос о соотношении умышленного убийства и посягательства на жизнь работника милиции и народного дружинника, Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника независимо от наступления преступного результата надлежит рассматривать как оконченное преступление и квалифицировать только по ст. 191² УК без дополнительной квалификации по ст. 102 или ст. ст. 15 и 102 УК². Принимая такое решение, Пленум исходил из того, что при конкуренции общей и специальной нормы должна применяться специальная норма. Такой специальной нормой в данном случае является ст. 191² УК. Эта позиция в

¹Пленум Верховного Суда СССР в п. 19 постановления от 27 июня 1975 г. разъяснил: «Умышленное убийство, совершенное участниками банды при нападениях, подпадает под признаки бандитизма и не требует дополнительной квалификации по ст. 102 УК РСФСР...».

²См. п. 5 постановления от 3 июля 1963 г. «О судебной практике по применению законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников». — Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973, с. 532.

принципе может быть признана правильной только при условии, если считать, что под посягательством следует понимать и оконченное преступление. С нашей точки зрения, посягательство на жизнь — это только покушение на убийство, но не оконченное убийство. В обычном словоупотреблении под посягательством понимается только покушение¹, и вряд ли от этого следовало отступать. При такой позиции правило о применении специальной нормы вместо общей при их конкуренции не должно было бы распространяться на п. «в» ст. 102 УК, поскольку ст. 191² УК не охватывает оконченного состава преступления — убийства².

Б. Подлежит применению только закон об убийстве в тех случаях, когда речь идет об отграничении его от тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, и доведения до самоубийства, которые не могут быть совершены одновременно в отношении одного и того же потерпевшего в совокупности с убийством. Установление доведения до самоубийства либо тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, исключает применение ст. ст. 102 и 103 УК, и, наоборот, при установлении убийства ст. 107 и ч. 2 ст. 108 УК не применяются.

В. Совершенное преступление следует квалифицировать не по одной, а по двум статьям Уголовного кодекса, предусматривающим ответственность за различные виды убийства. Это относится прежде всего к рассмотренному выше так называемому отклонению действия, когда деяние виновного квалифицируется одновременно и как покушение на убийство и как неосторожное убийство³. Возможны и другие случаи применения двух статей Уголовного кодекса об ответственности за убийство. Например, виновный, находясь в состоянии аффекта и действуя способом, опасным для жизни многих людей, убивает не только своего обидчика, во и постороннего человека. Такие действия должны квалифицироваться по совокупности преступлений — по ст. 104 и ст. 103 УК. Здесь, так же как и при отклонении действия налицо идеальная совокупность преступлений.

Г. Применяется статья Уголовного кодекса об ответственности за убийство и статья, предусматривающая ответственность за одно из названных ниже преступлений, сопряженных с посягательством на жизнь, когда установлено, что это преступление было совершено с целью убийства, т. е. явилось средством совершения убийства. В данном случае имеются в виду: действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений (ст. 77¹ УК)⁴, массовые беспорядки (ст. 79), нарушение правил движения и эксплуатации транспорта (ст. ст. 85, 211, 241¹ и 252)⁵, повреждение путей сообщения и транспортных средств (ст. 86), умышленное или неосторожное повреждение или уничтожение имущества (ст. ст. 98, 99, 149, 150), незаконное производство аборта (ст. 116), нарушение правил охраны труда (ст. 140), превышение власти или служебных полномочий (ст. 171)⁶, нарушение действующих на транспорте правил (ст. 213), нарушение правил безопасности горных работ (ст. 214), нарушение правил при производстве строительных работ (ст. 215), нарушение

¹ «Посягать», «посягнуть» — покушаться, дерзать, замысливать, намереваться (см. Даль В. Толковый словарь живого русского языка, т. III. М., изд-во иностранных и национальных словарей, 1955, с. 352). В юридической литературе термин «посягательство» иногда употребляется для общей характеристики отдельных категорий преступлений. Например, посягательства на жизнь, на социалистическую или личную собственность и т. п. Но здесь речь идет лишь о направленности группы деяний на определенный объект, из этого вовсе не следует, что отдельные оконченные преступления правильно отождествлять с «посягательством».

² См.: *Побегайло Э. Ф.* Указ. соч., с. 77.

³ См.: гл. 6.

⁴ См. п. 20 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве». — «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1975, № 4, с. 11.

⁵ См. п. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 6 октября 1970 г. «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях». — Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973, с. 549.

⁶ См. п. 18 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г.

правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах (ст. 216), нарушение правил полетов (ст. 253), нарушение правил кораблевождения (ст. 254).

Во всех этих случаях применяется правило об идеальной совокупности преступлений, так как вред причиняется не только жизни человека, но и другому охраняемому уголовным законом объекту.

Станислав Владимирович Бородин

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИИ ПРОТИВ ЖИЗНИ

Заведующий редакцией *Я. Я. Свит*
Редактор *Г. К. Большакова*
Младший редактор *Т. В. Харламова*
Обложка художника *Э. Л. Эрмана*
Художественный редактор *Э. П. Стулина*
Технический редактор *Л. К. Хлопова*
Корректор *И. Ф. Шухова*

Сдано в набор 28/VII 1976 г. Подписано в печать 4/X 1976 г. Бумага типографская № 3. Формат 84x108¹/₃₂. Объем: усл. печ. л. 12.60; учет-изд. л. 13,35. Тираж 10000 экз. А-11211. Заказ 5601. Цена 1 руб.

Издательство «Юридическая литература»
103064, Москва, К-64, ул. Чкалова, 38—40.

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома, г. Иваново-8, ул. Типографская, 6,

OCR: Александр Гребеньков, greb@kursknet.ru